

Валерий Павлович
ЧКАЛОВ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

Правительство Союза ССР с глубоким при-
скорбием извещает о гибели великого летчика
нашего времени Героя Советского Союза тов.
Валерия Павловича ЧКАЛОВА при испытании
нового самолета 15 декабря сего года.

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР и ЦК ВКП (большевиков).

СНК Союза ССР и ЦК ВКП (большевиков)
выражают семье тов. Валерия Павловича
ЧКАЛОВА свое соболезнование в связи с гибелью
Героя Советского Союза тов. ЧКАЛОВА.

ЖИЗНЬ ГЕРОЯ

Большой жизненный путь прошел Валерий Чкалов, сын котельщика из села Василево-Слобода, Горьковской области. Самостоятельную жизнь Валерий начал рано: уже подростком он работал судовым кочегаром на землечерпалке и на пассажирском пароходе, масленщиком на катере.

Шел суровый 1919 год. Железное кольцо блокады со всех сторон сжимало молодую Советскую республику. Лучшие сыны народа уходили на фронты гражданской войны защищать победы Великого Октября, сражаться за новую, лучшую и счастливую жизнь. И тогда-то юный 15-летний Чкалов вступил добровольцем в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 4-м авиационном полку, в Канавине, Чкалов получил первую авиационную специальность — мастера по ремонту самолетов. В те годы все его думы захватила мечта — научиться летать, стать пилотом. Скоро эта мечта юноши претворилась в действительность. Командование авиационного полка, видя хорошую работу тов. Чкалова, решило направить его на учебу. В августе 1921 года он был принят в Егорьевскую школу летчиков, а меньше чем через два года уже самостоятельно управлял самолетом.

По окончании Егорьевской школы тов. Чкалов был зачислен в 1923 году в Московскую школу высшего пилотажа по классу истребителей. Окончив ее, он перешел в Военно-воздушные силы РККА и работал военным летчиком с 1924 года по 1932 год.

Человек огромной силы воли, исключительного бесстрашия и мужества, редкого самообладания и хладнокровия, Валерий Павлович в совершенстве изучал каждую порученную ему машину. В летной практике Чкалова был случай, когда в течение 45 минут он сделал 250 мертвых петель.

Бесстрашию летчика влекла к себе каждая новая машина. Безграничное мужество, помноженное на любовь к технике, определило дальнейший путь Чкалова: перейдя в научно-испытательный институт Военно-воздушных сил РККА, он стал летчиком-испытателем. Позже он начал работать на заводе им. Менжинского. Валерий Павлович изучил и облетал десятки машин различных конструкций.

5 мая 1935 года правительство наградило тов. Чкалова за неоднократно проявленную исключительную смелость и мужество при испытании новых конструкций самолетов орденом Ленина.

У всей страны в памяти замечательный

перелет гг. Чкалова, Байдукова и Белякова по Сталинскому маршруту Москва — Баренцево море — Земля Франца-Иосифа — мыс Челюскин — Петропавловск-Камчатке. После 56 часов 20 минут полета, значительная часть которого проходила в сложнейшей метеорологической обстановке, краснокрылый самолет совершил блестящую посадку у Николаевска-на-Амуре, на небольшом острове Уд, носящем теперь имя Чкалова.

За осуществление этого перелета в исключительно трудных условиях Арктики правительство присвоило командарму самолета Валерию Павловичу Чкалову и его отважным спутникам гг. Байдукову и Белякову звание Героя Советского Союза, наградило их орденом Ленина.

Валерий Павлович Чкалов всегда активно участвовал в политической жизни. В октябре 1936 года решением ЦК ВКП(б) он был принят в ряды великой партии Ленина — Сталина. С этого дня летчик-коммунист Чкалов еще с большей настойчивостью взялся за решение новых сложных и ответственных задач, стоящих перед авиацией страны социализма.

Чкалов вместе со своими товарищами лелеял мечту совершить беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки, готовился к нему тщательно и серьезно.

Утром 18 июня 1937 года одномоторный самолет, неся на своем фюзеляже гордую надпись «Сталинский маршрут», стартовал и лег курсом на север.

Героический экипаж преодолел труднейшие условия полета в Арктике. Самолету пришлось обойти четыре пиклона, сделав лишние около 3.000 километров. Облачность заставила летчиков подняться до высоты 6.100 метров, но они не свернули с курса. 63 часа пробыл в воздухе краснокрылый самолет и совершил блестящую посадку близ Портланда.

Замечательный человек, достойный сын советского народа, Валерий Павлович Чкалов пользовался горячей любовью трудящихся. Год назад избиратели Горьковского избирательного округа по выборам в Совет Национальностей избрали тов. Чкалова своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Все свои неиссякаемые творческие силы, опыт и знания, всю свою энергию отдал Валерий Павлович беззаветному служению родине, неустанно крепя Красный воздушный флот могучей авиационной державы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8-й год издания

№ 12

Декабрь 1938 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Б. Волин

БОЕВАЯ ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ

Наша большевистская партия, все наши кадры, действующие, кадры, обучающие и обучающиеся, все большевики, партийные и непартийные, встретили с громадным политическим подъемом, с исключительным творческим энтузиазмом постановление Центрального комитета ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

Это постановление — новая решающая веха в организации большевистской пропаганды марксизма-ленинизма, и веха эта означает новый дальнейший подъем в идейно-политической жизни всей Советской страны.

Вслед за указанием товарища Сталина в марте 1937 года на Пленуме ЦК ВКП(б) о том, что «старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности», наша большевистская партия получила сталинскую «Историю ВКП(б)», новое могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. С опубликованием же постановления ЦК партии о постановке пропаганды указан путь, дан ключ к овладению вершинами марксистско-ленинской теории, великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

«История ВКП(б)» — это прежде всего научная история большевизма, в которой изложен и обобщен гигантский опыт революционной борьбы, равного которому не имеет ни одна партия мира, опыт партии Ленина—Сталина.

Изучение «Истории ВКП(б)» обогащает наши кадры, советскую народную интеллигенцию опытом борьбы трудящихся нашей страны за социализм, помогает овладевать большевизмом, повышает нашу политическую бдительность, вооружает знанием законов общественного развития и политической борьбы, знанием движущих сил революции, укрепляет уверенность в окончательной победе великого дела партии Ленина — Сталина, в победе коммунизма во всем мире.

«История ВКП(б)» — «великое сталинское повествование о героических делах нашей партии, о героических делах нашего народа, о тех победах, которые одержаны в дни Великой Октябрьской революции под руководством Ленина и Сталина, о тех победах, которые одержаны нашим народом вчера и сегодня под мудрым, замечательным, небывалым в истории человечества руководством нашей партии и нашего великого товарища Сталина» (Каганович).

«Центральный Комитет партии и лично товарищ Сталин дали в руки партии, комсомола, в руки трудящихся это новое мощное идейное оружие большевизма, чтобы помочь идейному вооружению наших кадров» (Жданов).

«Выход «Истории ВКП(б)» будет иметь громадное революционно-просветительское значение, — говорит тов. Молотов В. М. в своем докладе «21-я годовщина Октябрьской революции». — Книга отвечает глубоко назревшим идейным запросам партии и всей массы трудящихся... «История ВКП(б)» сыграт исключительную большую организующую роль во всей нашей борьбе по строительству социалистического общества. Каждый рабочий, колхозник, интеллигент найдет в этой книге ответы на многие вопросы, которые близко, непосредственно относятся к его работе, к его участию в социалистическом строительстве».

«История ВКП(б)» является важнейшим средством по овладению большевизмом, по вооружению членов партии марксистско-ленинской теорией, по повышению политической бдительности наших кадров, по поднятию дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

* * *

Постановление ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды дает сталинские характеристики и разъяснения тех задач, из которых исходил ЦК партии, создавая «Краткий курс истории ВКП(б)».

На руках у пропагандистов и учащихся был ряд учебников по истории партии. Эти учебники все, без исключения, страдали теми крупнейшими недостатками, на которые товарищ Сталин указал в своем письме составителям учебника «История ВКП(б)». Эти учебники, каждый по-своему, устанавливали периодизацию истории большевистской партии, каждый произвольно толковал основные вопросы истории партии, там же, например, как причины поражения революции 1905—1907 годов, причины победы февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революции; учебники по-разному оценивали отношение большевиков к плехановской группе «Освобождение труда», к народникам, к войне и другим важнейшим вопросам истории партии, марксистско-ленинской теории.

ЦК партии, товарищ Сталин дали в «Кратком курсе истории ВКП(б)» единое руководство, официальное, проверенное толкование основных вопросов истории партии, марксизма-ленинизма, положили конец неразберихе, разногласию, произвольному толкованию важнейших вопросов партийной теории и истории партии.

В области пропаганды марксизма-ленинизма за последние годы образовался разрыв между марксизмом и ленинизмом. Забывая о том, что большевизм создан на гранитной базе марксизма, что ленинизм — это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, в пропагандистской практике преподавали ленинизм отдельно от марксизма, а также искусственно расщепляли составные части единого марксистско-ленинского учения — диалектический и исторический материализм и ленинизм, исторический материализм и историю партии. В списке первоисточников, приложенных к программе по ленинизму, который преподавался как обособленная доктрина, оторванно от марксизма, отсутствовали труды Маркса и Энгельса.

«Курс истории ВКП(б)» и является тем руководством по теории и истории партии, в котором устранены эти недостатки, ликвидирован созданный начетчиками, схоластами, вульгаризаторами вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом. ЦК партии создал такое руководство, в котором показано «неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма» и изложено то новое, что внесено Лениным и Сталиным в марксистскую теорию (учение о партии, о диктатуре пролетариата, о советах, о построении социализма и коммунизма в одной, отдельно взятой стране, о колхозном строительстве, о советском государстве в капиталистическом окружении и многое другое).

В глубоком противоречии с тем, чему нас неизменно учат партия, Ленин и Сталин, старые учебники излагали историю партии прежде всего вокруг исторических лиц, систематическое и правильное ленинско-сталинское развертывание идей марксизма-ленинизма отсутствовало. История излагалась «как легкий и непонятный рассказ о делах минувших». Эти учебники пытались воспитывать кадры не на идеях марксизма-ленинизма, а главным образом на лицах и их биографиях.

«История ВКП(б)» в противоположность этому немарксистскому, ленинскому подходу к делу воспитания большевистских кадров излагает научно историю партии, и, таким образом, воспитывает партийные кадры в первую очередь на идеях марксизма-ленинизма.

Будучи энциклопедией основных идей марксизма-ленинизма, «История ВКП(б)» не излагает их оторванно от великого опыта революционной борьбы рабочего класса. Напротив, основные идеи марксизма-ленинизма демонстрируются на основе исторических фактов. Правильность марксистско-ленинской теории, т. е. знания законов общественного развития и политической борьбы, проверяется на практике, подтверждена опытом классовой борьбы пролетариата. На основе обобщения нового практического опыта классовой борьбы пролетариата обогащается и развивается марксистско-ленинская теория. «История ВКП(б)» блестяще, со всей сталинской мудростью и теоретической глубиной показывает на неисчерпаемом опыте всей истории партии — на опыте борьбы с народничеством, с либералами, с «экономизмом», с меньшевиками, на опыте тактики большевиков в 1905 году, в империалистическую войну, на опыте подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, использования передышки, осуществления нэпа, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, построения в основном социализма в нашей стране и постепенного перехода в условиях капиталистического окружения к высшей фазе коммунизма, — что история партии есть марксизм-ленинизм в действии.

Высокий теоретический уровень «Истории ВКП(б)» помогает вскрывать и разоблачать упрощенчество, вульгаризацию и опошление марксизма-ленинизма, которые до последнего времени имели место в работе некоторых лжетеоретиков и пропагандистов.

Маркс писал, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»¹.

Согласно марксистскому, историческому материализму, общественно-экономические отношения определяют задачи, которые люди себе ставят, идеи, которые они формулируют, а не наоборот. Вульгаризацией, опошлением марксизма будет, если из этого делать вывод, будто марксизм отрицает роль выдающихся личностей в общественной жизни, отрицает, что люди делают историю.

Когда в ответ на указание товарища Сталина, что Ленин по сравнению с Петром Великим — целый океан, тогда как Петр — только капля в море, немецкий писатель Эмиль Людвиг заявил, что марксизм отрицает роль выдающейся личности в истории, товарищ Сталин сказал, что у Маркса, в его «Нищете философии» и в других работах, можно найти слова о том, что «именно люди делают историю». Но, «конечно, — добавил товарищ Сталин, — люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить». И наоборот. «Выдающиеся личности, — говорится в «Истории ВКП(б)», — могут превратиться в ничто, если их идеи и пожелания идут вразрез с экономическим развитием общества, вразрез с потребностями передового класса» (стр. 16).

Этого народники и их эпигоны, эсеры, не знавшие и не понимавшие законов экономического и политического развития общества, не хотели признавать. По их утверждению, масса есть «толпа», которая идет слепо за отдельными, выдающимися «личностями».

Вульгаризацией, опошлением марксизма является не только преувеличенное представление о первостепенной роли «героев» и их идей в общественном развитии, но и умаление значения масс, противопоставление массы руководителям. «Не герои делают историю, — отмечается в «Истории ВКП(б)», — а история делает героев, следовательно, — не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю» (стр. 16). Ленин и Сталин учат нас не только понимать решающую роль масс

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 7.

в истории борьбы, организовать их, руководить ими, но и учиться у народа, у масс, не зазнаваться, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывать связи с массами, чутко прислушиваться к голосу масс, безбоязненно и смело выдвигать талантливых людей из народа на руководящую работу. «Я думаю, — сказал товарищ Сталин на Пленуме ЦК партии в марте 1937 года, — что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми. В этом ключ непобедимости большевистского руководства». Этими замечательными сталинскими словами заканчивается «История ВКП(б)».

«Краткий курс» кладет конец вульгаризации и опошлению марксизма-ленинизма, извращениям в вопросе о роли личности в истории, проводимым некоторыми лжетеоретиками и пропагандистами с явно антимарксистских и давно осужденных партией полуксеровских позиций.

Вопреки неоднократным указаниям Ленина и Сталина по вопросу о победе социализма в нашей стране, среди некоторых лжетеоретиков и пропагандистов было в ходу в корне неправильное, антиленинское, вредное мнение. Это мнение заключалось в том, что победу социализма в нашей стране следует считать, несмотря на капиталистическое окружение, окончательной и, следовательно, страну нашу — гарантированной от интервенции и капиталистической реставрации. Товарищ Сталин не раз указывал, что в вопросе о победе социализма в одной стране следует различать две стороны: внутреннюю и международную. Что касается первой стороны вопроса, то мы собственными силами одолели, ликвидировали свою буржуазию и построили в основном социалистическое общество. Но эта победа не окончательная, ибо на свете, как говорит товарищ Сталин в своем ответе комсомольскому пропагандисту Иванову, все еще существуют такие «неприятные вещи», как капиталистическое окружение, опасность военного нападения, и следовательно, опасность реставрации капитализма. «Вторую проблему, — указал товарищ Сталин в этом письме, — можно разрешить лишь в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа». Отсюда настойчивая необходимость укреплять наши интернациональные связи и держать наш народ «в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичнуть нас врасплох...»

«История ВКП(б)» положила конец вульгаризации и опошлениям в вопросе о победе социализма в нашей стране и восстановила установки марксизма-ленинизма, данные Лениным и Сталиным.

Как известно, большевики никогда не были простыми пацифистами, вздыхающими о мире, большевики всегда стояли за активную революционную борьбу против империалистической войны вплоть до свержения власти воинствующей империалистической буржуазии. Большевики никогда не были мелкобуржуазными миротворцами, благочестиво ведущими поистину пропаганду мира. «История ВКП(б)» дает глубокое, сталинское понимание сущности разных типов войн в нынешний период, когда вторая империалистическая война фактически уже началась.

Большевики считали и считают, что существуют два сорта войн: войны справедливые — захватнические, освободительные — и войны несправедливые — захватнические, поработительские. И большевики всегда боролись против империалистических войн: русско-японской, мировой, против войны Японии в Китае, войны германского и итальянского фашизма против испанского народа, — как против захватнических войн; они поддерживают и всегда будут поддерживать такие войны, как войны абиссинского, испанского и китайского народов, как войны справедливые, освободительные.~

В. И. Ленин указывал, что после 7 ноября 1917 года мы стали оборонцами. Товарищ Сталин учит нас, что раньше у нас не было отечества, а «теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество». И мы, горячие советские патриоты своего социалистического отечества, выражаем свои

братские интернациональные чувства тем народам, которые в отечественной войне защищают свою родину против насильников и захватчиков.

Всяким извращениям марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непониманию различия между войнами справедливыми и несправедливыми, путанице в отношении оценки характера колониальных, империалистических войн, а также неправильному взгляду на большевиков как на своего рода «пацифистов», т. е. стоящих во что бы то ни стало за любой мир, — всем этим и подобным извращениям марксизма-ленинизма ЦК партии положил конец созданием «Истории ВКП(б)».

В своем постановлении от 26 января 1936 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР указали, что задача преодоления ошибочных и вредных исторических взглядов, свойственных так называемой исторической школе Покровского, является необходимой предпосылкой «...для развития марксистско-ленинской исторической науки и подема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения».

Однако до последнего времени в исторической науке продолжались антимарксистские извращения и вульгаризаторство, связанные с так называемой исторической школой Покровского, которая, вместо того чтобы оценивать исторические факты и события с точки зрения исторического материализма, исходила из «основ» вульгарного экономического материализма.

Известное постановление Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР указало на ряд антиисторических, немарксистских взглядов, имевших хождение среди наших историков. Известная исходная точка М. Н. Покровского и его «школы», по которой «история есть политика, опрокинутая в прошлое», приводила к извращению исторических фактов, к толкованию их не с точки зрения тех условий, в обстановке которых они протекали, а с точки зрения сегодняшнего дня. Это, по существу, была народническая «субъективная социология», ничего общего с марксистским историческим материализмом не имеющая.

Неправильно, неисторически, антимарксистски оценивалось всемирноисторическое значение французской буржуазной революции, которая, как никакая другая буржуазная революция, решительно разделалась с абсолютизмом и феодализмом и в этом отношении послужила лучшим образцом для последующих буржуазно-демократических революций в других странах. Исходя из того, что сегодня христианство и его разновидности — православие — являются антинародными, реакционными, мракобесными, вульгаризаторы и упрощенцы идеализировали дохристианское язычество, не понимая, что введение христианства на Русь было именно прогрессивным явлением, они отрицательно оценивали роль монастырей в первые века после крещения Руси, не понимая их роли как рассадников письменности и колонизационных баз. Этого рода историки не видели ничего положительного в борьбе Хмельницкого против польских панов, они не понимали, что присоединение Украины и Грузии к России было наименьшим злом сравнительно с перспективой поглощения Украины Польшей и Грузии Турцией. Такие замечательные образцы высокого патриотизма русского народа, как Ледовое побоище с «псами-рыцарями», борьба против татаро-монгольского ига, как Отечественная война 1812 года против нашествия Наполеона с его многоязычной армией, вульгаризаторы и упрощенцы искажали и охавали, не понимая их значения в борьбе русского народа за свою независимость.

Нередки случаи недialeктического, немарксистского подхода к таким историческим фактам, как восстание декабристов (непонимание того, что при всей своей классовой ограниченности декабристы были дворянскими революционерами, боровшимися против самодержавия и крепостничества), как славянофилы и западники (игнорирование эволюции этих течений), как народничество (сваливание в одну кучу героических революционеров-семидесятников и их эпигонов — народников 80—90-х годов) и т. д.

«История ВКП(б)» кладет конец подобного рода искажениям действительной истории, антимарксистскому извращению и вульгаризаторству в толковании исторических фактов. «История ВКП(б)» учит, «какое громадное значение имеет распро-

странение положений диалектического метода на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата» (стр. 104). Все зависит от условий, времени и места — учит нас марксистский диалектический метод. Примеры, приводимые в «Кратком курсе» (закономерность рабочего-владельческого строя в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя и противоестественная глупость его в эпоху империализма; революционность требования буржуазно-демократической республики, которая по сравнению с царизмом была шагом вперед, и бессмысленность, контрреволюционность такого требования в условиях существования советской власти), учат, как надо анализировать исторические явления и как их надо объяснять с точки зрения исторического материализма.

«Принцип» антимарксистской «школы» Покровского: «история есть политика, опрокинутая в прошлое», — приводил к фальсификации действительной истории, к антиисторическим попыткам приукрасить историю. Так случалось иногда в нашей пропаганде истории партии. В то время как «История ВКП(б)» говорит, например, что в обстановке убыли, упадка революции бойкот виттевской думы оказался неудачным («ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой был уже бойкот большевиками «думы» в 1906 году», — писал Ленин), в это время в нашей пропаганде этот факт иногда замазывался, приукрашивался. Причины поражения революции 1905 года иногда излагались не со всей исчерпывающей полнотой и ясностью, особенно по вопросу о союзе рабочих и крестьян в борьбе против царизма в тот период, об отсутствии необходимого единства и сплочения как в самом рабочем классе, так и в рядах партии рабочего класса. «История ВКП(б)» кладет конец таким попыткам приукрасить историю партии, вместо того чтобы дать правдивое ее изложение, попыткам изобразить историю партии «как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров».

Говоря об уроках последних политических разоблачительных судебных процессов, тов. Молотов в своей речи «О высшей школе» подчеркнул, что у нас пополнились наши представления в вопросе о государстве вообще, о социалистическом государстве, находящемся во внешнекапиталистическом окружении, в частности, что «наши представления в вопросе о государстве стали еще конкретнее», что «это облегчит нам более правильное использование аппарата государства в деле строительства нового, коммунистического, общества».

А между тем вульгаризаторы, не понимая сути марксизма, его революционной сущности, превращая его в догму, цепляясь за слова, распространяли неправильные взгляды на роль и значение советского государства, которому-де предстоит постепенное отмирание уже на нынешнем этапе строительства социализма. ЦК ВКП(б) разоблачает эту антимарксистскую, вульгаризаторскую путаницу. Это разоблачение блестяще выполнено в сталинском «Курсе истории ВКП(б)».

С исчерпывающей полнотой показал наше большевистское отношение к советскому государству тов. Молотов в своем докладе «21-я годовщина Октябрьской революции». «Чтобы победоносно бороться за полную победу коммунизма в условиях капиталистического окружения, — сказал В. М. Молотов, — мы должны по-большевистски поднять организованность и мощь единственного пока социалистического государства. Со временем, когда социализм победит во всех передовых капиталистических странах, государство с его армией и прочим специальным аппаратом отомрет, станет ненужным. Но в условиях капиталистического окружения дело идет не об отмирании социалистического государства, а о его способности победоносно отражать удары классового врага, и особенно со стороны не разбитого еще классового врага вне пределов СССР. В современных условиях вопрос стоит не об отмирании советского государства, а в том, чтобы усилить мощь нашего государства, чтобы иметь крепкое и могущественное, по-большевистски организованное, социалистическое государство».

Постановление ЦК ВКП(б) подчеркивает роль и значение социалистического государства как «главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистиче-

ского окружения». Товарищ Сталин, двигая вперед марксизм-ленинизм в новой исторической обстановке, поставил по-новому и вопрос о возможности, а следовательно, и необходимости построения коммунистического общества в одной стране в условиях капиталистического окружения с сохранением государства, Красной Армии, органов советской разведки.

«История ВКП(б)», обобщая опыт двенадцатилетнего существования первого социалистического государства и по марксистско-ленински освещая перспективы постепенного перехода от социализма к высшей фазе — коммунизму, — дает четкую установку в вопросе о характере, роли и перспективах советского государства, которое в условиях капиталистического окружения неуклонно развивается по пути к коммунизму.

«Краткий курс истории ВКП(б)», таким образом, кладет конец всякой путанице в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии, кладет предел вульгаризации и опошлению марксизма-ленинизма, давая официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допуская никаких произвольных толкований.

Энгельс в «Крестьянской войне в Германии» писал, что «социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним обращались как с наукой, т.-е. чтобы его изучали»¹. Этому учат нас Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. На этом основан великий сталинский труд — «История ВКП(б)», которая от первой до последней страницы, от «Введения» до «Заключения», через все двенадцать глав, наглядно демонстрирует силу и значение марксистско-ленинской теории, которая учит нас ценить силу и значение революционной теории, как ценил ее Ленин, как ее ценит товарищ Сталин.

«История ВКП(б)» — научный труд, раскрывающий законы развития общества, научно разъясняющий, как «применять эти законы для руководства революционной деятельностью пролетариата».

Научный социализм требует, чтобы его не превращали в догму, а чтобы с ним обращались как с наукой, чтобы его изучали, развивали, двигали вперед. Марксистско-ленинская теория, «как и всякая наука, — говорит в своем постановлении ЦК партии, — непрерывно развивается и совершенствуется и... не боится заменять отдельные устаревшие положения и выводы новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям».

Что «марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию», с исключительным сталинским мастерством показано на протяжении всего «Курса истории ВКП(б)» и подтверждено блестящими примерами (о парламентской демократической республике и республике Советов, о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране).

Говоря о Ленине как об одном из корифеев науки, как о величайшем человеке современности, как об образе мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу новой науке, товарищ Сталин на приеме в Кремле работников высшей школы напомнил, как в 1917 году «на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России». Товарищ Сталин рассказал, как против Ленина, якобы разрушающего науку, ополчились люди науки. Как, например, Шеханов утверждал, что Ленин находится «в бреду», как другие, не менее известные люди науки утверждали, что «Ленин сошел с ума». Но Ленин не убоился пойти против течения, против косности. И Ленин победил. Всей своей великой деятельностью подтверждает товарищ Сталин, что марксизм-ленинизм — не догма, а руководство к действию. Чем, как не великим новаторством в марксистско-ленинской теории построения коммунизма, является указание товарища Сталина о возможности и необходимости построения коммунистического общества в одной нашей стране, находящейся в капиталистическом окружении, при обязательном укреплении советского государства и сохранении его армии? Товарищ Сталин смело двигает вперед марксистско-ленинскую науку, обогащая ее новым опытом в новых

¹ Цит. по Ленину. Собр. соч. Т. IV, стр. 382.

условиях классовой борьбы рабочего класса, научно раскрывая законы развития нашего социалистического общества.

Центральный комитет большевистской партии в своем постановлении указывает на теоретическую отсталость наших кадров, кадров народной советской интеллигенции. Созданием «Истории ВКП(б)» ЦК партии дал в руки наших кадров ключ к овладению большевизмом. ЦК партии предупреждает, что «задача правильного руководства всеми отраслями социалистического строительства требует овладения со стороны практиков основами марксистско-ленинской теории», что «без овладения большевизмом, без преодоления своей теоретической отсталости наши кадры будут хромать на обе ноги».

Говоря о недостатках в области пропагандистской и теоретической работы, ЦК партии указывает, что «важнейшим недостатком в деле партийной пропаганды является пренебрежение со стороны партийных организаций к делу политической подготовки, к делу марксистско-ленинской закалки наших кадров, нашей советской интеллигенции».

В труднейших условиях самодержавно-полицейского террора наши старые кадры настойчиво учились марксизму-ленинизму. Труды Маркса, Энгельса, Ленина были под запретом, отдельные произведения, такие, как «Капитал», «От утопии к науке» или «Развитие капитализма в России», находившись в библиотеках в единичных экземплярах. Известно, что во время своей первоначальной работы в Баку товарищ Сталин вместе с другими своими соратниками, достав из библиотеки единственный экземпляр «Капитала», решили его переписать от руки и затем по таким рукописным клятвам-«спискам» учились марксизму. Известно, что так переписывался «Коммунистический манифест» и замечательный, вдохновлявший многие поколения революционеров на борьбу с самодержавием роман Чернышевского «Что делать?» Нелегальная марксистско-ленинская литература была редка, и ее трудно было достать.

А теперь? У нас, в нашей стране социализма, в условиях Сталинской Конституции имеются действительно неограниченные возможности для глубокой самостоятельной работы над своим партийно-политическим самообразованием.

Наши газеты выходят многотысячными, а «Правда» и «Известия» миллионными тиражами. У нас колоссальная сеть разнообразных журналов, тиражи которых огромны, а таких, как «Большевик», «В помощь партучебе», «Спутник агитатора», не бывало велики. Труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, произведения классиков философии, истории, общественных наук, литературы на русском и других языках Советского Союза в полном распоряжении каждого, желающего овладеть большевизмом. «История ВКП(б)» издана на языках нашей Советской страны не менее чем 10-миллионным тиражом. Наша библиотечная сеть выросла во много раз, наши библиотеки по богатству своих книжных фондов намного превзошли все, что было до Великой Октябрьской социалистической революции. Клубы, залы собраний, кабинеты для занятий открыты для всех, желающих работать над собой, над своим политическим, теоретическим развитием.

Сталинская Конституция обеспечивает всех граждан СССР правом на труд, на отдых и на образование. Это значит, что советский народ, его интеллигенция не удручены, не измучены думами о куске хлеба, безработица — этот бич трудящихся капиталистических стран — не стоит кошмаром перед их глазами. Советский народ уверен в завтрашнем дне, его материальное и культурное положение улучшается с каждым днем как в городе, так и в деревне. Это значит, что 7-часовой, а во многих производствах и во всех учреждениях 6-часовой рабочий день оставляет очень много времени для культурной жизни, для самообразования. Налицо неограниченные возможности. Что же требуется еще? Прежде всего требуется сознание того, что овладение марксистско-ленинской теорией — дело наживное. Марксистско-ленинской наукой можно овладеть полностью, раз можно успешно овладевать такими науками, как физика, химия и биология. Для этого требуется только большевистская настойчивость, требуется проявить желание и твердость характера в достижении этой великой цели.

Такой настойчивой работой над собой наша советская интеллигенция ликвидирует свое отставание в области теории. Особенно сильно отстали наши кадры, занятые практической работой. А без ликвидации теоретической отсталости нельзя верно

руководить. «Искусство большевистского руководства, — говорится в постановлении ЦК партии, — требует знания теории, т. е. законов развития общества, законов развития рабочего движения, развития пролетарской революции, развития социалистического строительства и умения пользоваться этими законами в практической работе, по руководству социалистическим строительством». Нашей интеллигенции, кадрам государственного аппарата наша страна поручает и доверяет вести советскую внешнюю и внутреннюю политику, тем более она должна овладеть самой передовой наукой — марксистско-ленинской теорией, — помогающей правильно руководить, правильно понимать политику нашего государства, его задачи вовне и внутри страны.

Овладение марксистско-ленинской теорией дает большевистскую закалку, уверенность в победе, заостряет бдительность. «Необходимо понять, — говорится в постановлении ЦК партии, — что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшаяся вне политического влияния партии и лишенная идейной заправки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры». ЦК партии подчеркивает, что без своей интеллигенции, которая воспитана в духе марксизма-ленинизма, советское государство не может с успехом руководить страной.

* * *

Постановление ЦК партии выдвигает новые большие задачи на теоретическом фронте в целом, в области исторической науки в особенности. Исключительно серьезные и ответственные задачи поставлены выходом «Курса истории ВКП(б)» и постановлением ЦК партии перед нашими кадрами, ведущими теоретическую и пропагандистскую работу. Постановление означает новые, во много раз возросшие требования перед нашим журналом, перед его редакцией, сотрудниками, авторами и читательским активом. «В пропаганде марксизма-ленинизма, — говорится в постановлении ЦК ВКП(б), — главным, решающим оружием должна являться печать — журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место. Печать дает возможность ту или иную истину сделать достоянием всех, она поэтому сильнее устной пропаганды». Поэтому именно работники печати обязаны прежде всех и полнее всех ликвидировать свою теоретическую отсталость, устранить недостатки и пробелы в своей собственной идеологической подготовке и поднять нашу пропагандистскую работу в области печати на должную высоту.

Какие же задачи мы обязаны поставить перед собою как перед работниками печати?

В деле пропаганды марксизма-ленинизма наш журнал является наряду с другими большевистскими органами печати решающим оружием. Мы обязаны в первую очередь ликвидировать нашу собственную недооценку значения печати как важнейшего оружия марксизма-ленинизма и всесоюзной трибуны пропаганды марксистско-ленинской теории.

В свете «Краткого курса истории ВКП(б)» и постановления ЦК партии о постановке пропаганды мы ясно видим крупнейшие недостатки в нашей работе, вызванные недооценкой значения журнала как всесоюзной трибуны марксистско-ленинских идей в области исторических знаний. Статьи в журнал поступают от авторов не на том уровне, которого требует марксистско-ленинская передовая наука, и редакторский глаз нередко проходил мимо вульгаризаторства и начетничества, мимо аполитичности, беспартийности и голого эмпиризма в ряде наших статей.

Выход в свет «Курса истории ВКП(б)» и постановление ЦК ВКП(б) требуют от нас общего и серьезного подъема всей нашей работы. ЦК партии призывает «всех работников теоретического фронта решительно и быстро выправить нетерпимое отставание теоретического фронта, покончив с боязнью смелой постановки теоретических вопросов,двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончив с буквоедством, начетничеством, схоластикой, вульгаризацией и оплошлением отдельных положений марксистско-ленинской теории». Постановление ЦК ВКП(б) отмечает «оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы

нашей партии» и обязывает эти журналы давать на своих страницах постановку актуальных теоретических вопросов. «Исторический журнал» при разработке своей тематики будет руководствоваться этим указанием партии. Так например тематика по новой истории будет исходить из современной международной обстановки и выдвигать в первую очередь те вопросы, история которых поможет уяснению современного положения. История международных отношений, история колониальных стран, история Китая, Испании, Австрии, история борьбы народных масс капиталистических стран против фашизма найдут большее отражение в тематике журнала, чем это было до сих пор. История советского государства, история борьбы за социалистическое строительство,—также одна из первоочередных задач «Исторического журнала». ЦК партии обязывает нас, работников печати, журналов в особенности, перестроить вашу работу, обеспечить теоретические запросы кадров нашей страны, начать разработку новых теоретических проблем и обеспечить творческое обсуждение вопросов теории.

«История ВКП(б)», постановления ЦК вовлекают широкие слои советской интеллигенции в самостоятельную работу над изучением основ марксизма-ленинизма, над изучением исторического материализма, метода материалистической диалектики. Наш журнал должен оказывать своим читателям систематическую помощь в этой работе. Для этого в первую очередь мы должны добиться, чтобы наши авторы серьезно готовились к созданию статей, чтобы они глубоко изучали и знали исторические явления и факты, о которых они собираются писать, чтобы они давали марксистско-ленинское освещение, анализ этих фактов. Чтобы дать в журнал статью на высоком теоретическом уровне, надо много и хорошо знать. «Знать надо как можно больше,—говорит М. Горький в своей статье «Как я научился писать».—Чем разнообразнее опыт, тем выше он поднимает человека, тем шире становится поле зрения».

Нашими авторами должны быть глубоко образованные и вдумчивые марксисты, преданные до конца знамени Ленина—Сталина большевики, партийные и непартийные. Статьи наших авторов должны будить теоретическую мысль, они должны ставить исторические проблемы, они должны двигать дело исторической науки.

«История ВКП(б)» показывает, наряду со сталинской теоретической глубиной содержания, прекрасную форму изложения, сталинский стиль, сталинскую чеканку русского языка. Мы все обязаны работать, трудиться над стилем своих статей, над их языком. Замечательно гибкий, богатый формами русский язык наш, язык Пушкина и Гоголя, Тургенева и Горького, язык Ленина и Сталина, должен звучать со страниц нашего журнала.

Значит ли все это, что редакция должна замкнуться в узком кругу специалистов-историков, хотя и овладевших марксистско-ленинской наукой? Нет, это вовсе не значит! Мы знаем, какое богатство молодых подготовленных кадров выдвигают народы нашей великой советской семьи. Ленинско-Сталинский ЦК партии требует смелого выдвижения молодых кадров. И мы обращаемся к молодым историкам, к молодым пропагандистам с призывом — не робеть перед писательством, не отказываться от авторства.

Круг тем, которые «Исторический журнал» хочет реализовать в ближайшие полгода, год, велик и разнообразен. Список статей, опубликованных в № 5 «Исторического журнала», нами реализуется, он будет и впредь выполняться. В связи же с выходом «Истории ВКП(б)» журнал разработал дополнительную тематику статей. Редакция ставит себе задачу—прежде всего усилить работу журнала по разработке вопросов истории ВКП(б), истории СССР и всеобщей истории международного революционного движения. Журнал будет помещать статьи, посвященные первоисточникам марксизма-ленинизма; при этом будут даны обстоятельное освещение исторических этапов и поворотов, вызвавших появление данных произведений, а также оценка значения этих трудов для дальнейших судеб коммунистического движения, истории ВКП(б) в особенности.

Для того чтобы помочь читателям глубоко уяснить себе сущность материалистического взгляда на историю, журнал намечает ряд статей, посвященных истории самой исторической науки и ее задачам. Надо знать тот путь, который прошла историография до появления единственно подлинно научного взгляда на историю — исто-

рического материализма; надо знать ту борьбу, которую против этой единственно научной теории вели и ведут буржуазные историки, а также те извращения и искажения, которым эта теория подвергалась как со стороны открытых представителей буржуазии, так и со стороны оппортунистических течений внутри рабочего движения, пытавшихся сделать марксизм приемлемым для буржуазии; надо знать реакционную беспомощность современной буржуазной историографии и ее полное вырождение и ликвидацию в странах фашизма — это поможет еще глубже понять торжество марксистско-ленинской теории и марксистско-ленинской методологии.

Журнал открывает на своих страницах систематическую, из номера в номер, консультацию, которая будет давать ответы и разъяснения по интересующим членов партии и беспартийных теоретическим и политическим вопросам в области исторических знаний. Журнал ставит также своей задачей печатать лекции лучших пропагандистов, лучших преподавателей истории.

Серьезных улучшений требует и один из важнейших разделов журнала — «История в школе», — в котором печатаются статьи практиков-учителей. Мы не сомневаемся, что тот громадный идейно-политический подъем, который происходит во всей Советской стране в связи с созданием «Истории ВКП(б)» и постановлением ЦК партии, дает себя знать на работе учителей-историков вообще, на их авторской работе в частности. Журнал предполагает впредь давать свою собственную оценку по вопросам, которые ставятся в статьях этого раздела. Это будет своеобразная консультация по вопросам преподавания истории в школе. Необходимо, чтобы учителя нам писали также и о том, как сами учителя-историки пользуются «Историей ВКП(б)» и первоисточниками для поднятия своего теоретического уровня.

Учителя наших школ вообще, учителя-историки в частности, и пропагандисты истории партии — один из передовых отрядов нашей советской интеллигенции. Этот отряд должен во что бы то ни стало приступить всерьез к овладению высотами марксистско-ленинской науки. Работники исторического фронта, в том числе учителя истории, пропагандисты, должны проявить настойчивость, твердость характера в овладении марксистско-ленинской теорией. Овладевая этой передовой наукой, надо ее, как всякую науку, двигать вперед, неустанно работать над историческими проблемами. И прежде всего наши авторы должны помнить, что «историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов... Значит, первой задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества» («Краткий курс истории ВКП(б)» стр. 116).

* * *

Выход в свет «Истории ВКП(б)» и постановление ЦК партии создали несомненный поворот наших кадров к ликвидации своей теоретической отсталости и положили начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и всего советского народа.

Постановление ЦК ВКП(б) — это развернутая сталинская боевая программа большевистской работы для всей нашей партии, для нашей интеллигенции, в особенности же, для работников исторического фронта.

Перестроим, улучшим качество нашей работы! Ликвидируем свою теоретическую отсталость! Устраним недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке! Поднимем нашу работу большевистских литераторов-историков на высоту, которой требуют от нас советский народ, наш великий вождь и учитель товарищ Сталин!

«Овладевая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непобедимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма» (Постановление ЦК ВКП(б)).

**В. И. ЛЕНИН
И ПЕТЕРБУРГСКИЙ**

**„СОЮЗ БОРЬБЫ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
РАБОЧЕГО КЛАССА“**

1

«В 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России,—писал В. И. Ленин в статье «Понятное направление в русской социал-демократии»,—одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое—движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению соц.-демократии»¹.

Группа «Освобождение труда», организованная в 1883 году за границей, сделала лишь «первый шаг навстречу рабочему движению», ее заслуга заключалась в том, что она «теоретически основала социал-демократию»². Марксистские кружки и группы, возникшие в России в 80-х и в начале 90-х годов, были еще очень мало связаны с рабочим движением. Десятилетие 1884—1894 годов — это «период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии»³.

Решение задачи «соединения марксизма с рабочим движением» принадлежит лишь В. И. Ленину, который в 1895 году создал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — «первый серьезный зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение»⁴.

В. И. Ленин приехал в Петербург 12 сентября (31 августа) 1893 года. Рабочие марксистские кружки так называемой брусневской организации в это время были разгромлены. Группа марксистов-технологов («брусневцев») была почти вся арестована. Вместе с ней попали в тюрьму и ссылки многие передовые рабочие брусневской организации. Оставшимся на свободе членам центрального рабочего кружка —

В. Шелтунову, А. Фишеру и другим, в течение некоторого времени пришлось почти исключительно собственными силами вести борьбу с петербургской группой народо-вольцев, деятельность которой заметно оживилась. Пользуясь разгромом марксистской группы Бруснева, народо-вольцы проникали в уцелевшие рабочие кружки и пытались укрепить в них свое влияние.

В 1892 и 1893 годах марксистская молодежь стала снова собирать свои силы. От брусневской группы студентов-технологов уцелел один Степан Иванович Радченко. Уже в первой половине 1893 года организовался кружок в следующем составе: Г. И. Кржижановский, В. В. Старков, Д. Н. Кудрявский, М. К. Названов, позднее к ним присоединился П. К. Запорожен и осенью 1893 года М. А. Сильвин и А. А. Ванеев. Близко стояли к кружку Н. К. Крупская, сестры З. П. и С. П. Невзоровы, А. А. Якубова и Л. Баранская.

Члены кружка занимались изучением «Капитала» и вели параллельно занятия с отдельными, наиболее развитыми рабочими. К каждому пропагандисту были прикреплены 1—2 рабочих, и влияние марксистов на рабочие кружки распространялось именно через них. С. Радченко, слышавший большим конспиратором, думал, изолируя таким образом кружки, локализовать провалы. Такой метод пропаганды, конечно, совершенно отрывал интеллигентов-марксистов от рабочей массы. Работа кружка марксистов, группировавшихся вокруг Радченко носила в значительной мере культурнический характер. Рабочие-пропагандисты не были довольны таким порядком вещей. «Для нашей повседневной пропаганды мы чувствовали, что чего-то недостает»⁵, — пишет А. Фишер.

Когда Ленин приехал в Петербург и через М. А. Сильвина связался с кружком марксистов, он очень быстро стал во главе этого кружка. «Мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером... — вспоминает М. Сильвин, — это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычайной трудоспособности, на его умственном превосходстве, — он имел для нас и огромный моральный авторитет, притом двойного рода. Мы видели, мы постоянно чувствовали в нем необычайную силу убеждений, глубокую идейность, мы видели, что во всех своих рассуждениях, чего бы они ни касались, он исходил из одной только идеи, из идеи борьбы русского рабочего класса за революцию, за социализм; и этой идее он отдавал себя всецело, для него не бы-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 537.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 353.

³ «История ВКП(б)», стр. 17.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ А. Фишер «В России и в Англии», стр. 19. 1922.

ло других интересов, кроме тех, которые были связаны с ней, другой жизни, кроме той, которая была всецело отдана им этой идее»¹.

Таково было впечатление, которое произвел В. И. Ленин на петербургских марксистов.

Познакомившись с членами кружка и присмотревшись к их деятельности, Ленин очень скоро поставил вопрос о преодолении академичности, «догматичности» в работе кружка. Ленин указал, что русские марксисты до сих пор ничего или почти ничего не сделали, чтобы вызвать к жизни массовое движение в России. Сильвин вспоминает горячую речь Ленина на докладе Г. Красина «О рынках» в октябре 1893 года. «Рабочие, с которыми мы изучаем Маркса,— говорил Ленин,— те же интеллигенты, что и я, ни, тем более, нас рабочая масса не знает, что ей мы чужды и что мы должны вести работу так, чтобы заинтересовать эту самую массу, подходить к ней с вопросами, ее наиболее волнующими...»².

Реферат Г. Красина «О рынках» получил со стороны Ленина решительную отповедь в речи тут же, на собрании, и в его контрреферате «По поводу так называемого вопроса о рынках»³, с которым он вскоре выступил. Этот реферат, разоблачавший ошибочные воззрения Г. Красина и направленный против народников, в частности против Николая-она (Даниэльсона), так же как и вся дискуссия о рынках, сыграл роль поворотного пункта в деятельности кружка. Ленин, увидя, что кружку грозит опасность скатиться к легальному марксизму, к голому теоретизированию, направил его на путь живой революционной работы, повернул лицом к конкретной действительности.

«Не в том только дело, чтобы хорошо знать теорию стоимости или теорию рынков,— говорил, по воспоминаниям Сильвина, Ленин,— надо усвоить метод Маркса, а этого можно достичь только применением этого метода к изучению русской действительности и задач рабочего движения в России»⁴.

Вскоре Ленин написал свою знаменитую работу, в которой показал образцы применения марксизма к экономической и политической обстановке России: «Что такое

¹ М. Сильвин «К биографии В. И. Ленина». «Пролетарская революция» № 7 (30) за 1924 год, стр. 75.

² Там же, стр. 70.

³ Этот доклад Ленина недавно найден и опубликован.

⁴ М. Сильвин «К биографии В. И. Ленина». «Пролетарская революция» № 7 (30) за 1924 год, стр. 70.

«друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Эта важнейшая работа Ленина посвящена борьбе с народничеством. «Упрочение в России теории марксизма» происходило в длительной и жестокой борьбе с народниками, тормозившими «развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства», задерживавшими «создание самостоятельной партии рабочего класса»⁵. И хотя группа «Освобождение труда», в особенности Г. В. Плеханов, развернула марксистскую критику ошибочных взглядов народников, борьба с ними в этот период еще не была завершена. В начале 90-х годов народники в противовес все распространяющемуся и упрочивающемуся влиянию марксизма усилили свою деятельность. Народовольцы в рабочих кружках, либеральные народники в толстых журналах («Русское богатство» и др.) вели травлю марксистов, всячески искажая их взгляды и оспаривая влияние на рабочую массу.

Чтобы обеспечить упрочение и распространение марксизма, необходимо было «до конца идейно разгромить народничество»⁶. Эта задача была выполнена Лениным.

В своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин разоблачил фальшивую народническую критику марксизма и наметил основные задачи русских марксистов.

«Они должны,— писал он,— разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности, проследивая конкретнее все формы классовой борьбы и эксплуатации, которые особенно запущены и прикрыты в России. Они должны далее популяризовать эту теорию, принести ее рабочему, должны помочь рабочему усвоить ее и выработать наиболее подходящую для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу»⁷.

Ленин делал упор на необходимости «соединения рабочего движения с социализмом»⁸. В этой работе он «впервые выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян, как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии»⁹ и поставил вопрос о создании единой социал-демократической рабочей партии. Почти сорок пять лет тому назад Ленин указал русскому рабочему классу

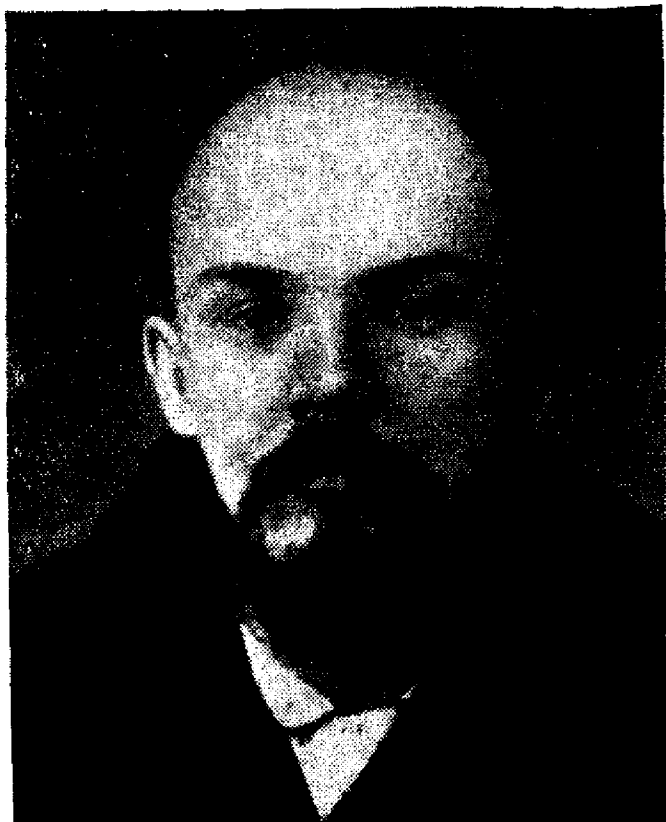
⁵ «История ВКП(б)», стр. 13.

⁶ Там же, стр. 20.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 212.

⁸ Там же.

⁹ «История ВКП(б)», стр. 21.

В. И. Ленин. 1895 год.

его путь: «... русский рабочий, поднявшийся во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»¹.

В борьбе с народничеством Ленин допускал временное соглашение с «легальными марксистами», которые в своих статьях в легальных журналах тоже выступали против народнического мировоззрения. Вместе с «легальными марксистами» Ленин участвовал в издании сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Царские цензоры конфисковали этот сборник, а затем сожгли его.

Используя «легальных марксистов» в борьбе против народников, Ленин вместе с тем резко критиковал «легальных марксистов», этих либерально-буржуазных «попутчиков», воспевавших капитализм и опоясывавших марксизм, выбрасывавших из учения Маркса самое главное—учение о пролетарской диктатуре, о пролетарской революции.

Борьбу с народниками и с «легальными марксистами» Ленин вел не только в своих литературных работах. Мы знаем, например, о его блестящем выступлении в Москве в январе 1894 года против народника В. В. (Воронцова). Посещая диспуты на квартире у Р. Э. Классона, Ленин неоднократно выступал с резкой критикой пози-

ций «легальных марксистов». Этому был посвящен и его реферат на дискуссионном собрании революционных марксистов и «легальных марксистов» осенью 1894 года «Отражение марксизма в буржуазной литературе» (по поводу книги П. Б. Струве «Критические заметки»), напечатанный затем в указанном выше сборнике.

Итак, в первый год своего пребывания в Петербурге Ленин проделал огромную и актуальнейшую работу по расчистке пути революционному марксизму.

2

Хотя внимание и силы Ленина были в это время в основном заняты борьбой на идеологическом фронте, тем не менее практическая революционная работа у него не отодвигалась на второй план, а сочеталась с теоретической. Об этом он писал тогда же в «Что такое «друзья народа»»: «Нельзя быть идейным руководителем без... теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела...»².

Осенью 1893 года Г. Красин свел Ленина с В. А. Шелгуновым, В. Старков познакомил его с рабочими А. Фишером и П. Кайзером. В ту пору это были наиболее развитые, передовые рабочие Петербурга. Воспитанные на марксистской литературе, связанные с рабочими кружками, сохранившимися от брусневской организации, они имели уже некоторый опыт организационной и даже пропагандистской работы.

Шелгунов так описывает первую встречу с Лениным: прочтя выдержки из немецкой книги о синдикатах, картелях и трестах, Ленин «начал задавать мне массу вопросов. Я тогда даже сразу не понял, почему он так усердно читал эту книжку и затратил только на одного человека целых 3 часа. Ушел я от него довольно поздно. Потом только я понял, что это был прием В. И. Вопросами он пытался изучить меня, а через меня и ту обстановку, в которой я пахожусь, и тех, с которыми я вхожу в общение»³.

Фишер в своих воспоминаниях о Ленине пишет: «Он не хвастал и не щеголял своими знаниями. Он умел так подойти к человеку, что тот незаметно для самого себя начинал чувствовать себя, как дома, непринужденно выкладывая свою душу, чувствуя, что он получит ответ на все свои запросы»⁴.

Мы не имеем точных сведений о рабо-

² Там же, стр. 192.

³ В. Шелгунов «На заре ленинской партии». «Старый большевик» № 1 за 1931 год, стр. 106—107.

⁴ Г. М. Фишер «Об Ильиче», стр. 124.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 194.

чих кружках, функционировавших в зиму 1893—1894 года, но можно предполагать, что они постепенно переходили из рук народолюбцев в руки марксистов и что при этом активную роль играли рабочие-передовики. Количество кружков также точно не установлено. Фишер называет следующие цифры: «В то время (1893 г. и начало 1894 г., до его ареста, т. е. до апреля) были кружки—2 или 3 на Васильевском острове, 2 на Петербургской стороне, в центре города 2, за Невской заставой 2 и на Выборгской 1. Кроме того было много рабочих, не состоявших в кружках»¹. Большое значение имели две дискуссии между марксистами и народолюбцами, устроенные В. А. Шелгуновым и его товарищами в присутствии наиболее влиятельных рабочих.

Большую помощь в установлении связей с рабочими и в организации кружков оказали группе Ленина воскресные школы на Шлиссельбургском проспекте, за Невской и Нарвской заставами. Очень много сделали в этом отношении учительницы этих школ, в частности Н. К. Крупская, работавшая в так называемой Корниловской школе на Шлиссельбургском проспекте.

У нас нет сведений, вел ли Ленин уже зимой 1893—1894 года занятия в рабочих кружках. Все воспоминания о его пропагандистской работе относятся к 1894—1895 годам. «В 1893—1894 гг. Владимир Ильич,—по словам Н. К. Крупской,—завязывал главным образом связи; работа в кружках относится главным образом к осени 1894 г. и к 1895 г.»².

О работе Ленина в кружках сохранились очень яркие воспоминания И. В. Бабушкина, одного из самых замечательных рабочих-революционеров того времени, о котором Ленин писал, что это был «крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу»³.

На квартире И. В. Бабушкина осенью 1894 года стал собираться организованный В. А. Шелгуновым кружок, в котором начались серьезные, систематические занятия. В кружок входили 6 человек: И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, Илья Костин, Н. Меркулов, по видимому, Б. Жуков и еще один рабочий, имени которого мы не знаем.

Имея дело с подготовленными уже рабочими, Ленин начал занятия в кружке с политической экономии и изложения учения Маркса. Бабушкин пишет: «Лектор излагал нам эту науку словесно, без вся-

кой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный... Этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора»⁴.

Вторая часть занятий посвящалась вопросам рабочим об условиях их жизни и труда. К выяснению деталей условий труда на заводах привлекались и сами рабочие. Ленин разработал подробный вопросник и раздал его членам кружка. Заполнение вопросника требовало «от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни,—пишет Бабушкин,—занятия приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов»⁵.

Эта увязка теории с практикой была основной отличительной особенностью работы, которую проводил Ленин в рабочих кружках. Постепенно и другие члены группы стали применять такой метод. Ленин не только заставлял пропагандистов знакомиться с жизнью рабочих, но и руководил кружковцами в деле установления более широких и более живых связей с рабочей массой. Пропагандист уже не «читал лекцию», член кружка переставал быть рабочим-интеллигентом, оторванным от массы: он превращался в агитатора, живущего в гуще заводской жизни, управляющего настроением рядового рабочего, знающего его повседневные нужды. Так преодолевал Ленин ту оторванность от жизни, академичность, теоретизированность, которые были характерны для марксистских кружков начала 90-х годов. Так подготавливал он почву для перехода к агитации, для соединения марксизма с рабочим движением.

Ленин вел занятия в кружке высококвалифицированных рабочих, как Шелгунов и Бабушкин, и в кружке сравнительно отсталых торитоновских (с фабрики Торитона) ткачей на квартире Ф. Бодровых. Применяясь к уровню и пониманию кружковцев, Ленин пользовался разнообразнейшими приемами пропаганды; так, известно, что он читал в кружке и художественную литературу. Осенью 1895 года Ленин познакомил рабочих с «Ткачами» Гаупмана, незадолго до этого переведенными и напечатанными «Союзом борьбы».

Ткач с фабрики Торитона, Филипп Бол-

¹ Сообщение А. Фишера от 10 ноября 1924 года.

² В. Сорин «Первые шаги Ленина по созданию партии», стр. 26. Из заметки Н. Крупской от 18 января 1931 года.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 396.

⁴ Воспоминания И. В. Бабушкина стр. 51.

⁵ Там же.

ров, так рассказывает о первой встрече с Лениным в кружке:

«На квартире мы жили втроем, занимая маленькую каморку. Вот сюда к нам и пришел Владимир Ильич. Поздоровались. Сел он на табуретку. Окинул глазами всю неприглядную картину нашего жилья— вещей было немного: две деревянные кровати, стол и четыре табуретки. На столе жестяной чайник. Спросил, где мы работаем. Рассказали о жалованье, что получаем 15 рублей, да штрафов выплачиваем в месяц рубля 2, и так обо всем. Покачал головой и говорит: «А семейные должны быть еще хуже живут?»—«Да»,—отвечаем мы. «А ведь можно улучшить положение ткачей и вот каким путем...»¹. И стал объяснять, как капиталисты эксплуатируют рабочих и как надо с этим бороться.

«Надо было видеть, с каким огромным терпением и чуткостью к уровню понимания слушателей,—вспоминает В. В. Старков о Ленине,—он развивал им теорию Маркса о стоимости и об основах буржуазного строя. И надо сказать, рабочие платили ему за это данью огромного уважения и любви»².

Из других рабочих кружков группы Ленина, функционировавших в зиму 1894—1895 года, известны следующие: еще один кружок торнтоновских рабочих за Невской заставой, который собирался сначала на Шлиссельбургском проспекте, потом в Муравьевском переулке; 3 кружка за Нарвской заставой: один — в деревне Тентелевке, другой — в Огородном переулке, а третий, функционировавший с лета 1894 года, собирался на Петергофском шоссе. Его посещали путиловцы и семяниковцы.

В так называемой Заречной части, то есть на Петербургской стороне и на Васильевском острове, также работало 3 кружка. Кроме того с февраля 1895 года работали кружки на Фонтанке и на Глазовской улице.

В 1895 году (в начале, а в особенности с осени) проводились не только кружковые собрания для занятий, но и собрания более широкие, с участием представителей кружков района из числа наиболее распространяемых рабочих. Собрания эти устраивались за Невской заставой, у Шелгунова, за Нарвской заставой, на квартире Бориса Зиновьева, на Васильевском острове, у И. Яковлева, рабочего завода «Сименс и Гальске», и Ив.

¹ Ф. Бодров «Мое первое знакомство с Ильичем». «Рабочая Москва» № 18 за 1930 год.

² В. В. Старков «Воспоминания о В. И. Ленине». «Красная новь» № 8 за 1925 год, стр. 112.

Федорова. Собрания посещали и представители других районов. На них, с участием и под руководством членов Союза, обсуждались общие вопросы: о переходе к агитации, о выпуске и распространении листовок, об организации кассы взаимопомощи для пострадавших «за дело» и др. На этих собраниях очень часто бывал Ленин. Иногда устраивались расширенные собрания группы «стариков», с участием наиболее передовых рабочих (Бабушкина, Шелгунова, Меркулова).

3

Уже осенью 1894 года Ленин поставил перед своей группой вопрос о переходе наряду с пропагандой в кружках к злободневной политической агитации среди широких масс рабочего класса.

Вопрос о переходе к массовой агитации обсуждался сначала на узких собраниях группы, а затем на расширенном собрании (на квартире М. Сильвина и А. Ванеева), при участии ряда передовых рабочих. Эта перестройка была намечена и подготовлена Лениным раньше и полностью отвечала принципам социал-демократической работы, развитым им в «Друзьях народа». Несмотря на противодействие части оппортунистически настроенных интеллигентов, например Тахтарева, предложение Ленина было одобрено группой в целом и особенно горячо поддержано передовыми рабочими — В. Шелгуновым и др.

Ставя вопрос о переходе к агитации, Ленин с самого начала подчеркивал, что речь идет не только об экономической борьбе, но и о борьбе политической.

В конце 1894 года вопрос о переходе от пропаганды к агитации был уже решен; оставалось лишь применить его на практике.

Рабочее движение в это время сделало большой шаг вперед. Промышленный подъем 90-х годов привел к росту количества предприятий, в особенности крупных (за последнее десятилетие XIX века число предприятий возросло на 141%) и увеличению количества рабочих.

Стачечное движение захватило понемногу все более широкие слои рабочих. По одним только официальным сведениям (в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции), в 1895 году в России бастовало 31 195 рабочих. «С 1895 по 1899 год бастовало, по неполным данным, не менее 221 тысячи рабочих»³. Новой чертой стачечной борьбы был коллективный характер стачек. Во многих случаях бастовало сразу несколько предприятий, стачечники которых предъявляли сходные требования. В 1895 году в коллективных стачках уча-

³ «История ВКП(б)», стр. 18.

ствовав 41% бастовавших рабочих, в 1896 году — 47%, в 1897 году — 73%. В 1895 году в одном Петербурге насчитывалось 8 случаев волнений и стачек.

Группа Ленина приняла в этом движении активное участие, выпустив ряд листовок агитационного характера. Первый агитационный листок был написан Лениным, при участии П. В. Бабушкина, по поводу волнений на Семянниковском заводе. Листок был прочитан на собрании кружка, одобрен и в небольшом количестве экземпляров распространен на заводе.

От теоретических споров о преимуществах агитации в массах, от подготовительного изучения условий труда и быта петербургских рабочих группа Ленина переходила к применению на практике нового метода работы. К этому моменту, по существу, нужно отнести начало существования первой социал-демократической организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (формально это название организация получила позднее, в декабре 1895 года), впервые осуществившей под руководством Ленина «соединение социализма с рабочим движением».

«Под руководством Ленина «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» связывал борьбу рабочих за экономические требования—за улучшение условий труда, за сокращение рабочего дня, за повышение заработной платы—с политической борьбой против паризма. «Союз борьбы» воспитывал рабочих политически. Под руководством Ленина петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением»¹.

Не было ни одной более или менее крупной стачки в Петербурге, на которую «Союз борьбы» не откликнулся бы выпуском одной или нескольких листовок.

В этих листовках, написанных на основании конкретного, собранного на данном заводе материала, вскрывались факты притеснения рабочих администрацией и фабрикантами, помещались и обсуждались требования рабочих. Листовки указывали рабочим, как они должны бороться за удовлетворение своих экономических нужд и за свои политические права. «Эта «обличительная литература», — писал Ленин, — производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах... «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение ока-

зывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками»².

Эти обличения могли, как указывает тут же Ленин, «сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только-профессиональной» борьбе и к несоциал-демократическому рабочему движению»³.

Для петербургского «Союза борьбы» эта агитационная обличительная литература, несомненно, послужила началом социал-демократической деятельности.

Осуществляя переход к агитации, подготавливая для этого кадры в кружковых занятиях, Ленин вместе с тем не упускал из виду вопросов пропаганды.

Получив осенью 1895 года после слияния с группой Мартова в свое распоряжение их технику (мимеограф и пр.), Ленин предложил использовать ее для издания работы Энгельса «Миллионный вопрос», а не только для печатания листовок, но встретил противодействие со стороны Мартова — будущего лидера меньшевиков. Увлекаясь агитацией на почве экономической борьбы, Мартов приписывал значение пропаганды теоретических основ революционного марксизма.

Обнаружившиеся уже тогда расхождения между Лениным и Мартовым шло еще и по другой, основной линии. Характерное для будущего меньшевика преклопение перед стихийностью сказалось у Мартова в том, что он считал основной задачей «стихийную экономическую борьбу масс», которая должна была стать, по его мнению, рычагом вовлечения масс в русло классового движения. Ленин же выдвигал на первый план необходимость создания крепкой партии пролетариата и, признавая три формы классовой борьбы, ставил во главу угла политические задачи.

Работа Ленина в кружках, его листки, так же как написанная им позднее брошюра «Объяснение закона о штрафах», были блестящим образцом того, как надо было подходить к рабочему-средняку того времени, как надо было постепенно, исходя из его нужд и потребностей, разъясняя ему его положение, подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы.

Позднее в «Что делать?», подводя итоги петербургскому периоду работы, Ленин подчеркивал: «...особенно важно установить

¹ «История ВКП(б)», стр. 18.

² В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 403.

³ Там же, стр. 404.

тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией... не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив с самого начала выдвигали и самые широкое исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности»¹.

Успех агитационной работы породил, однако, среди части социал-демократов явно оппортунистические тенденции.

Еще в брошюре «Об агитации», написанной будущим бундовцем А. Кремером в конце 1894 года, ряд формулировок снимал с порядка дня политическую борьбу рабочего класса и обнаруживал тенденции «экономизма». Тенденции эти проявлялись со стороны Мартова и его товарищей при переговорах с группой Ленина. Довольно ясно обозначились они на совещании делегатов Вильны, Москвы и Петербурга 19 февраля 1895 года, посвященном вопросу о переходе к агитации и об установлении более тесной связи с группой «Освобождение труда».

С целью оживить деятельность группы и побудить ее издавать популярную литературу для рабочих предполагалось послать за границу делегата от русских социал-демократических организаций. Мысль об этом возникла, повидимому, сразу в нескольких городах, и на совещании в Петербург съехались делегаты Вильны и Москвы. Последние стояли на позиции автора брошюры «Об агитации». От «Союза борьбы» на совещании присутствовал Ленин. Ленин горячо защищал необходимость введения в круг агитации, кроме повседневных нужд и требований рабочих, и вопросов политического характера. В результате совещания петербургская организация решила послать от себя делегата самостоятельно, и спустя несколько месяцев для связи с группой «Освобождение труда» за границу поехал Ленин.

Еще более отчетливо зародыши «экономизма» проявились в позиции К. М. Тахтарева и в деятельности так называемой группы «молодых», организовавшейся в конце 1894 года и пытавшейся распространить свое влияние на рабочие кружки группы «стариков» (Ленина и его товарищей).

К. М. Тахтарев, который вел пропаганду среди рабочих самостоятельно и не входил ни в одну из организаций, все время стоял в оппозиции к группе Ленина и возражал против «сосредоточения... сравнительно немногочисленных сил на агита-

ции, которая грозила кружковым рабочим скорым провалом»².

Так как рабочие поддерживали Ленина и переход к агитации был во всех районах решен положительно, то оппортунисты произвели наладение с другой стороны. Воспользовавшись тем, что стачечное движение и репрессии правительства ставили на очередь организацию помощи пострадавшим рабочим и их семьям, Тахтарев выдвинул план создания самостоятельной, независимой от «Союза борьбы» рабочей кассы. Вокруг этой идеи, ставшей позднее лозунгом оппортунистического крыла «Союза борьбы» разгорелась борьба. Проект Тахтарева был отклонен «стариками» и близкими к ним рабочими.

Позиция «молодых» сближалась с настроениями Тахтарева. «Молодые» при всяком удобном случае критиковали деятельность «стариков», расхолаживали боевое настроение рабочих, говорили им, что «стачка не сулит золотых гор». Оппортунизм отчетливо проявлялся в стремлении «молодых» свести рабочие организации к чисто профессиональным, пригодным лишь для экономической тредюнионистской борьбы.

«Союз борьбы» отказался от объединения с «молодыми».

Борьба «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Лениным шла по нескольким направлениям: против Мартова с его товарищами, против «молодых» и против Тахтарева. Но сущность оппортунистических тенденций разных оттенков была одна и та же. Все они были в той или иной мере проявлениями того оппортунизма, который стал процветать в заграничных социал-демократических партиях («бернштейншанцы») и который оформился в России вскоре в «экономизм», а затем в меньшевизм и ликвидаторство.

«Замечательный факт, далеко еще недостаточно оцененный по сию пору,—писал Ленин в 1914 г.,—как только возникло массовое рабочее движение в России (1895—1896 г.г.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направления,—разделение, которое меняет форму, обличье и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год»³.

4

В мае 1895 г. Ленин уехал за границу; его поездка положила начало регулярным сношениям российских социал-демократических организаций с группой «Освобождение

² К. М. Тахтарев «Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов», стр. 19, 47, 1924.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 344.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 355.

ние труда», которая была почти совершенно оторвана от русского рабочего движения и русских марксистских групп.

В годы 1883—1894 группа «Освобождение труда» сыграла большую роль, положив теоретическое основание социал-демократической партии. Но у группы «Освобождение труда» были ошибки, одни из которых являлись пережитками народнических взглядов, а другие—зародышем будущих меньшевистских взглядов Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода.

При свидании Плеханова с Лениным, в связи с обсуждением статьи Ленина в марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», между ними обнаружилось разногласие по вопросу об отношении к либеральной буржуазии. Плеханов считал либеральную буржуазию силой, которая может оказать поддержку революции (хотя и непрочную), крестьянство же он совершенно сбрасывал со счета.

Ленин стремился активизировать деятельность группы «Освобождение труда», побудить ее издавать популярную марксистскую литературу. По его инициативе было принято решение об издании группой периодического сборника «Работник». Уезжая, Ленин захватил с собой литературу, которую провез через границу в чемодане с двойным дном.

На обратном пути Ленин с целью укрепления и расширения связей «Союза борьбы» с социал-демократическими организациями других городов заехал в Вильну, Орехово-Зуево и в Москву. Судя по указаниям в «Друзьях народа» и по передовой статье в не увидевшем свет № 1 «Рабочего дела», Ленин уже в то время в качестве первоочередной задачи русских марксистов намечал объединение разрозненных марксистских кружков в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Сеть связей «Союза борьбы» с другими городами точно неизвестна, но имеется много фактов, свидетельствующих о том, что с рядом городов в 1894—1895 годах поддерживались систематические сношения. Так например связь с Иваново-Вознесенском—крупнейшим рабочим центром, который особенно интересовал Ленина,—была устанавлена еще в начале 1894 года через С. Шестернина. Тогда же, еще в январе 1894 года, Шестернику дали шифр для переписки и нелегальную литературу для ивановцев. Несколько позднее Шестернин получил выработанный Лениным вопросник. Когда в Иваново-Вознесенске вспыхнула стачка двух тысяч ткачей (на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры), из Петербурга, по поручению «Союза борьбы», приехал М. А.

Сильвин с деньгами для стачечников. Подробный отчет о стачке был отправлен в Петербург и предназначен для напечатания в № 1 «Рабочего дела».

По свидетельству Шестернина, в течение 4 лет петербургский «Союз борьбы» систематически посылал ивановцам нелегальную литературу.¹

Кроме Иваново-Вознесенска Сильвин ездил еще в Кострому, Владимир и Гусь-Хрустальный. «Союз борьбы» был связан также с Нижним Новгородом, Самарой, Саратовым, Ярославлем, Вильной, Киевом, Минском, Тверью и Москвой.

«Петербургский «Союз борьбы» дал могучий толчок к объединению рабочих кружков в такие же союзы и в других городах и областях России»².

Несомненно, что социал-демократические кружки Иваново-Вознесенска, Костромы и Ярославля именно под влиянием петербургского «Союза борьбы» объединились впоследствии в «Северный союз».

Социал-демократические организации ряда городов (Екатеринослава, Киева, Николаева и др.) во второй половине 90-х годов приняли название «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса».

По мысли Ленина, петербургский «Союз борьбы» должен был сплотить вокруг себя остальные социал-демократические организации России.

Зимой 1894—1895 годов деятельность ленинской группы протекала еще не достаточно организованно. Одни и те же пропагандисты ходили в кружки разных районов, не были определены функции организаторов кружков, представителей их и пр. А между тем работа ширилась, задачи выдвигались большие и «кустарничество» становилось все большей помехой. Позднее, в 1902 году, в «Что делать?» Ленин писал об этом периоде: «Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи,—и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров—и мы перевернем Россию!»³.

Вернувшись из-за границы в конце сентября 1895 года, Ленин со всей серьезностью занялся организационным вопросом.

К осени 1895 года выявилась следующая структура организации. Вся работа

¹ С. Шестернин «В. И. Ленин и первый Ивановский марксистский рабочий кружок». «Старый большевик» № 2(5) за 1933 год.

² «История ВКП(б)», стр. 19.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 458.

объединялась межрайонным центром¹, в который входили В. И. Ленин, Г. И. Кржижановский, А. А. Ванеев, В. В. Старков и Ю. Мартов. Редактором изданий «Союза» был выделен В. И. Ленин. На С. Радченко и его жену Л. Радченко было возложено заведывание конспиративно-техническими и финансовыми делами организации. По технике работал, по некоторым данным, также Я. Пономарев. Наличие силы организации были разделены на три группы, которые ведали следующими районами: 1) Васильевский остров, Петербургская и Выборгская стороны (Балтийский завод, металлургический, Розенкранца, Феникс, Арсенал и др.), а также Новое адмиралтейство и завод Берда (Франко-Русский), здесь работу вели пять членов «Союза борьбы» во главе с А. А. Ванеевым и М. А. Сильвинным; 2) Невская застава—заводы Семяниновский, Александровский, Обуховский, фабрики Паля, Спасская и Петровская мануфактуры (так называемые «Максвелла»),—а также Колпино, здесь работали Г. И. Кржижановский, Н. К. Крупская и еще двое. За Невской заставой чаще всего бывал Ленин, который некоторое время вел там кружок; 3) в районе Обводного канала, Нарвской и Московской застав (в центре Путиловский завод) вели работу тоже пять членов «Союза»: В. В. Старков, П. Запорожец, А. А. Якубова и др.

Ленинская организация была связана с 15 крупными заводами Петербурга и рядом мелких предприятий. На каждом заводе был выделен один рабочий, который получал и распространял нелегальную литературу и листовки². И когда осенью 1895 года поднялась волна стачечного движения, «Союз борьбы» смог шире развернуть свою работу.

В ноябре на фабрике шерстяных изделий Торнтонна, за Невской заставой, усилилось недовольство рабочих систематическим снижением расценок, полным произволом администрации при определении их и наложении штрафов, непомерными ценами за помещения, где рабочие были обязаны жить, и пр. Когда о брожении на фабрике узнал «Союз борьбы», то, по просьбе Ленина, в рабочее общежитие торнтоновцев для сбора материалов о положении рабочих отправились Н. К. Крупская и А. А. Якубова.

В связи с подготовкой стачки у Торнтонна и для выяснения общего положения дел в районах Ленин созвал за Невской заставой собрание, о котором сохранились до-

вольно подробные свидетельские показания. На собрании присутствовали рабочие В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, Борис Зяновьев от Путиловского завода, два ткача с фабрики Торнтонна и представители от других районов. Ленин тут же, на собрании, опросил торнтоновцев и собрал материал для листовки.

Через несколько дней, 18(6) ноября, когда администрация фабрики Торнтонна вывесила новые расценки, уменьшенные на 18—30 копеек, вспыхнула стачка. Ленинская организация выпустила листок «Чего требуют ткачи?», в котором призывала рабочих к отпору. «Союз борьбы» этим не ограничился. На основании большого количества собранных сведений (один торнтоновец принес по плану, составленному В. И. Лениным, целую тетрадь сведений, которые были им еще устно дополнены) Ленин написал второй листок—«Рабочие и работницы фабрики Торнтонна!» Эта прокламация, обращенная уже ко всем рабочим и работницам фабрик, призывала их поддержать ткачей. В ней Ленин разоблачал политику хозяев, которые начинают с ткачей, но ставят целью снизить заработную плату всем рабочим.

Листки были распространены в большом количестве и произвели громадное впечатление на рабочих. Стачка окончилась успехом: администрация обещала удовлетворить требования рабочих.

Эта стачка на фабрике Торнтонна положила начало осенним стачкам 1895 года. За ней последовала бурная стачка на фабрике «Лаферм» (21—22 (9—10) ноября), сопровождавшаяся разгромом помещения фабрики. В стачке приняло участие около тысячи работниц, возмущенных недобросовестной браковкой папирос и сбавкой заработной платы в связи с введением ручных машинок. Полиция вызвала пожарных, которые окатывали работниц водой. 27 человек было арестовано.

Как только стало известно о волнениях на фабрике, Ленин и Сильвин стали собирать подробные сведения у работниц, и через несколько дней «Союз борьбы» выпустил листовку «Чего требовать работницам фабрики Лаферм?»

За этим листком последовал следующий листок, обращенный «К придильницам фабрики Кеннга» (13 (1) декабря). В этом листке были сформулированы требования к администрации. Была также написана прокламация по поводу ноябрьской стачки на фабрике Товарищества механического производства обуви, но ее «Союз борьбы» не успел выпустить: рукопись была взята при обыске у В. И. Ленина.

¹ Возможно, что центр был выделен несколько раньше.

² Воспоминания И. В. Бабушкина, стр. 75.

17 (5) декабря в связи с экономическим конфликтом в паровозо-механической мастерской Путиловского завода по поводу снижения расценок «Союз борьбы» выпустил листовку. Возбуждение, вызванное среди рабочих распространенной на заводе листовкой, заставило администрацию пойти на уступки рабочим.

Сотни и тысячи этих листовок, попадая в рабочую массу, поднимали дух петербургских рабочих, вселяли в них веру в силу сопротивления, в возможность организованного отпора и победоносной борьбы.

По приезде из-за границы Ленин, не удовлетворяясь участием в предприятии группой «Освобождение труда» сборнике «Работник», задумал издание более гибкого органа, который мог бы быстро откликаться на нужды агитации и стачечного движения и вместе с тем твердо проводить основную, принципиальную линию «Союза борьбы». «Передовая статья этой газеты... — писал Ленин позднее, — обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы... Таким образом этот... «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко-местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия»¹.

Судя по небольшим дошедшим до нас отрывкам и указаниям самого Ленина в «Что делать?», эта газета, так и не увидевшая света, была в известной степени предшественницей «Искры». В ней, хотя и в не развернутом еще виде, даны основные, характерные для «Искры» идеи о гегемонии пролетариата, подчеркнуты политические и социалистические задачи, стоящие перед пролетариатом.

Первый номер газеты состоял из передовой «К русским рабочим», из двух статей — «Фридрих Энгельс» и «О чем думают наши министры» — и ряда корреспонденций о стачках рабочих в Петербурге (три заметки), Ярославле, Вильне, Минске и Иваново-Вознесенске. Все три статьи были написаны Лениным.

5

Еще весной 1895 года, перед отъездом Ленина за границу, полицейская слежка усилилась.

15 (2) июня 1895 года директор департамента полиции писал градоначальнику фон Палю: «Осенью, по возвращении в столицу намеченных отделением лиц, сле-

дует возобновить наблюдение и последовательно извлекать пропагандистов из рабочей среды, арестовывая их обязательно во время сходов»².

По приезде Ленина слежка возобновилась. Между тем организация не успела еще перестроиться настолько, чтобы довести конспирацию до той высокой степени, какой требовал Ленин. «Неуспех... предприятия (издание газеты «Рабочее дело»... **З. К.**) доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности»³.

В ночь с 20 (8) на 21 (9) декабря 1895 года были произведены обыски и аресты среди членов «Союза борьбы». Арестованы были В. И. Ленин, Г. И. Кржижановский, В. В. Старков, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, из рабочих — В. А. Шелгунов, Б. Зиновьев, Н. Меркулов и др. Много арестованных было и среди пропагандистов, связанных с Глазовской воскресной школой. У Ванеева была взята рукопись № 1 газеты «Рабочее дело».

Это был сильнейший удар, нанесенный правительством «Союзу борьбы». Однако правительство напрасно рассчитывало, что ему удастся до конца разрушить ленинскую организацию. Она была, конечно, ослаблена, но не уничтожена, и последующие месяцы показали, что деятельность «Союза борьбы» продолжалась. Ленин даже в тюрьме оставался вождем и руководителем движения.

После декабрьских арестов оставшиеся на свободе Н. К. Крупская, С. Ратченко, М. А. Сильвин и другие члены «Союза» выпустили листовку от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», чтобы показать охранке, что организация не разгромлена. «А листки появляются по-прежнему, читаются и встречаются повсюду сочувствие; а «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который их распространяет, остается невредим и будет продолжать свое дело...», — говорилось в листовке⁴.

Стачки и волнения на заводах и фабриках продолжались, «Союз борьбы» успешно вел свою агитационную работу и выпускал листки. В конце декабря, по старому стилю, «Союз борьбы» выпустил прокламацию «Что такое социалет и политический преступник?», написанную Н. В. Бабушкиным. Листовка эта ярко и отчетливо ста-

² «Красная летопись» № 2 (113) за 1924 год, стр. 187.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 386.

⁴ Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 15.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 385.

вила перед рабочим классом политические задачи. Выпуск листовки повлек за собой новый удар по «Союзу борьбы». В ночь с 16 (4) на 17 (5) января 1896 года были арестованы И. Бабушкин и еще некоторые члены «Союза борьбы». Несмотря на аресты ряды «Союза борьбы» пополнялись, однако, новыми силами и он продолжал свою деятельность.

Важнейшим моментом в деятельности «Союза борьбы» после декабрьских арестов была известная стачка 30 тысяч петербургских текстильщиков в мае—июне 1896 года, которую Ленин называл «знаменитой петербургской промышленной войной 1896 года»¹. Организованность и размах этой стачки произвели громадное впечатление на рабочий класс России и других стран и сделали ее крупнейшим политическим событием того времени.

Стачка эта, конечно, в значительной мере была подготовлена всей предшествующей деятельностью «Союза борьбы». Основным требованием всех бастовавших рабочих было сокращение рабочего дня. И хотя правительство жестоко подавило забастовку и арестовало до тысячи человек, оно все же вынуждено было под напором рабочего движения 1896 и 1897 годов издать закон от 2 июня 1897 года, который ограничивал рабочий день до 11½ часов. Это было первое ограничение рабочего дня, обеспеченное законом.

«Союз борьбы» выпустил во время стачки 1896 года за 20 дней 13 листовок, и когда правительство выступило на страницах официального органа с объяснениями по поводу стачки, то ему через «Союз борьбы» ответил из тюрьмы Ленин.

Прокламация, написанная им в ответ на циркуляр министра внутренних дел Витте и пересланная «Союзу борьбы» из тюрьмы, так и называлась «Царскому правительству».

«Отчего на этот раз оно (правительство) заговорило? — спрашивал Ленин. — Оттого, что на этот раз на помощь рабочим пришли социалисты... Листки социалистов потребовали правительство к ответу, и правительство явилось и дало ответ»².

Прокламация заканчивалась словами: «Стачки 1895—1896 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса».

Ленин, находясь в тюрьме, продолжал руководить, насколько это было возможно,

деятельностью «Союза». Он давал указания, советы, пересылал листки и передал даже целую брошюру, написанную им в тюрьме, «О стачках». Эта работа Ленина из-за ареста в июне 1896 года народовольческой типографии, в которой она печаталась, не увидела света и до нас не дошла.

После ареста Ленина и его ближайших соратников «Союз борьбы» значительно изменил свое направление в связи с изменением руководящего состава.

Под влиянием стачек 1896 года и успеха экономической агитации в «Союзе борьбы», куда влились группы Тахтарева (так называемые «обезьяны») и Чернышева («петухи») — остатки группы «молодых», — начинают усиливаться оппортунистические течения. Новые люди, пришедшие в «Союз борьбы», ограничивались призывами к экономической борьбе. Политическую борьбу они считали делом либеральной буржуазии, руководство этой борьбой они предоставляли ей. Это были уже экономисты. «Это была первая соглашательская, оппортунистическая группа в рядах марксистских организаций в России»³.

Когда Ленина и его товарищей в феврале 1897 года выпустили на три дня из тюрьмы, перед высылкой их по приговору в Сибирь, состоялось совещание старого состава «Союза борьбы» с представителями нового состава. Два вечера продолжалось это совещание, и «между «стариками»... и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика»⁴.

Ленин подверг критике предложенный А. А. Якубовой оппортунистический проект организации рабочей кассы, который подчинял всю работу социал-демократического «Союза борьбы» контролю почти беспартийного рабочего комитета, превращал социал-демократическую организацию в профсоюзную. Этот проект сводил на нет руководящую роль социал-демократии и означал отказ от борьбы за социализм.

В противовес оппортунистам Ленин и его товарищи отстаивали необходимость создания прочной партийной организации, во главу угла они ставили «упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. под.»⁵. Ленин возражал и против «демократической» демагогии «молодых», предлагавших ввести в центр представителей от рабочего комитета. Он считал, что

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 383.

² Листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 100, 105, 106.

³ «История ВКП(б)», стр. 20.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 387.

⁵ Там же.

активных, заслуживающих доверия товарищей надо ввести в центральную группу вне зависимости от того, рабочие они или интеллигенты.

На этом собрании более отчетливо чем прежде выявилась та «рознь будущих двух направлений русской социал-демократии»¹, которая намечалась еще до ареста «декабристов» (т. е. «стариков», арестованных в декабре). Ленин уловил наличие оппортунистических тенденций при самом их зарождении и до конца вел непримиримую борьбу с оппортунизмом всех видов, закаляя партию в боях против всяких уклонов и искажений марксизма. «Только партия, ставшая на точку зрения передового отряда пролетариата и способная поднимать массы до уровня классовых интересов пролетариата, — только такая партия способна совлечь рабочий класс с пути тред-юнионизма и превратить его в самостоятельную политическую силу»².

Петербургский период работы Ленина был началом борьбы за такую партию. Работа Ленина в 1893 — 1897 годах в Пе-

тербурге — это образец работы политического вождя, руководителя масс. Ленин сам говорил, что в эти годы «социал-демократы пробивают себе дорогу среди нарбодовольцев, народоправцев etc.»³. Ленин действительно пробивал дорогу революционному рабочему движению в борьбе с многочисленными препятствиями — с мелкобуржуазными партиями и с оппортунистическими течениями. Он преодолевал оппортунизм, косность, кустарничество и разрешил «задачу соединения марксизма с рабочим движением в России»⁴, подготовив этим образование Российской социал-демократической рабочей партии.

По праву говорится в самом начале введения в «Историю ВКП(б)»:

«Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) прошла долгий и славный путь от первых маленьких марксистских кружков и групп, появившихся в России в 80-х годах прошлого столетия, до великой партии большевиков, руководящей ныне первым в мире социалистическим государством рабочих и крестьян»⁵.

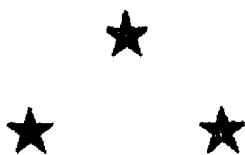
¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 387.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 63—64.

³ Ленинский сборник V, стр. 442.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 17.

⁵ Там же, стр. 3.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (70 — 80-е годы)

1

В первые 2—3 года после отмены крепостного права промышленность России переживала временный упадок. Это объясняется тем, что на многих фабриках и заводах применялся труд крепостных. Такими предприятиями были, например, чугуно-плавильные заводы на Урале, суконные фабрики в Симбирской, Смоленской и других губерниях, вырабатывавшие сукно для казенных надобностей. Значительная часть рабочих таких предприятий, получив возможность покинуть фабрики и заводы, разошлась по деревням, надеясь там лучше устроить свою жизнь. Уменьшение рабочей силы вызвало снижение производства. О размерах этого снижения некоторое представление дают следующие цифры.

Производство чугуна на Урале:

1861 г.	— 14 226 тыс. пудов
1862 »	— 10 467 » »
1863 »	— 11 921 » »
1865 »	— 12 329 » »

Суконное производство:

1860 г.	— 432 фабрики	— 94 721 рабочих
1863 »	— 365 фабрик	— 71 797 рабочих ¹ .

Этот своеобразный кризис рабочей силы был непродолжительным. Он и не мог быть длительным в той обстановке, которая сложилась после реформы. Деревня, куда возвращались рабочие, не оправдала их ожиданий. Помещики ограбили крестьян, отрезав в отдельных местах до половины земли, находившейся в их пользовании при крепостном праве. Рабочий, уходящий с завода в деревню, попадал из огня в полымя. Обратный поток рабочих из деревни пополнялся за счет ограбленных «реформой» крестьян. Быстрый рост рабочих в промышленности начинается примерно с 1865 года.

«После отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживавшие

это развитие. За 25 лет, с 1865 по 1890 год, количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 т. до 1.433 тысяч, то-есть более чем вдвое»², — отмечается в «Истории ВКП(б)».

В своей знаменитой книге «Развитие капитализма в России» Ленин с исчерпывающей полнотой дает картину роста капитализма в России в пореформенный период. Наряду с общим подъемом промышленного производства происходил быстрый рост крупной промышленности, росли добыча угля, нефти, выплавка чугуна — основа крупной промышленности. В текстильной промышленности количество механических ткацких станков с 11 тысяч в 1860 годах поднялось до 87 тысяч в 1890 годах³.

По выплавке чугуна и добыче каменного угля пореформенный период характеризуется следующими показателями:

(В миллионах пудов)	1867 г.	1887 г.	1897 г.
Выплавка чугуна . . .	17,0	37,3	114,7
Добыча каменного угля	26,7	276,8	683,9

Выплавка чугуна увеличивалась за счет юга при отставании Урала. Если в 1867 году удельный вес выплавки чугуна на юге составлял 0,3% всей выплавки, то в 1887 году он поднимается до 11,1% и в 1897 году — до 40,7%⁴.

Эти данные говорят об отставании районов, где дольше сохранились остатки крепостничества, тормозившие рост промышленности.

«Смена двух укладов общественного хозяйства сказывается на горной промышленности с особенной наглядностью вследствие того, что типичными представителями обоих укладов являются здесь особые районы: в одном районе можно наблюдать докапиталистическую старину с ее примитивной и рутинной техникой, с личной зависимостью прикрепленного к месту населения, с прочностью сословных традиций, монополий и пр., в другом районе — полный разрыв со всякой традицией, технический переворот и быстрый рост чисто капиталистической машинной индустрии»⁵, — пишет Ленин.

Наряду с ростом добычи угля и чугуна заслуживает особого внимания рост добычи нефти, этого важнейшего продукта капиталистического производства. Добыча нефти выражалась следующими цифрами:

² «История ВКП(б)», стр. 6—7. Гл. I.
³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. III, стр. 363.
⁴ Там же, стр. 350.
⁵ Там же, стр. 384.

¹ Туган-Барановский «Русская фабрика», стр. 249—251, 7-е изд.

1865 г. —	0,5	млн. пуд.
1870 » —	1,7	» »
1875 » —	5,2	» »
1880 » —	21,5	» »
1885 » —	116	» »
1890 » —	242,9	» »

В связи с этим быстро увеличивается количество рабочих на Кавказе — основном районе по добыче нефти (с 3431 чел. в 1877 году до 17 603 в 1890 году, то есть в пять раз)¹. Рост добычи нефти приводит к усилению потреблению нефтяного топлива в промышленности и на транспорте и к расширению потребления керосина в стране, причем с рынка вытесняется американский керосин.

О степени технического вооружения предприятий дает представление число паровых двигателей в промышленности. В 1875—1878 годах паровых котлов — 8510, паровых машин — 6353, в них сил — 114 977; в 1892 году паровых котлов — 14 248, паровых машин — 13 085, в них сил — 345 209².

Очень важным показателем роста капитализма являются железнодорожное строительство и железнодорожные перевозки. В 1865 году железнодорожная сеть составляла 3819 километров, в 1890 году — 29 063 километра, то есть увеличилась в 7 раз. Соответственно росла перевозка грузов по железным дорогам:

1868 г. —	439	млн. пуд.
1873 » —	1 117	» »
1881 » —	2 532	» »
1893 » —	4 846	» »
1896 » —	6 145	» »

а также и перевозка пассажиров³:

1868 г. —	10,4	млн. чел.
1873 » —	22,7	» »
1881 » —	34,4	» »
1893 » —	49,4	» »
1896 » —	65,5	» »

В этот период происходит также быстрый рост крупных городов:

Годы	Города с населением свыше 200 тысяч	Города с населением от 100 до 200 тысяч	Города с населением от 50 до 100 тысяч	Итого крупных городов
1863	2	1	10	13
1885	3	7	21	31
1897	5	9	30	44 ⁴

¹ См. В. И. Ленин. См. Соч. Т. III, стр. 392.

² Там же, стр. 395.

³ Там же, стр. 433.

⁴ Там же, стр. 436.

Развитие капитализма поднимало производительные силы страны. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»⁵.

Но развитие капитализма в России происходило в условиях сохранения огромного количества феодальных, крепостнических пережитков как в экономике, так и в политическом строе страны. Эти пережитки сохранились в таких размерах, которых не знали другие капиталистические страны. Поэтому несмотря на быстрый рост промышленного производства Россия оставалась страной отсталой, и развитие ее шло медленнее, чем это было возможно при тогдашнем уровне техники и культуры в Европе.

За капитализмом следовали его неизбежные спутники — кризисы, разорение мелких производителей, безработица, голод. А указанные выше особенности пореформенной России делали этот процесс капиталистического преобразования особенно тяжелым и мучительным, накладывая свой отпечаток и на рабочее движение этого периода.

2

Пореформенный период в развитии капитализма в России в известной мере можно сравнить с периодом «первоначального накопления» в Европе, о котором Маркс говорил как о периоде самой жестокой, беспощадной, зверской эксплуатации. Низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, отвратительные жилищные условия, бесправие — эти неизбежные спутники капиталистического хозяйства усугублялись пережитками крепостничества в пореформенной России.

Штрафы, выплата заработной платы продуктами, талонами, товарами из фабричной лавки — такие явления были, по существу, не чем иным, как перенесением отношений крепостника-помещика к крестьянину на отношения фабриканта к рабочему.

Если в первые годы после реформы фабриканты вынуждены были идти на некоторое увеличение в оплате труда рабочих вследствие частичного отлива рабочих из производства, поскольку рынок рабочей силы сразу не определился, то уже во второй половине 60-х годов положение резко меняется.

Рынок рабочей силы быстро пополнялся за счет малоземельного и безземельного

⁵ Там же, стр. 466.

сельского пролетариата, за счет разорявшихся кустарей и ремесленников, и соответственно с этим снижалась заработная плата.

Ленин по этому поводу писал: «Заработки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и ненадолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богатей (или на окраинах городов) росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих»¹.

Туган-Барановский приводит сравнительные данные о заработной плате 16 категорий рабочих хлопчатобумажных фабрик Шуйского уезда за вторую половину 50-х годов и за 1883 год. По этим данным видно, что реальная заработная плата рабочих понизилась в общем не менее чем на 20—30%². Реальный заработок рабочих уменьшался к тому же еще штрафами и выплатой жалованья продуктами из фабричной лавки. Рабочий день продолжался от 12 до 15 часов и более. Так, по трем уездам Московской губернии в начале 90-х годов было:

10 %	фабрик с раб. днем менее 12 часов
29,6 %	» » » » от 12 до 12½ »
44,0 %	» » » » от 13 до 13½ »
11,6 %	» » » » от 14 до 14½ »
5,4 %	» » » » от 15 и более »

Таким образом, преобладал 13—14-часовой рабочий день³.

О положении рабочих в 70-х годах, об условиях труда, об их жилищных и бытовых условиях красноречиво говорят материалы Кренгольмской мануфактуры, одной из крупных фабрик того времени.

Даже правительственная комиссия, назначенная для расследования причин стачки 1872 года, вынуждена была констатировать крайне тяжелые условия труда и быта рабочих.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 430.

² Туган-Барановский «Русская фабрика», стр. 350. 7-е изд.

³ Э. Корольчук «Рабочее движение 70-х годов», стр. 8. 1934.

На фабрике работало 4644 человека, из них в прядильном отделе — 2900, в ткацком — 1470 и на подсобных работах — 274. На мануфактуре работало 3244 эстонца и 1400 русских. По полу и возрасту рабочие распределялись следующим образом:

эстонцы:	мужчин . . .	1 251
	женщины . . .	985
	малолетних . . .	908
русские:	мужчин . . .	807
	женщины . . .	333
	малолетних . . .	260

Среди малолетних были мальчики—подручные прядильщиков, частично нанимаемые не фабрикой, а самими прядильщиками, а также питомцы воспитательного дома (203 человека) в возрасте от 11 лет.

Питомцы получали на руки только часть заработной платы, а остальное сдавалось в сберегательную кассу и выдавалось им при достижении совершеннолетия.

Наблюдение за мальчиками-питомцами поручено было двум сторожам, а за девочками — «матке» и двум ее помощницам. Воспитательными средствами были: оставление дома в праздничные дни, заключение в карцер и наказание розгами до 10 ударов. Рабочий день на фабрике как у взрослых, так и у детей начинался в 5 часов утра и кончался в 8 часов вечера с перерывом на обед на 1 час. Малолетние кроме того должны были посещать школу от 8½ часов до 10 часов вечера. На завтрак времени не полагалось, а приносить с собой продукты на фабрику было воспрещено. Рабочие при выходе с фабрики обыскивались, что отнимало около четверти часа времени, отведенного на обед.

Жилищные условия рабочих были отвратительны: в казарменных комнатах размером 7½ на 3½ аршина прожиявало по 7 человек, парни и девушки нередко жили в одной комнате. Фабричная баня была общей для мужчин и женщин, причем часы пользования баней не были разграничены и мужчины и женщины мылись вместе.

Как за жилье, так и за баню рабочие платили из своего заработка. За койку в казарменной комнате платили от 75 копеек до 1 рубля 25 копеек в месяц летом, а зимою — на 50 копеек дороже. На лечение с рабочих вычиталось 2% из жалованья. Казармы, принадлежавшие фабрике, давали хозяевам дохода 9360 рублей в год.

На перчаточной фабрике Простова кожи вымачивались в открытых чанах, наполненных мочей, которую доставляли сами рабочие. Для этой цели в разных углах стояли ничем не прикрытые чаны. На фабриках, работавших в две смены, очень ча-

сто одними и теми же постелями на нарах пользовались обе смены, по очереди.

Эти условия вполне объясняют высокую смертность рабочих в тот период. Чрезмерная эксплуатация приводила к тому, что организм рабочего крайне быстро изнашивался и рабочий преждевременно превращался в нетрудоспособного старика. На предприятиях по обработке волокнистых веществ на 100 рабочих в возрасте 19—49 лет приходилось рабочих в возрасте 40 лет и выше около 12%, в прочих производствах — около 20%. На место «стариков» предприниматели ставили более дешевую и податливую рабочую силу — детей и подростков¹.

Но самым страшным бичом рабочих была система штрафов. Штрафовали рабочих по всякому поводу, а очень часто и без повода. Штрафовали за опоздание, за поломку инструментов, за появление в нетрезвом виде, за курение, песни, шум, за перелезание через фабричный забор. Были штрафы за непосещение церкви в размере 10 копеек в пользу бедных; из них 5 копеек шло в пользу «докладчика». «До 1886 года не было никаких законов о штрафах. — Фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы. — Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению хозяина», без указания причин штрафа»², — пишет Ленин. Штрафы доходили местами до половины заработной платы рабочих. Штрафными деньгами фабриканты поправляли дела фабрик. Штрафы были одной из форм снижения заработной платы рабочих. Когда предприниматель считал нужным снизить заработок рабочих, он давал указания мастерам об увеличении штрафов и этим добивался своей цели.

Непосильный детский труд, порка детей, нищенская заработная плата рабочих, из которой еще вычиталась значительная часть путем штрафов, платы за жилье, лечение и т. д., дают далеко еще не исчерпывающее представление о беспросветном существовании русского пролетариата того времени.

Рабочее движение зародилось вместе с появлением рабочего класса. Уже в первой половине XIX века мы встречаем рабочие стачки.

С ростом капитализма классовые противоречия и борьба принимали все более широкий и более острый характер. В 70-х и 80-х годах рабочий класс России делал только первые шаги. Особенностью рабоче-

го движения этого периода является его стихийный, неорганизованный характер. Рабочие в тот период предъявляют лишь экономические требования к капиталистам: они еще не осознали, что борьба против капиталистов не может быть успешной, если она не сочетается с наступлением на общественный и политический строй, основанный на эксплуатации.

У рабочих еще жила вера в возможность разрешения их насущных нужд свыше: властью, царем. В своей борьбе рабочий класс действовал еще разрозненно, поэтому неуверенно. Пролетариат еще не понимал своей исторической роли, еще не понимал того, что всем ходом исторического развития он предназначен быть могильщиком капитализма и строителем нового общества, не знающего эксплуатации и угнетения.

«Было время, — писал Ленин, — когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплуататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании отомстить капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство и т. п. Это была первая, начальная форма рабочего движения, и она была необходима потому, что ненависть к капиталисту всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремления к защите себя»³.

За десятилетие — 1870—1880 годы — произошло больше 200 стачек. Рассмотреть все конкретные проявления этой борьбы не представляется возможным. Поэтому остановимся на наиболее крупных и характерных выступлениях рабочего класса в этот период.

* * *

22 мая 1870 года 63 прядильщика на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге предъявили требование повышения заработной платы. Главный мастер приказал открыть ворота фабрики, заявив, что не желающие работать на прежних условиях могут уходить. Рабочие покинули фабрику. Но на следующий день не вышли на работу все 240 прядильщиков. По распоряжению петербургского оберполицеймейстера, стачечники были преданы суду в расчете на то, что «впечатление, которое немедленное наказание виновных произведет на всю массу столичного населения, будет благотельно»⁴.

¹ Э. Корольчук «Рабочее движение 70-х годов», стр. 9.

² В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 367.

³ Там же, стр. 439.

⁴ Доклад генерала Трепова царю от 27 мая 1870 года.

Суд приговорил 54 стачечника к аресту на 3 дня, а выборных — к аресту на 7 дней. Когда царю было доложено о решении суда, он наложил резолюцию: «Весьма слабо».

Стачка на Невской бумагопрядильной фабрике была первым в России крупным выступлением рабочих. Она произвела очень большое впечатление в стране и вызвала тревогу в правящих кругах и в реакционной печати. Газета «Новое время» с тревогой писала: «И у нас случилась стачка, и нас не оберег бог».

В страхе перед надвигающимся рабочим движением правительство разослало циркуляр, в котором губернаторам поручалось иметь «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением, и чтобы при первом полученном известии о стачке рабочих на каком-либо заводе и фабрике, губернаторы, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми, высылали таковых, не испрашивая на то разрешения»¹.

Правительством было предписано высылать рабочих в губернии Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую, Самарскую, то есть на окраины, где промышленность еще не была развита.

В апреле 1871 года вспыхнула стачка на Холуницком железоделательном заводе, Вятской губернии, где работало 1500 человек. Рабочие предъявили требование увеличения заработной платы и выдачи к пасхе денег вперед. Рабочие жаловались на то, что новый владелец завода, англичанин Вагстаф, нарушает условия договора, заключенного рабочими с заводом.

Полиция арестовала несколько «зачинщиков». Толпа рабочих в количестве около 80 человек освободила арестованных. Исправник вызвал из окрестных деревень 50 сотских и десятских и 70 понятых из отпусковых солдат и при их помощи снова арестовал освобожденных и отправил в тюрьму.

Местный сатрап — вятский губернатор Чарыков — обратился с просьбой разрешить употребить «более полезную и безвредную для народа, еще мало развитого, меру наказания розгами»².

Большую роль в рабочем движении 70-х годов сыграла стачка рабочих на Кренгольмской мануфактуре (август 1872 г.).

О положении на этой фабрике говори-

¹ Циркуляр III отделения от 16 июля 1870 года. См. Э. Корольчук «Рабочее движение 70-х годов», стр. 247.

² Там же, стр. 35.

лось выше. Требования рабочих сводились к следующему:

а) Начинать работу не в 5, а в 5½ часов утра; б) делать перерыв на обед не в 1 час, а в 1½ часа; в) сократить штрафы; г) отменить 2% отчисления на больницу и церковь (тем более что церкви уже несколько лет не было); д) удалить с фабрики фельдшера, ненавистного рабочим; е) высчитывать за испорченные части машины по действительной стоимости, а не по усмотрению владельца фабрики и др.

Местный губернатор, получив сведения о начавшейся стачке, выехал на место. Ему удалось уговорить владельцев пойти на частичные уступки рабочим, и рабочие стали на работу. Однако в ближайшие же дни рабочие были возмущены паглой выходкой администрации, которая через своих подкупленных агентов повела среди рабочих агитацию за подписание благодарственного письма губернатору, в котором рабочие должны просить восстановить старые порядки на фабрике.

Рабочие направили представителей к губернатору с протестом против провокационной работы администрации. Эти представители рабочих были арестованы местными полицейскими органами. Узнав об аресте своих товарищей, рабочие прекратили работу, требуя освобождения арестованных.

По требованию администрации был вызван полк солдат, который и занял фабрику.

После восстановления «порядка» работы возобновились. Стачка заставила правительство назначить комиссию для подробного обследования положения рабочих на фабрике. Комиссия собрала обширный материал и внесла ряд предложений об урегулировании отношений между хозяевами и рабочими. На совещании у министра внутренних дел эти материалы были рассмотрены и представлены царю.

Царь, как и следовало ожидать, стал на сторону хозяев, и все предложения комиссии были сведены к нулю. Сделаны были некоторые, лишь самые незначительные уступки рабочим: был установлен перерыв на обед с 1 ч. до 1¼ часа, приглашен постоянный врач, устранено совместное проживание в одной комнате семейных и холостых, устранено одновременное посещение бани мужчинами и женщинами, сокращено время обыска рабочих при выходе с фабрики.

Обращает на себя в этом случае внимание поведение губернатора, который в целях обмана рабочих уговаривал фабриканта пойти на частичные уступки, с тем чтобы, ослабив таким маневром стачку, покончить с ней затем при помощи войск.

24 апреля 1874 года на фабрике кушца

Шиббаева, в Богородске, 812 рабочих бросили работу, требуя увеличения расценки за кусок миткаля согласно заключенного с фабрикой договора.

Рабочие вели себя спокойно. Даже жандармский генерал Слезкин в своем донесении писал, что «рабочие не имели дурных намерений, они не буйствовали, а, оставив фабрику, обратились к защите полицейской власти...»

Тем не менее, — продолжал он, — стачка по своим последствиям может быть весьма вредна, возбуждая с одной стороны антагонизм между капиталом и трудом, и с другой стороны, приучая рабочих, в случае недоразумений с нанимателем, отстаивать свои требования скопом».

В результате стачки рабочие получили прибавку за работу, хотя и меньшую, чем просили. Рабочие стали на работу, за исключением 35 человек, которые требовали расчета. Под разными предлогами фабрикант все же уволил после стачки 50 рабочих.

Характерным для этого выступления рабочих является их обращение к полицейской власти в надежде найти защиту своих интересов у представителей власти.

Рабочее движение 70—80-х годов охватило не только промышленных рабочих. К стачкам прибегали и сезонные рабочие.

Так, в мае 1875 года произошла стачка на постройке Оренбургской железной дороги. Поводом послужил обман рабочих подрядчиком. При найме рабочих им обещали проезд до места работы и харчи в дороге оплатить за счет строительства, а когда рабочие прибыли на место, с них стали вычитать и за проезд и за харчи.

В стачке участвовало свыше 700 человек. Для разбора дела и восстановления порядка создана была комиссия во главе с генералом Кузьминым-Караваевым.

Комиссия стала на сторону подрядчика, признав требования рабочих неосновательными, и приняла «меры».

Оренбургский губернатор в своем донесении министру писал об этих «мерах» следующее: «Я по указанию комиссии и по собственному своему усмотрению арестовал из числа рабочих главнейших зачинщиков, наказал шесть из них для вразумления и внушения страха другим телесно, розгами, от 5 до 12 ударов, а 12 человек отправил в оренбургскую тюрьму. Впечатление, произведенное этими мерами на остальную массу рабочих, было таково, что они после недолгого колебания оставили свои претензии и согласились продолжать работы». Арестованные 12 человек были высланы в административном порядке в другие губернии.

2 марта 1876 года рабочие Мышегского чугуноплавильного завода, Калужской гу-

бернии, отказались принять новые условия найма и введенные управляющим особые номерные знаки, без которых рабочие не должны допускаться на фабрику.

На отказ рабочих последовало закрытие завода.

Каковы были новые условия найма, лучше всего свидетельствует донесение губернатора министру, в котором он пишет: «Весьма тяжелые условия, заключающие в себе огромное количество штрафов, так что, приняв эти условия, едва ли кому из них придется получить даже четвертую часть жалованья».

Рабочие в числе других требований выставили передачу им в собственность занимаемых ими земельных участков.

Они имели полное право на эти участки, так как раньше были крепостными крестьянами помещицы Бирбасовой, которая перевела своих крепостных на купленный ею завод. На усадьбах рабочие за свой счет построили сарай, амбары, развели садик и огороды. По реформе 1861 года, бывшие крепостные крестьяне получили земельные наделы, значит, и мышегские рабочие как бывшие крепостные имели право на наделы. Но им не дали земли только потому, что помещица произвольно приравнивала рабочих завода к дворовым людям, которым земли не полагалось.

Эти требования рабочих свидетельствуют о тяготении рабочих к земле, о неуверенности в прочности работы на заводе.

События на Мышегском заводе показывают, что среди рабочих имелась уже известная организованность, сплоченность. Рабочие действовали сообща. Они зафиксировали даже на бумаге обязательства не вылавывать друг друга и помогать товарищам в нужде.

Об этом свидетельствует интересный документ, так называемый мирской приговор мастеровых завода.

На своем собрании мастеровые единогласно постановили:

«1) если из нашей среды кто возьмет билет или номер, тот будет штрафован на 5 рублей; 2) если управляющий кого согнет с работы без причины или не примет на работу, то мы единогласно приговорили: должны защищать друг друга, в случае дать ему помощь или его семейству; 3) если управляющий будет вызывать не одному и посылать на работу, и кто изъяснит желание, тот будет штрафован на 15 рублей, тот, кто без согласия общества пойдет в заведение»¹. Под этим следует 137 подписей.

Но эти зачатки организованности послали

¹ Э. Корольчук «Рабочее движение 70-х годов», стр. 151.

еще на себе следы отсталости, незрелости движения.

* * *

27 февраля 1878 года вспыхнула забастовка на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге. Директор фабрики распорядился сбавить ткачам без предупреждения сделанную оплату за кусок выработанной ткани. Около 2 тысяч рабочих отказалось работать, требуя восстановить старые расценки, ввести расчетные книжки, отменить плату за книжок, сократить рабочий день.

Бытовые требования рабочих нашли яркое отражение в анонимном листке, подброшенном заведывающему технической частью фабрики Усову, который был посредником между рабочими и хозяевами.

Вот содержание этого письма:

«1. Мы требуем от Вас за прогул за 5¹/₂ дней деньгами 4 р. 40 к.

2. Ежели прогульные не будут выданы, то ожидайте забастовки, рукопашного штурма. Все будут бить, ломать, коверкать, терзать, кричать, мастеров бить, боролы таскать, стриженую башку ломать, телячий язык рвать, стальные зубы вставлять.

3. Мы требуем, чтобы была постоянно невиская вода не только для книжника, а чтобы и для питья, на баки сделайте крышки, чтобы раскрытые не стояли.

4. Мастера чтобы с народом обходились аккуратно, когда рабочий просит у мастера увольнения на квартиру, чтобы он пускал не ломался.

5. Рабочий народ, чтобы пропускали утром у ворот до 7 часов, ну не как 10 минут проспавший должен $\frac{1}{4}$ дня делать прогул. Также в обед до 2 часов это чтобы было исполнено.

6. Мы требуем, чтобы расценка платы с куска была введена в рабочие книжки, чтобы нам с Вами каждый месяц не торговаться это не на бирже.

7. Требуем, чтоб нам была ставка на работу утром в 6 часов кончать работу в 7 часов.

8. Чтобы сартыры были переведены на двор не выходя из фабрики входить в них этой гадости чтобы не было.

9. Предъявляем Вам, чтобы ежедневно в обед фабрика не запиралась на замок, а чтобы было можно рабочим людям оставаться во время обеда на фабрике.

10. Самовары те, которые приготавливают кипяток для заварки чая, чтобы их вынули и которая труба проведена внутри самовара, чтобы пар не проходил на воздух, а прямо внутри самовара и чтобы вода нагревалась от горячей трубы это, чтобы было устроено, мы не собаки, а крещенные люди, для собак лучше приготавливают как Вы для нас».

3 марта дирекция согласилась убавить рабочий день с 14 до 12 часов, сохранить прежнюю заработную плату и бесплатно отпускать книжок.

В связи со стачкой были арестованы студент Н. Тютчев и Г. В. Плеханов, а также рабочий Петр Моисеенко, который впоследствии сыграл крупную роль в исторической морозовской стачке на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве.¹

Следует отметить, что рабочие решили обратиться с жалобой к наследнику престола, будущему царю Александру III. Прощение было отнесено в Аничков дворец и отдано градоначальнику для передачи наследнику. Ответа, конечно, не последовало.

Самый факт анонимного письма свидетельствует о том, что среди стачечников не было сплоченности. А обращение к наследнику показывает, что у рабочих была еще сильна вера в царя.

* * *

Самым крупным событием в рабочем движении рассматриваемого периода была знаменитая, историческая стачка на фабрике Саввы Морозова в Орехово-Зуеве 7 января 1885 года, в которой принимало участие 7—8 тысяч человек.

«В половине 80-х годов рабочий класс вступил на путь организованной борьбы, на путь массовых выступлений в виде организованных стачек»¹.

1884—1885 годы характеризуются обостренным промышленным кризисом. Капиталисты стремились переложить всю тяжесть кризиса на плечи рабочих. Так, фабрикант Савва Морозов в течение 3 лет пять раз снижал заработную плату рабочих. Одновременно увеличивалось количество штрафов, размер которых достигал 30—50% заработка рабочих.

«На фабрике Морозова царил произвол, такого нигде никогда не было», — писал руководитель стачки рабочий Моисеенко, в свое время принимавший активное участие в стачке на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге.

Вторым организатором стачки был рабочий Волков, состоявший ранее вместе с Моисеенко членом «Северного союза русских рабочих».

Рабочими были выставлены требования: 1) возратить штрафы, взятые с пасхи 1884 года; 2) штрафы не должны превышать 5 копеек с заработанного рубля; 3) вычеты за прогул не должны превышать 1 рубля; 4) определять качество работы при свидетелях и устранить произвол мастеров, решавших единолично вопрос о браке; 5) выплачивать жалованье

¹ «История ВКП(б)», стр. 26.

два раза в месяц; 6) свободный выбор старост, и т. д.

По вызову фабриканта, в Орехово прибыл губернатор с войсками. Арестовано было больше 600 человек, несколько десятков рабочих предано суду.

Был создан судебный процесс, на котором рабочим предъявили обвинение, изложенное в 101-м пункте. 33 рабочих, преданных суду, были судом с участием присяжных заседателей оправданы. Этот приговор суда привел в движение реакционную печать. «Московские ведомости», орган черносотенцев, писали: «Вчера, в старом богоспасаемом граде Владимире, раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса»¹.

Оправданные судом, рабочие Волков и Монсеенко были высланы на 5 лет в административном порядке.

Стачка в Орехово-Зуеве имела огромное значение в истории рабочего движения в России.

«Эта громадная стачка,— писал Ленин,— произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидело, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почували силу рабочих и стали поосторожнее»².

В результате стачки царское правительство вынуждено было пойти на уступки.

3 июня 1886 года был издан закон, по которому: 1) заработная плата должна выплачиваться не реже 1 раза в месяц; 2) запрещалось выплачивать заработную плату продуктами, талонами и т. п.; 3) запрещалось брать проценты по ссудам, даваемым рабочим из фабричных сумм; 4) лечебная помощь должна быть бесплатной. Этим же законом учреждалась фабричная инспекция, на обязанности которой лежал контроль за соблюдением предпринимателями законов о найме рабочих.

Штрафы законом отменены не были, но было установлено, что штрафные суммы должны поступать не в карманы фабрикантов, а расходоваться на нужды рабочих. В то же время закон предусматривал усиление наказаний за участие в стачках: 4 месяца тюремного заключения — для забастовщиков, а для «подстрекателей» — 8 месяцев.

В результате стачки «не только хозяева морозовской фабрики должны были изменить безобразные порядки, когда рабочие сообща потребовали их отмены, но даже со-

седние фабриканты пошли на уступки, боясь у себя погромов»³, — писал Ленин.

4

В 1875 году в Одессе организовался «Южнороссийский союз рабочих». Инициаторами и организаторами Союза были Евгений Заславский и Виктор Обпорский. Союз объединял 200—250 рабочих и подразделялся на два общества — Одесское и Ростовское. Первичными ячейками Союза были организации на предприятиях. Из этих групп на предприятиях выделялись представители, которые и составляли центральный орган Союза, направлявший всю его работу. По своему составу «Южнороссийский союз» был рабочим. Уставом Союза предусматривался членский взнос в размере 25 копеек в неделю «на пропаганду идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею».

Цели Союза были изложены в уставе следующим образом: «Сознавая, что установившийся ныне порядок не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих; что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основой личного и общественного благосостояния; что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении.— мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в один союз под названием: «Южно-Российского Союза Рабочих», поставив себе целью: во-первых: пропаганда идеи освобождения рабочих из под гнета капитала и привилегированных классов; во-вторых: объединение рабочих Южно-Российского края; в-третьих: для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком»⁴.

Таким образом, Союз был первой попыткой массовой организации рабочих. Рабочее движение «оставалось еще в совершенно зачаточной форме»⁵, — писал Ленин об этом периоде.

Эта первая рабочая организация просуществовала 8—9 месяцев и затем была разгромлена царским правительством.

В 1878 году в Петербурге организовался «Северный союз русских рабочих», во главе которого стояли столяр Степан Халтурин и слесарь Виктор Обпорский (бывший участник «Южного союза»). Союз объединял больше 200 рабочих и столько же сочувствующих. Цели, которые ставил «Се-

¹ «Московские ведомости» № 116 за 1886 год (Ленин. Т. I. Приложения).

² В. И. Ленин. Соч. Т. I., стр. 368.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. II. Приложения.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 535.

верный союз», были изложены в его обращении к русским рабочим.

Союз рассматривал рабочее движение как движение самостоятельное — это имело огромное значение для того времени, когда было очень сильно влияние народничества, борьба с которым развернулась позже.

Один из организаторов «Северного союза», Обнорекский, бывал за границей и познакомился там с деятельностью социал-демократических организаций и Интернационала. Это наложило свой отпечаток на программу Союза.

В 1880 году Союз приступил к выпуску своей газеты «Рабочая заря», но выпущен был только один номер.

В связи с забастовкой на Новой бумагопрядильной фабрике Союз выпустил ряд прокламаций.

Но из-за предательства Союз был раскрыт и разгромлен царским правительством.

«Южный союз» и «Северный союз» были первыми рабочими организациями, выставившими в своих программах политические требования. Но первые рабочие союзы еще не были марксистскими организациями. В их программах нашли отражение и влияние народничества (в вопросе о крестьянских общинах) и влияние ласкальства (требование создания производительных ассоциаций). Включение в программу народнических и ласкальских пунктов было данью времени. Потребовалась длительная и упорная борьба марксистов, борьба Ленина, чтобы марксизм восторжествовал в рабочем движении. Заслуга первых рабочих организаций состояла именно в том, что они выделили самостоятельные задачи рабочего класса, явились зародышем самостоятельных рабочих организаций.

В своих программах наряду с требованиями экономического характера они выставляли политические требования: свободы слова, печати, союзов, собраний и т. д.

Эти требования показывали, что уже на заре рабочего движения рабочие постепенно приходили к мысли, что без политической борьбы, без свержения самодержавия нельзя осуществить задач, стоявших перед рабочим движением.

«Передовые рабочие начали понимать,

что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация»¹.

* * *

Первые шаги рабочего движения в России не были еще организованной борьбой рабочего класса. Выступления рабочих носили стихийный характер. Однако уже первые стачки были зачатками классовой борьбы. Они приучали рабочих к объединению, к совместной борьбе, обогащали опытом рабочий класс.

В огне классовой борьбы рабочие «терпели несконную веру в неизбежность давящих их порядков, начинали... чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством»², — отмечал Ленин. Но эти черты получили свое полное развитие только тогда, когда рабочее движение было озарено светом марксистско-ленинской теории.

Подводя итоги первым стачечным выступлениям рабочих в России, Ленин писал: «Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического...»³.

Первые шаги рабочего движения подготовили рабочий класс к восприятию социалистических идей. Возникшие в 80—90-х годах марксистские организации соединились с рабочим движением.

«Под руководством Ленина петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением»⁴.

Вооруженный марксистско-ленинской теорией, рабочий класс России, руководимый партией Ленина—Сталина, одержав победу в октябре 1917 года, вместе с крестьянством приступил к созданию нового, социалистического общества, показал путь к счастливой жизни угнетенным массам всего мира.

¹ «История ВКП(б)», стр. 9.

² В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 284.

³ Там же.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 13.

МАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА НАРОДНИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА РУССКУЮ ОБЩИНУ

Общинное землевладение как форма собственности, соответствующая ранним ступеням исторического развития, существовало в России и после реформы 1861 года. Общинные земли занимали не менее половины всей сельскохозяйственной площади; другая половина сельскохозяйственных земель принадлежала помещикам.

Пореформенная русская община представляла уже значительно ослабленную, а под влиянием развития товарного хозяйства неизбежно быстро разлагавшуюся форму сельской общины. Однако время от времени все еще происходили уравнивательные переделы земель по «душам». (Под «душами» подразумевались лишь мужчины; женщины в счет не шли.) Луга, выгоны и другие сельскохозяйственные угодья находились в общем пользовании членов общины, причем луга обычно ежегодно переделались перед покосом. На пахотных участках, представлявших основу крестьянского хозяйства, издавна установилось индивидуальное землепользование, которое, пока крестьянское хозяйство было натуральным, могло долгое время сосуществовать с общинным землевладением. Но как только крестьянство было поставлено в условия товарного производства, общинное землевладение вступило в непримиримое противоречие с требованиями товарного производства. Капиталистическая эволюция мелкого земледельца усиливала имущественное неравенство внутри общины и требовала устранения самой общины как средневекового пережитка. Деревня расслаивалась на сельскую буржуазию и деревенскую бедноту. В этих условиях община, становясь препятствием на пути капиталистического развития производительных сил страны, ни в какой мере не спасала и не могла спасти мелкое крестьянство от разорения, неизбежного при капиталистическом расслоении деревни.

Царизм был заинтересован в сохранении общины, так как это облегчало ему задачу сбора налогов и платежей, которая все больше и больше затруднялась

по мере быстрого разорения основной массы крестьянства. Именно в связи с фискальными и полицейскими функциями общине были предоставлены широкие права, вплоть до наложения ареста на имущество неплатящих и применения телесных наказаний. Именно в связи с этими функциями царское правительство в течение многих десятилетий после реформы 1861 года искусственно поддерживало общину.

«В общине господствовали кулаки, «мироеды», эксплуатировавшие бедняков, батраков, маломощных середняков. Формально существовавшее общинное землевладение и происходившие время от времени переделы земли по душам несколько не меняли дела. Землей пользовались те члены общины, у которых были рабочий скот, инвентарь, семена, то-есть зажиточные середняки и кулаки. Безлошадные крестьяне, бедняки и вообще маломощные вынуждены были отдавать землю кулакам и идти в наймиты, в батраки. Крестьянская община была на самом деле удобной формой для прикрытия кулацкого засилья и дешевым средством в руках царизма для сбора налогов с крестьян по принципу круговой поруки. Потому-то царизм не трогал крестьянскую общину»¹.

Народники, как известно, видели в общине основу социалистического преобразования России: это находилось в органической связи с их отрицанием неизбежности капиталистического пути развития России.

Они упорно не признавали происшедших после реформы 1861 года экономических и социальных сдвигов в России, всячески продолжали навязывать передовой части рабочего класса и революционно настроенной интеллигенции свое глубоко ошибочное представление, о том, что главной революционной силой является якобы не рабочий класс, а крестьянство, руководимое интеллигенцией, и что крестьянская община является зародком и основой социалистического преобразования. Особенно ярко выражены эти народнические воззрения в письме Н. Ткачева к Ф. Энгельсу, где первый писал: «Наш народ невежествен... Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения: он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции»².

Это прикрашивание, идеализация тогдашнего крестьянина-общинника, как и вся идеалистическая, утопическая философия народничества (отрицание капиталистического характера экономического развития России, переоценка роли интеллигенции, философия «героев» и «толпы»),

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 15.

² Цитирую по Г. В. Плеханову. Т. II, стр. 144.

ничего общего не имели ни с российской действительностью, ни с наукой.

Народники в защиту своих ошибочных воззрений на русскую общину часто ссылались на авторитет великого русского революционера и мыслителя Н. Г. Чернышевского, который, не будучи слепым поклонником общины, в свое время—в дореформенный период—«отдал дань» признанию ее особой роли для России.

Идеализируя вначале русскую общину, Н. Г. Чернышевский считал, что при общинном землевладении прививаются навыки коллективной жизни, утрата которых на Западе, по его мнению, представляла основное затруднение на пути социалистического преобразования. «То, что представляется утопией в одной стране, существует в другой, как факт,— писал Н. Г. Чернышевский.—...те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского, как факт его народной жизни. Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возвратит западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас... Каковы бы ни были,—предупреждал Н. Г. Чернышевский,—ожидание преобразования, да не дерзнем мы коснуться священного, священного обычая, оставленного нам нашей прошедшей жизнью, бедность которой с избытком окунается одним этим драгоценным наследием—да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землей!»¹. Это писалось в апреле 1857 года, т. е. за четыре года до помещичьего освобождения крестьян от земли.

Когда же Н. Г. Чернышевский убедился, что подготовлявшаяся помещиками крестьянская реформа вовлекает страну на буржуазный путь развития и несет с собой закабаление и разорение деревни, когда он убедился, что общинное землевладение не может стать источником благосостояния народа, он, проклятая помещичье «освобождение» сие, по существу, вопрос об общине. Она для Н. Г. Чернышевского не была неприкосновенной святыней. Он и раньше, защищая общину, не раз в противовес славянофилам высказывал мысль, что гордиться общиной все же смейно, потому что она есть признак экономической отсталости.

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. V, стр. 16—19.

Маркс и Энгельс уделяли большое внимание России. С одной стороны, царская Россия долгое время была «оплотом и огромной резервной армией европейской реакции» (Маркс), а с другой стороны, в ней во второй половине XIX века происходили такие изменения, которые создавали революционную обстановку. «Так называемое освобождение крестьян,—как метко подмечал Энгельс,—создало определенную революционную ситуацию, поставив крестьян в такие условия, при которых они не могут ни жить, ни умереть. Быстрое развитие крупной промышленности и собственных ей средств сообщения, банки и т. п. только обострили это положение»². Выведшая обстановку в России, Энгельс по раз повторял мысль, что стоит в такой стране случиться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год, т. е. якобинская диктатура, которая сметет все феодальные пережитки, уничтожит восточный деспотизм и облегчит условия борьбы и победы пролетариата на Западе.

Маркс и Энгельс вели довольно широкую переписку со своими русскими друзьями, которая нас отчасти знакомит с их высказываниями о русской общине. Их позиция отражена в ряде документов, в том числе в ответе Вере Засулич и в предисловии к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии», написанном 21 января 1882 года. Точка зрения Маркса и Энгельса изложена Ф. Энгельсом в 1894 году в послесловии к работе «Социальные отношения в России».

Вера Засулич, тогда еще народница, в своем письме Марксу от 16 февраля 1881 года, указывая на исключительное значение вопроса о судьбе русской крестьянской общины и на известные Марксу высказывания Чернышевского, говорит: «...этот вопрос есть, по моему мнению, вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии... Одно из двух: либо эта сельская община, освобожденная от чрезмерных требований фиска, вынмат помещикам и полнейшего произвола, способна развиваться в социалистическом направлении, ... в этом случае социалист-революционер обязан посвятить все свои силы освобождению общины и ее развитию. Если же, наоборот, община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее малообоснованными вычислениями, чтобы опреде-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 492.

лечь, через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе...»¹.

В «Архиве Маркса и Энгельса» имеются четыре черновика ответа Маркса В. Заулиц и окончательно отредактированный краткий ответ, датированный 8 марта 1881 года.

Отвечая В. Заулиц, Маркс пишет: «Специальные изыскания, которые и произвел и материалы для которых и почерпнул в первоисточниках, убедили меня, что эта община является точкой опоры общественного возрождения России (русского общества)». И тут же вносит существеннейшую оговорку: «Но для того, чтобы она могла функционировать, как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития»². Устранить «тлетворные влияния» и обеспечить условия развития могла только революция. Вопрос ставился не абстрактно-теоретически, а конкретно-исторически. Сущность вопроса в том: должна ли неизбежно русская община в данной конкретной исторической обстановке разрушаться, уступая место капиталистическому строю в деревне, «или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, усвоить все его плоды, развивая далее свои собственные исторические данные?»³.

Исследование вопроса о сельской общине Маркс начинает с выяснения тех изменений, которые претерпела первобытная община в своем историческом развитии.

Проведя параллель между первобытной общиной и более поздним образованием, а именно «сельской общиной», Маркс подчеркивал преимущества последней. Он писал:

«Легко понять, что свойственный «сельской общине» дуализм может для нее служить источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обуславливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, несовместимое с условиями более древних общин»⁴.

Но этот же дуализм мог стать и

источником ее разложения, порождая в самой общине имущественное неравенство, а с ним и борьбу интересов различных имущественных групп, что приводило к усилению частной собственности сначала на пахотные земли, а затем на леса, пастбища и другие сельскохозяйственные угодья. Именно этот процесс совершила «сельская община» в Западной Европе, процесс, содержанием которого являлся переход от общей собственности к частной собственности и который являлся «процессом перехода от первичной формации к вторичной формации»⁵. Но этот процесс вовсе не везде и не всегда должен проходить только в таком направлении. «Ее (общины.— Н. Е.) конститутивная форма допускает такую альтернативу,— писал Маркс,— либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится»⁶.

Следовательно, априори, возможны два перехода, но они предполагают совершенно различные исторические условия. Если, говорит Маркс, оставить в стороне те бедствия, которые угнетают русскую общину и угрожают ей гибелью, и исходить из учета лишь формы строения самой общины и ее исторической среды, то есть если отвлечься от внешних факторов, то нужно признать, «что одна из ее основных характерных черт — общая собственность на землю — образует естественную основу коллективного производства и присвоения»⁷. Поэтому она может облегчить переход от парцеллярного хозяйства к коллективному, но для этого «нужны две вещи: экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления»⁸. При этом очень поучительно объяснение осуществимости этих требований. «Что касается экономической потребности, — пишет Маркс, — то она даст себя почувствовать самой «сельской

¹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 1-я, стр. 269.

² Там же, стр. 286.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 391.

⁴ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 1-я, стр. 272.

⁵ В третьем черновике Маркс так разъясняет это положение: «Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичное образование, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 1-я, стр. 285. 1924).

⁶ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 1-я, стр. 273.

⁷ Там же, стр. 275.

⁸ Там же.

общине», как только последняя будет поставлена в нормальные условия, т. е. как только с нее будет снято давящее ее иго и как только размеры ее годной к обработке земли станут нормальными»¹.

Второе же требование, а именно материальные условия для осуществления коллективного труда, создано самим капитализмом. В этом именно, подчеркивает Маркс, и заключается «великое превосходство русской «сельской общины» над древними общинами того же типа. Одна она сохранилась в Европе в широком, национальном масштабе. Одна она находится, таким образом, в исторической среде, в которой ее современник—капиталистическое производство—предоставляет ей условия коллективного труда. Она имеет возможность присвоить себе все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья»². Итак, вопрос о возможности непосредственного перехода «сельской общины» в подлинно социалистические формы хозяйства находится в прямой связи с данной исторической средой.

«Если бы Россия была изолирована от мира, — пишет Маркс во втором черновике, — она должна была бы, следовательно, сделать за свой собственный счет те экономические завоевания, которые Западная Европа сделала, лишь пройдя через длинный ряд эволюций со времен существования своих первобытных общин до ее настоящего положения, и не было бы, по крайней мере в моих глазах, никакого сомнения в том, что ее (т. е. России.— Н. Е.) общины были бы фатально осуждены на гибель с развитием русского общества. Но положение русской общины совершенно отлично от положения первобытных общин Запада»³.

В чем Маркс видел особо благоприятные исторические условия для русской общины? В том, что она сохранилась в широком, национальном масштабе не только до того времени, когда стала «современницей западного капиталистического производства», но дождалась до той эпохи, когда уже близки устранение самого капитализма и возврат «современных обществ к высшей форме «архаического» типа коллективной собственности и коллективного производства»⁴.

Таким образом, тщательный теоретический анализ как самой «сельской общины», являющейся высшей ступенью первобытной общины, так и учет общей, кон-

кретно-исторической обстановки—а именно зрелость капитализма, созданные им мощные производительные силы и близость гибели самого капитализма — привели Маркса к выводу, что нет теоретических оснований отрицать возможность социалистического преобразования русской общины. Противникам такого взгляда Маркс ставил вопрос: «Была ли Россия вынуждена, подобно Западу, пройти через долгий период вытеснения механической промышленности, чтобы добраться до машины, паровозов, железных дорог и т. п. Их можно было бы также спросить, каким образом ввели они у себя сразу весь механизм обменов (банки, акционерные общества и пр.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?»⁵.

«Говоря теоретически, — повторяет эту же мысль Маркс,—русская «сельская община» может... стать непосредственным отправным пунктом экономического строя, к которому стремится современное общество; она может зажить новую жизнь, отказываясь от мысли о самоубийстве; она может завладеть плодами, которыми капиталистическое производство обогатило человечество, не проходя через капиталистический строй... Но нужно спуститься с высот чистой теории в русскую действительность»⁶.

Действительность же представляла исключительно неблагоприятные условия, в которые русская община была поставлена после реформы. Подчеркивая, что самому существованию общины угрожает смертельная опасность, которая реализуется, если разрушительные влияния не будут разбиты меншим противодействием, Маркс прямо заявляет: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция... Здесь речь идет уже не о «проблеме», которую нужно разрешить; речь идет просто и просто о враге, которого нужно сокрушить»⁷. То есть вопрос упирается в буржуазно-демократическую революцию, которая только под руководством рабочего класса могла быть последовательной и перерасти в пролетарскую революцию, единственно способную перевести на социалистический путь развития и деревню.

Таково богатое содержание черновиков Маркса, теоретически освещающих вопрос о сельских общинах.

Приблизительно через год, в январе 1882 года, Маркс и Энгельс в предисловии к «Манифесту Коммунистической партии» более конкретно формулируют ответ на данный вопрос. Они пишут: «Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в сле-

¹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. 1-я, стр. 275.

² Там же, стр. 276.

³ Там же, стр. 280.

⁴ Там же, стр. 274.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 276.

⁷ Там же, стр. 279.

дующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе будут дополнить друг друга, тогда современное русское общинное землевладение сможет послужить исходной точкой коммунистического развития»¹.

Следует помнить, что это писалось на заре развития рабочего движения в России, когда русский рабочий класс только начал себя осознавать.

Из приведенных высказываний Маркса совершенно ясно, что силу для перехода к социализму нужно искать не в самой общине, которая существовала сотни лет и ничего коммунистического никогда не вырабатывала и выработать не могла: ее надо было искать в пролетарской революции.

Еще значительно раньше, в 1875 году, Ф. Энгельс в борьбе против утопических взглядов пародничества писал: «...общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее неоспоримо, что существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для того, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно; тогда русские крестьяне перейдут к этой высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, произойдет победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы проложить necessarily связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия»².

Ф. Энгельс в 1894 году дает следующую оценку общинной собственности на землю на Западе и в России: «Общинная собственность на землю представляет собою строй, который мы находим на высшей ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Исландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например на Яве... В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превра-

тилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Восточной России (т. е. в собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле» (Избранные произведения. Т. II, стр. 493).

Прямо предупреждая возможную переоценку общины, Энгельс пишет, что «одни тот факт, что Западная Европа приближается к социализму, никак не может вдохнуть в русскую общину силу развить из самой себя эту новую общественную форму». И здесь же с присущей ему прозорливостью ставит вопрос: «Наким образом может русская община показать миру, как вести крупную промышленность в интересах общества, когда она разучилась уже обрабатывать в интересах общества свои собственные земли?» После этого Энгельс разъясняет, что «исторически невозможно, чтобы общество, стоящее на более низкой ступени экономического развития, разрешило задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития»; «...каждая данная экономическая формация должна разрешить свои собственные, из нее самой возникающие задачи: браться за разрешение задач, стоящих перед другой, совершенно чуждой формацией, было бы полнейшей бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере»³. Заканчивает свои рассуждения Энгельс следующим выводом: «Но зато не только возможно, но и несомненно, что, после победы пролетариата и перехода средств производства в общественное владение у западно-европейских народов, те страны, которые только что вступили на путь капиталистического производства и сохранили еще родовые порядки или остатки таковых, используют эти остатки общественного владения и соответствующие им народные обычаи как могущее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»⁴. И дальше Энгельс еще конкретнее разъясняет этот вопрос: «Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», стр. 7—8. Партиздат, 1932.

² Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 494—495. Госполитиздат, 1938.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 393.

⁴ Там же, стр. 393—394.

отсталые страны увидят во этом примере, «как это делается», как заставить производительные силы современной промышленности, превращенные в общественную собственность, служить всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны взять курс на такой сокращенный путь развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это отнесется не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития»¹.

История показала, что на долю России, родины ленинизма, на долю русского пролетариата, во главе с партией Ленина — Сталина, выпала честь — показать «как это делается».

Судить о действительном состоянии русской общины, о том, в какой мере она уже была внутренне разложена и в какой мере ее дальнейшее искусственное сохранение становилось препятствием на пути развития производительных сил, каким гнетом ложилась она на беднейшие слои деревни, — судить обо всем этом ни Маркс, ни Энгельс не могли за отсутствием в их руках необходимых материалов. Это требовало специальных исследований русской действительности, а потому целиком ложилось на плечи русских марксистов.

Но Маркс и Энгельс дали направление всей дискуссии об общине в России, подчеркнув ее внутренние противоречия и неизбежность классового расслоения в ней. Они указывали, что прямой переход от общинного землевладения к социалистическим формам, минуя капиталистическую стадию, возможен только в результате пролетарской революции.

2

Плеханов, будучи в молодости народником, «также отдал дань общему увлечению» общиной. Еще в январе 1879 года (о чем он сам пишет в статье «Наша разногласия») он старался доказать, что «капитализм был необходимым предшественником социализма лишь «на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом»; что у нас, — где эта община «составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле», — торжество социализма может быть достигнуто совсем другим путем: коллективное владение землей может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 2-я. стр. 394.

² Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 110—111.

Позднее, как известно, Плеханов порвал с народничеством и, образовав группу «Освобождение труда», стал влиятельным пропагандистом марксизма. «В своих работах, направленных против народников, Плеханов показал, что взгляды народников ничего общего не имеют с научным социализмом, хотя народники и называли себя социалистами»³.

Распространяя учение Маркса и Энгельса, Плеханов начал борьбу с народничеством, как мировоззрением, тогда, когда оно еще пользовалось доверием среди революционной интеллигенции и являлось препятствием на пути распространения марксизма. Так как одним из краеугольных камней народничества была их вера в «особые устои» народной жизни, в особое значение крестьянской общины, то Плеханов должен был обрушиться на эти «устои» и показать всю ошибочность и вредность народнических воззрений на общину. Особо подробно Плеханов останавливается на вопросе об общине в работах «Наша разногласия» и «Обновление народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)». Пользуясь уже богатой в то время литературой, с достаточной полнотой освещавшей и прошлое общины и процессы, совершавшиеся в современной деревне, марксистски освещая русскую действительность, Плеханов наносил народничеству разящие удары. Он показал на основании исторических документов, что на русской общине оставила глубокие следы налоговая политика русских царей, превращавшая общину на протяжении ряда веков в институт фиска. В этой связи очень ценны следующие исторические справки, приведенные им. Еще в московский период, пишет Плеханов, господствовала формула, «чтобы земля не выходила из тягла». Указ же о подушной подати (1722 год) вводит вместо этого принципа новый: «чтобы никто не был в изъемах», то есть, чтобы никто не был без платежа подушной подати. Само собой понятно, что братья подати должна была с той же самой земли. Она — источник существования, и, следовательно, прикрепление к земле — первое условие уплаты подушной подати. Эта сторона дела получила свое яркое выражение уже в «Уложении» царя Алексея Михайловича, в котором стеснение права поземельной собственности «тяглых людей в черных сотнях и слободах» получило такое выражение: «А кто черные люди те свои двory продадут или заложат и тех черных людей за воровство бити кнутом». Продажа и залог земли рассматривались как уход от «тягла» и приравнивались

³ «История ВКП(б)», стр. 13.

«Уложением» к воровству. Тягловый характер обнаруживается и в круговой поруке, которая являлась характерной чертой русской крестьянской общины, а эта круговая порука насаждалась правительством издавна, свидетельством чему служит указ 19 мая 1769 года, который повелевает: «В случае неплаты крестьянами в годовой срок недоушой недоимки, забирать в города старост и выборных, держать под караулом, употреблять их в тяжкие работы без платежа заработных денег, доколе вся недоимка заплачена не будет»¹.

Приведенных исторических справок вполне достаточно, чтобы понять, что крестьянская община на протяжении веков превращалась в тягловую общину, которую царское правительство в интересах фиска и после реформы 1861 года старалось поддержать, сохраняя сословность, бесправие крестьян, круговую поруку. Отрицательная сторона этой политики не могла не сказаться на общине.

Но если в дореформенной общине несмотря на наличие имущественного неравенства и антагонизма внутренние противоречия общины не бросались в глаза и крепостная зависимость как бы уравнивала, сглаживала эти различия, то после реформы не заметить противоречий и антагонизмов, разлагавших общину, уже было нельзя.

Разорение деревни, сильно усилившееся после реформы 1861 года, народники пытались объяснить внешними влияниями, разумея под этим приходящий якобы только извне и чуждый «русской почве» капитализм. Причем совершенно неверно понимали под капитализмом лишь крупные фабрично-заводские предприятия. Народники не хотели и неспособны были понять, что основы капитализма заложены в самой деревне, в мелком товарном производстве крестьян. Чтобы покончить с народничеством, тормозившим развитие классового сознания рабочих, необходимо было показать глубину капиталистического развития нашей страны в целом. Необходимо было показать, что происходит не просто разорение деревни, а капиталистическое расслоение ее на кулаков и деревенскую бедноту, превращающуюся в батраков, что капиталистические отношения стали характерны для самой деревни. А для этого нужно было исходить не из оценки отдельных фактов, а из совокупности данных об основах хозяйственной жизни нашей страны, определять направление и характер этого развития.

Эта работа была проделана Лениным, который окончательно разгромил народничество и показал его реакционный, мелкобуржуазный характер. Народники же также

не ставили перед собой задачи изучения действительной эволюции в России, хотя и создали, как говорил Ленин, целую литературу на тему «Община или капитализм».

Вместо изучения русской действительности народники, эти «субъективные социологи», продолжали заниматься «опровержениями» на тему «Должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?». И, конечно, приходили к выводу, что не должна, не смущаясь тем, что эти выводы строились «на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности»². Капиталистическое развитие России, которое с достаточной силой определилось после реформы 1861 года, объявлялось народниками просто регрессом, ошибкой, «уклоном с пути», злом, причем тем более неприятным злом, что капитализмом порождается обстановка, совершенно не соответствующая их субъективному идеалу. Не осуждать или оправдывать надо было капитализм, а в первую очередь установить, в какой мере наша страна уже стала капиталистической. Признание же русского капитализма только злом, «уклоном с пути» неизбежно приводило к полному извращению всей экономической эволюции России. Не приемля капитализма, народники сопоставляли его, как говорит Ленин, «с вымыслом докапиталистических порядков», а не с действительным прошлым. Таким образом, они не только не понимали и не хотели понять капитализм как особую систему производственных отношений, но искажали и тот старый способ производства, на смену которому шел капитализм.

«Каждый народник, — пишет Ленин, — говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, позволите видеть, замечает самостоятельного крестьянина батраком. Действительность капитализма («батрак») противопоставляется вымыслу о «самостоятельном» крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин докапиталистической эпохи владеет средствами производства, при чем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдове против их стоимости; что эти средства производства служат для обработков; что жизненный уровень этого «самостоятельного» крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам; что к беспросветной нищете и умственной инертности этого «самостоятельного» крестьянина прибавляется еще личная завистливость, неизбежно сопровождающая докапиталистические формы хозяйства»³.

² В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 323.

³ Там же, стр. 327—328.

¹ Г. В. Плеханов. Т. IX, стр. 139.

В своем увлечении «борьбой» с капитализмом и охраной «вековых устоев» рутины и застоя народники докатывались до того, что приветствовали полицейское запрещение крестьянам продавать свои земли. Ленин очень зло высмеивает народников за склонность к полицейской опеке крестьян, приводя слова Энгельгардта: «Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет»¹. Катаясь по этой наклонной плоскости, защищая во что бы то ни стало старые «устои», народники оказались, таким образом, рядом с аграриями, которым важно было во что бы то ни стало прикрепить крестьян к земле.

Разоблачая реакционный характер народнических воззрений, Ленин занялся подробным изучением уже сложившейся к тому времени в России системы производственных отношений. Он поступил так потому, что только ею, то есть системой производственных отношений, определяется вопрос о неизбежности того или иного развития. И, изучая русскую действительность, Ленин показал, что несмотря на значительные остатки крепостничества сложившейся системой была товарно-капиталистическая система хозяйства.

Ленинский анализ русской действительности представляет исключительную теоретическую и практическую ценность. Он показывает всю глубину и непобедимую силу марксизма-ленинизма. Начав с указания, что товарное производство в России имело место еще в дореформенную эпоху, Ленин основное внимание сосредоточивает на том, как происходила смена крепостнической системы хозяйства капиталистической. Переход помещичьего хозяйства к товарному означал еще в условиях крепостничества усиление эксплуатации труда крестьянина и подготовлял условия, при которых «помещику уже невыгодно наделять подрастающие поколения крестьян новыми наделами... Становится удобнее отграничить раз навсегда крестьянскую землю от помещичьей (особенно ежели отрезать при этом часть наделов и получить «справедливый» выкуп) и пользоваться трудом тех же крестьян, поставленных материально в худшие условия и вынужденных конкурировать и с бывшими дворовыми, и с «дарственниками»...»².

Этим переходом к товарному хозяйству подготовлялось падение крепостного права.

Проследивая происходящие изменения, Ленин подчеркивает, что «система хозяй-

ства, — рассчитанного уже на рынок (это особенно важно), — меняется, но меняется не сразу». К старым чертам хозяйства, рассчитанного уже на рынок, прибавляются новые, которые состоят в том, что основой эксплуатации становится «не снабжение крестьянина средствами производства, а, напротив, «свобода» его от средств производства, его нужда в деньгах: основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмен «услуг» (помещик дает крестьянину землю, а крестьянин — продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.), а товарный, денежный «свободный» договор. Эта именно форма хозяйства, совмещающая старые и новые черты, и воцарилась в России после реформы»³. Отмечая, что основой господства является теперь не только земля, но и деньги, и освобождение крестьян от средств к жизни, Ленин указывает на капиталистический, буржуазный характер отношений, складывающихся в помещичьем хозяйстве, и, чтобы еще сильнее и конкретнее подчеркнуть это, он проводит аналогию с подчинением капиталу кустарей. Ленин пишет: «Общественно-экономические отношения в бывшей «вотчине» свелось, как видите, к самой обыкновенной ростовщической сделке: это операции — совершенно аналогичные с операциями скупщика над кустарями»⁴. Подчеркивая этот ростовщический характер отношений, Ленин тем самым указывает на первобытные формы существования капитала в нашей стране (известно, что ростовщический капитал представляет наиболее древнюю форму существования капитала), указывает на то, что «новые» черты — не что иное, как первичная форма господства капитала в земледелии, форма, не высвободившаяся еще от «старо-дворянских» пут, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ее»⁵. Приведенные указания Ленина представляют исключительный интерес. Они помогают понять зародышевые формы капитализма в России. Само собой понятно, что вместе с неизбежным последующим разорением крестьянских масс эта классовая противоположность получает и свою фиксацию: крестьянин, лишаясь инвентаря, превращается в батрака, помещик заводит свой инвентарь, переходит к найму рабочей силы, а вместе с этим барщинное хозяйство превращается в капиталистическое. Таков неизбежный ход развития.

Народники, «протестуя» против капитализма, «протестовали» только против развитой его формы, против крупного капита-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 326.

² В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 350.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 351.

ла, когда классовая противоположность бросалась в глаза, но они неспособны были понять, что свойственная капитализму классовая противоположность имела место уже и тогда, когда крестьянин еще не был отделен окончательно от средств производства, когда капитализм еще не освободился от «старо-дворянских» пут, когда отношения кулака к крестьянину еще не превратились в отношения «предпринимчивого хозяина» к багряку и поденщику. Вопросы, поставленные Лениным в упор народникам, вскрывают причины их беспомощности и «мелкость народнического протеста» против капитализма. «Почему это «водворение», — ставит вопрос Ленин, — усматривается лишь во второй форме, а не в обеих? (т. е. и в открытой капиталистической форме и в первобытной, не освободившейся еще из стародворянских пут.— И. Е.), почему протест направляется не против того основного исторического факта, который сосредоточил в руках «частных землевладельцев» средства производства, а лишь против одного из приемов утилизации этой монополии? почему корень зла усматривается не в тех производственных отношениях, которые везде и повсюду подчиняют труд владельцу денег, а лишь в той неравномерности распределения, которая так рельефно выступает в последней форме этих отношений?»¹.

Если бы народники были способны понять основу капиталистических отношений, то они, протестуя против капитализма, должны были бы протестовать против товарного производства вообще, против самой «системы хозяйства — уже рассчитанного на рынок». Но такой протест был бы нелепостью. Заклинаниями жизни не остановишь. Нужно, зная законы развития капитализма, уметь открыть в самой капиталистической действительности силы, растущие вместе с развитием товарного хозяйства и способные в дальнейшем заменить его системой социалистических производственных отношений. Оценивая народнический протест против капитализма, Ленин вскрывает классовую основу народников. Он пишет: «Именно это основное обстоятельство — протест против капитализма, остающийся на почве капиталистических же отношений, — я делаю из народников идеологов мелкой буржуазии, боящейся не буржуазности, а лишь обострения ее, которое одно только и ведет к коренному изменению»².

Обращаясь к крестьянской общине, Ленин и здесь, внутри самой общины, показывает начальные формы капитализма и желание народников обойти их: «Когда

«крестьянин» в пресловутой «общине» раскалывается на голяка и богатея, на представителей пролетариата и капитала (особенно торгового), — тогда тут не хотят видеть зачаточного, средневекового капитализма и, обходя политико-экономическую структуру деревни, разглагольствуют в поисках «иных путей для отечества», о видоизменениях формы землевладения крестьян, с которой непростительно смешивают формы экономической организации, как будто бы внутри самой «уравнительной общины» не процветало у нас чистое буржуазное разложение крестьянства»³.

В своей брошюре «К деревенской бедноте» Ленин следующими цифрами иллюстрирует разложение деревни. Из 10 миллионов крестьянских дворов было не меньше 3½ безлопатных крестьян. «Эти беднейшие крестьянские дворы заседали обычно незначительный клочок земли, остальную же землю сдавали кулакам, а сами уходили на заработки. По своему положению беднейшие крестьяне были ближе всего к пролетариату. Ленин называл их деревенскими пролетариями или полупролетариями»⁴.

Раскрытие народнических «ошибок» вполне объясняло узость их взгляда на капитализм, который они представляли только в форме фабрично-заводских предприятий, то есть замечали только то, что представляло «вершины» капитализма. Народники, писал Ленин, «оперировали с слишком узким понятием «капитализма», забывая, что порабощение труда капиталу проходит очень длинные и различные стадии от торгового капитала до «английской формы». Марксисты и должны доказать, что эти вершины — не более как последний шаг развития товарного хозяйства, давно сложившегося в России и повсюду, во всех отраслях производства, порабощающего подчиненные капиталу труда»⁵.

Глубина и корни капиталистического развития в нашей стране показаны Лениным в его работе, представляющей исключительную ценность. «Развитие капитализма в России», где он пишет: «... Вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние полвека, русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а напротив, самая глубокая и самая прочная основа его. Самая глубокая, — потому что именно здесь, вдали от каких бы то ни было «искусственных» воздействий и несмотря на учреждения, стесняющие развитие капитализма, мы видим постоянное образование элементов капитализма внутри самой «общины». Самая прочная, — потому

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 351.

² Там же.

³ Там же, стр. 212.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 8.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 353.

что на земледедии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого—преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью»¹.

Если община в какой-либо мере удовлетворяла узким потребностям объединения мелких крестьян, связанных в условиях натурального хозяйства единством землевладения, выгона и т. п., а в еще большей мере — единством помещичьей и чиновничьей власти, то она совершенно перестала удовлетворять требованиям товарного хозяйства и капитализма, ломающего всякие узкие, местные сословные перегородки и вносящего глубокий экономический антагонизм между членами общины. При товарном хозяйстве деревня не могла не расщепляться на деревенскую буржуазию и сельских батраков. Капитализм, разрушая общины и их разобщенность, порождает еще большую потребность в союзах и объединениях, писал Ленин, но в основу этих союзов теперь кладется другое, а именно: классовый интерес и классовая солидарность. Для подобного рода союзов община — совершенно неподходящее учреждение.

3

Чтобы понять своеобразие послереформенного развития деревни и роль общины в этом развитии, необходимо, во-первых, помнить, что:

«В массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 году отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в задние у «своего» помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь выдающего еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство посредством отрезных земель. Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водоемов, выгонов и т. п.»².

Во-вторых, следует помнить, что очень высокие выкупные платежи составляли одну из главных причин неимоверно тяжелого положения крестьян. Общая сумма лежащих на земле платежей очень часто была выше доходности земли.

Новые условия жизни сразу потребовали от крестьян денег, денег и денег, а условий к тому, чтобы быстро приспособиться к по-

требностям товарно-денежного хозяйства, у крестьян не было. В этом заключалась одна из причин быстрого разорения крестьянских масс.

Оба указанных обстоятельства налагали отпечаток на все развитие пореформенной деревни и делали капиталистическое развитие деревни особенно тяжелым и мучительным для крестьянских масс. Но сохранение остатков крепостничества несколько не изменяло самого направления развития, а именно развития к капитализму. Деревня попадала под действие неумолимых законов товарного производства, и поэтому независимо от воли и сознания людей коренным образом менялись все отношения в деревне, а с ними подтачивалось и общинное землевладение.

Неравенство, усилившееся в деревне, неизбежно приводило к тому, что безлошадные крестьяне забрасывали свои наделы и поэтому несмотря на равное право всех общинников на землю фактически лишались своих земель: их земли прибывали к рукам кулаки.

Только высокими платежами, лежащими на крестьянских наделах, и прикреплением крестьян к общине можно объяснить такое ненормальное явление (имевшее широкое распространение в нашей деревне), как сдача земли в аренду с приплатой со стороны сдающего. Плеханов приводит следующий документ: «1874 года. Пября 13. Я нижеподписавшийся Московской губернии, Волоколамского уезда, деревни Курвиной, дал сию расписку своему обществу крестьян дер. Курвиной в том, что я, Григорьев, отдаю в общественное пользование землю — надел на три души, за что я, Григорьев, обязываюсь уплачивать в год 21 руб. и означенные деньги должен высылать ежегодно к первому апреля, кроме паспортов, на которые я должен высылать особо, также на посылку оных, в чем и подписуюсь»³. Что этот случай не был исключением, подтверждается сравнением платежей, лежащих на крестьянских наделах, с арендной платой за них. Оказывается, что по 12 уездам Московской губернии размер платежей, лежащих на душевом наделе, равнялся 10 рублям 45 копейкам, средняя же арендная плата душевого надела не превышала 3 рублей 60 копеек. Нетрудно понять, как враждебно отнесется к общине такой член ее, вынужденный отказаться от обработки земли и приплачивать обществу за ее использование «хозяйственным мужичком».

Так как капиталистическое расслоение деревни означало выделение небольшого слоя сельской буржуазии и обеднение широких слоев крестьянства, то во враждебные

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. III, стр. 125.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 222—223.

³ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 242—243.

отношения с общиной вступало большинство деревни. Община становится бременем для большинства. Власть «мира» превращалась во власть «чурбодов и сельских писарей», говорили марксисты.

«Хозяйственные», «уметвенные» мужички, приравнившие общинные земли к своим рубкам, также начинали тяготиться общиной: она своими переделами стесняла введение улучшений в их хозяйство. Поэтому, вступая на путь введения агрономических улучшений, зажиточная часть деревни по-прежнему крепко держится за свои участки и всеми средствами стремится удлинить сроки переделов и превратить общинное владение в полевое. Несоответствие общинных порядков интересам сельской буржуазии косвенно подтверждается и тем, что последняя предпочитала разворачивать свою хозяйственную деятельность и вводить улучшения на купчих и арендованных участках. Таким образом община разрывалась с двух концов. И никакой «народный кредит», восхваляемый народниками, не мог спасти ее от распада. Кредит пошел бы на пользу «хозяйственному мужичку», а он именно потому стал враждебно относиться к общине, что уже стал «хозяйственным» и жаждал нерушимого полевое владения.

В резком противоречии с общиной находилась и выкуп крестьянских земель. Коллективное владение землей и выкуп ее на частные средства отдельных домохозяев — вещи несовместимые. Поэтому несмотря на привычку к общинному землевладению вместе с выкупом укоренился взгляд на землю как на свою, частную собственность и росло стремление к уничтожению земельных переделов. Лица, близко знавшие деревню, указывали на то, что во многих общинах, выкупивших свои земли, притом в таких, где земледелие было выгодно и землей дорожили, прекратились переделы пахотных земель: эти общины фактически перешли к полевому владению. В тех же общинах, где земли тоже выкупили, но не дорожили ими, потому что земледелие было невыгодно, и после выкупа продолжались переделы земель. Нетрудно понять, что в данном случае переделывалась не земля, а община, лежащая на земле, и это очень характерно для тягловой общины.

Вместе с развитием товарных отношений все меньшую роль в жизни деревни играла наделная земля. Беднота, не имея возможности обрабатывать наделы, забрасывала их или сдавала в аренду, иногда даже с приплатой. Кулаки разворачивали свое хозяйство не только на наделной земле, но и на купчей и на приарендованной у помещика и у своей общины (наделы бедняков). Таким образом, значение наделной

земли в жизни крайних групп деревни неизбежно уменьшалось. Сохранялась только видимость равного землевладения при все возрастающем неравенстве фактического землепользования.

Остановившись на этой стороне вопроса, Ленин пишет: «Как известно, крестьяне делят все полати по земле: доля полатей и доля земли сливается для них в одно понятие «дуна». Между тем разложение крестьянства ведет, как мы видели, к уменьшению роли наделной земли на окраинах современной деревни. Естественно, что при таких условиях распределение полатей по наделной земле (неразрывно связанное с обязательным характером общины) ведет к переложению полатей с зажиточного крестьянства на бедноту. Община (т. е. круговая порука и отсутствие права отказа от земли) становится все более и более вредной для крестьянской бедноты»¹.

Если к перечисленным отрицательным сторонам общины прибавить круговую поруку всех членов общины за своевременную уплату полатей, лежащих на всей земле, и паспортную систему, стеснявшую передвижение населения и ставившую крестьянина в зависимость от произвола сельского писаря (паспорт, без которого нельзя было выехать из деревни на заработки, выдавался сельским писарем только при гарантии уплаты полатей), то станет совершенно ясно необходимость ее устранения и, в первую очередь, в интересах деревенской бедноты. «Разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, — пишет Ленин, — по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, протекающие отсюда, вовсе не так значительны. «Хозяйственный мужичек» легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для «крестьянина», живущего главным образом продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и издекающим всяческие способы кабалы»².

Таким образом, связь между различными группами деревни в общине, особенно в пореформенный период, была чисто внешней, искусственной, фискальская. Она не толь-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. III, стр. 111—112.

² В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 326.

ко не включала в себя чего-либо свободного, коллективного, но, наоборот, сохраняя средневековую рутину, находилась в прямом противоречии с элементарными требованиями гражданских свобод. Поэтому сохранение ее в том виде, в каком она существовала в России, означало сохранение рутин, бесправия, сословной приниженности, запрещение свободы передвижения, распоряжения наделенной землей и т. д. Таким образом, от народнической общины как основы социалистического преобразования России ничего не оставалось.

Следует иметь в виду еще одну характерную черту русской общины, которая была «источником ее слабости и неблагоприятна для нее во всех отношениях. Это — ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосмос, который... повсюду, где он встречается, воздвигнул над общинами более или менее централизованный деспотизм»¹.

Марксистская позиция по отношению к крестьянской общине в России нашла свое полное выражение в аграрной программе, написанной Лениным еще в 1902 году. В работе «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин подробно разъясняет позицию партии в этом вопросе. Партия выдвинула как программное требование отмену круговой поруки, уничтожение сословных делений, свободу передвижения и свободу распоряжения землей для каждого отдельного крестьянина. Осуществление перечисленных мер, конечно, немедленно привело бы к уничтожению той феодально-крепостнической обузы, какой являлась, на три четверти, тогдашняя поземельная община.

Были ли эти требования направлены против общины, как таковой, то есть против самой системы крестьянских поземельных отношений с их переделами пахотных земель, общинным пользованием лугами, пастбищами, выгонами и т. д.? Ленин в названной работе достаточно подробно останавливается на этом и подчеркивает, что «я е д и н о й м е р ы, направленной непосредственно против той или иной системы крестьянских поземельных распоряжений, мы никогда не защищали и не будем защищать. Более того: общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов... Никому и никогда не будем мы помогать «разрушать общину», но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться безусловно, каз бы влия-

ние эта отмена ни оказала на корниш и частные переделы земли и т. п.: в этом наше коренное отличие от явных и тайных последователей и неоследователей, робких и смелых народников, которые, с одной стороны, являются «конечно», демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно-демократическим требованиям, как полная свобода передвижения, полное уничтожение сословности крестьянской общины, а следовательно, и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей»².

Выставляя эти требования, сознательные рабочие стремились усилить борьбу крестьян за землю.

Осуществление же этих требований означало бы уничтожение тяжелого помещичьего гнета, лежавшего на крестьянстве, и расчищало бы почву для развертывания классовой борьбы в деревне, которая быстро научила бы крестьянина видеть в рабочем классе своего естественного союзника и руководителя. «И только присоединяясь к этой борьбе (рабочего класса за социализм.—Н. Е.)— может крестьянство, сбросив первого своего врага, крепостника-помещика, вести успешную борьбу со вторым, более страшным врагом, с властью капитала!»³. Эти пророческие слова гения пролетарской революции сбылись: рабочий класс в союзе с основными массами крестьянства под руководством партии Ленина—Сталина разгромил капитализм и привел Страну советов к победе социалистического строя и в городе и в деревне.

Н. Г. Чернышевский глубоко верил в неизбежность коммунизма, в торжество общественной собственности. Главное преимущество крестьянской общины заключалось, по мнению Чернышевского, в тех навыках к коллективной жизни, которые будто бы воспитывались (прививались) общиной и какими она на самом деле не обладала. Эти качества прививаются и воспитываются при такой коллективной собственности, в основе которой лежит коллективный труд, и они дороги каждому коммунисту, но они могли возникнуть и получить действительное развитие только в условиях диктатуры рабочего класса.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия для социалистического преобразования деревни, представлявшей необъятный океан мелких,

¹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 1-я, стр. 273.

² В. И. Ленин. Соч. Т. V, стр. 119.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 120.

единоличных крестьянских хозяйств с их отсталой, средневековой техникой.

Правильная политика рабочего класса по отношению к крестьянству, осуществляемая под руководством партии Ленина—Сталина, привела к тому, что в нашей стране колхозный строй победил окончательно и бесповоротно.

«Это был глубочайший революционный переворот, свалок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»¹.

В 1929 году товарищ Сталин писал: «Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, уваживающий почву для капитализма, массами попирают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма»².

Колхозная революция, проведенная партией под гениальным руководством товарища Сталина, коренным образом изменила лицо советского крестьянства. Товарищ Сталин в докладе о проекте Конституции Союза ССР, сравнивая крестьян-

ство при капитализме с нашим колхозным крестьянством, говорил: «Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, куццов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достоинство не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выражаемая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство—это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества»³.

Таким крестьянством, подобного которому не знала история человечества, стало крестьянство и тех отсталых в прошлом районов Советского Союза, где остатки родового патриархального строя сохранились до самой пролетарской революции.

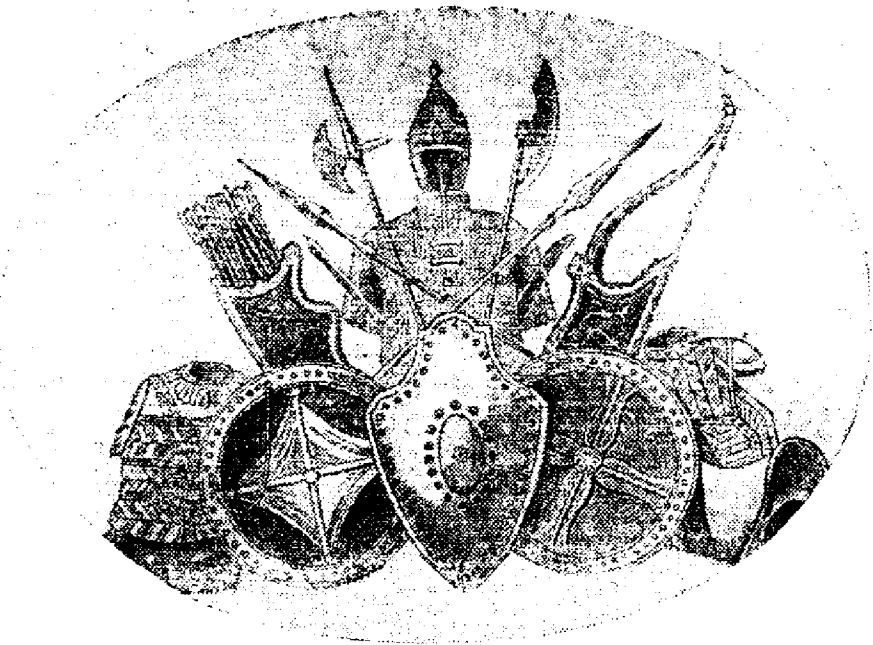
СССР первый показал всему миру, «как это делается» и какими силами это делается.

¹ «История ВКП(б)», стр. 291.

² Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 296.

³ И. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 16. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936.

В. Галкин

СОЗДАНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Процесс образования условий для создания русского национального государства нельзя отрывать от всей предшествующей истории Руси и истории Владимиро-Суздальской Руси в особенности. Точно так же нельзя рассматривать изолированно от Киевской Руси процесс складывания Северо-восточной Руси, как это делал Покровский.

В то время как Маркс отмечал, что империя Рюриковичей предшествует образованию Московского государства, Покровский не видел последовательности и закономерности в этих исторических событиях. Он писал: «Киевский период» и «Московский период» — это не два последовательных акта одной и той же драмы, а две параллельных драмы, две вариации на одну и ту же тему¹.

Каковы основные предпосылки создания русского государства и объединения вокруг Москвы всех великорусских земель при преемниках Василия Темного?

Многие исследователи отводили в решении этого вопроса главную роль географическому фактору. Но само по себе географическое положение, вне связи с экономическим и политическим развитием страны, ничего не может объяснить в этом историческом процессе.

¹ М. Н. Покровский «Очерки истории русской культуры». Ч. 1-я, стр. 45. 4-е изд. 1925.

Ответ на этот вопрос надо искать прежде всего в экономических условиях.

XV век для Московии характеризуется ростом общественного разделения труда, развитием ремесла и торгово-денежных отношений. Русские города приобретают все более важное экономическое значение, становятся сильными военно-административными центрами. Подъем земледелия, развите скотоводства и всякого рода промыслов нашли отражение прежде всего на рынке: усиливается обмен между отдельными областями страны, растет товарное обращение, происходит концентрация небольших местных рынков в междуобластные. Все это укрепляло экономическую мощь великого Московского княжества.

В начале XVI века в Московии уже сложился ростовнический капитал. «Отдача денег на проценты во всеобщем употреблении», — замечает австрийский дипломат Герберштейн. Проценты он считает почти невыносимыми: «С пяти рублей всегда берут один, т. е. 20 са ста». Церкви и монастыри, обладавшие огромными капиталами, совершали крупные ростовнические операции и брали при ссудах 10% с суммы.

Деньги, становясь всеобщим средством обмена, разрушали замкнутый строй феодальных хозяйств. «...Старые феодальные связи стали ослабевать под действием денег»², — писал Энгельс.

² В. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

Рост торгово-денежных отношений в стране вел к замене натуральных повинностей денежными окладными налогами. Появляется ряд таких государственных налогов, которые первое время сочетаются с натуральными повинностями. Так например на рубеже XV—XVI веков вводятся ямские деньги — налог, взываемый с населения наравне с натуральной ямской повинностью.

Кроме ямских денег появились деньги полоняничные, предназначавшиеся на выкуп пленных. Этот налог сперва был временным и лишь при Иване Грозном превратился в регулярную подать.

Огромное значение в доходах Московского государства приобретали оброчные деньги. Прежде всего оброк взывался за пользование землей и угодьями. Но оброк не ограничивался только землями. Оброчные деньги платили казне владельцы торговых мест и лавок, харчевен, бань, мельниц и других заведений. Кроме того оброк уплачивался с рыбных ловель, сениных покосов, бортовых ухабов, бобровых и звериных топков и т. п.

Замена натуральных повинностей оброчными (денежными) происходила обычно против воли и желания тяглых людей, так как оброк по сравнению с податями и повинностями ставил их в еще более тяжелые условия. Надо было где-то изыскивать деньги и прежде всего установить связь с местным рынком. Убийство тяглых людей, таким образом, втягивалось в торгово-денежные отношения.

Новые явления в области экономики производили глубокие сдвиги в общественных отношениях. Из феодального класса выделяется экономически сильная феодальная группа, состоящая из детей боярских, служилых людей — помещиков, которая и возглавляет политический процесс объединения русской земли вокруг Москвы.

1

Кроме великого княжества Московского в середине XV века имелись на территории Северо-восточной Руси следующие самостоятельные и независимые друг от друга княжества — великое княжество Тверское, великое княжество Рязанское — и две феодальные республики — Новгород и Псков, граничившие на северозападе с Тверским и Московским великими княжествами. Кроме того на западе и югозападе к Московскому княжеству территориально примыкали Смоленское княжество и группа верхнеокских и черниговосеверских земель. На юговостоке Рязанского и на востоке Московского княжества были владения Золотой Орды и Казанского ханства. На севере и северовостоке находились земли Великого Новгорода: За-

Иван III. Со старинной гравюры.

волочье, Пермская земля и Югра. За счет этого территориального окружения и прежде всего за счет русских земель происходило расширение Московского великого княжества и превращение его в русское государство. Рассмотрим подробнее, как происходил этот процесс при Иване III.

Период княжения Ивана III (с 1462 до 1505 года) является временем крупных политических событий в Северо-восточной Руси.

При Иване III Московское государство освобождается от тяготевшего над Русью в течение 2½ веков татарского ига. Иван III усиленно ведет борьбу с неконным врагом Руси — Польско-Литовским государством — за земли, захваченные у русских Польшей и Литвой. При нем происходит подчинение Великого Новгорода Москве и захват новгородских колоний.

Новгород Великий во второй половине XV века шел к упадку: его политическая система, представлявшая собой своеобразную феодальную демократию, разлагалась внутренней борьбой. Прогрессивному процессу объединения русских земель вокруг Москвы новгородские бояре стремились противопоставить устаревшие удельные традиции. Стремясь сохранить эти традиции, они шли на измену русскому народу, на сговор с польско-литовскими феодалами.

Среди новгородских бояр видную роль в политической жизни играли Борецкие, воз-

главлявшие антимосковскую партию в Новгороде и придерживавшиеся литовской ориентации. Эту изменническую позицию особенно активно защищала Марфа Ивановна Боренкая, жена посадника Исаака Андреевича. Ближайшими помощниками в борьбе с Москвой были ее сыновья Дмитрий и Федор. Боренкие не имели поддержки среди масс новгородского населения. Марфа Боренкая опиралась прежде всего на родовитое боярство и правящую верхушку Новгорода.

Таким образом, в 70-х годах XV века определились две политические партии среди господствующих классов Новгорода, так называемая «литовская» и «московская». В «московскую» партию входили, кроме житых людей (крупных земельных собственников), купцы, посадский люд, средние и мелкие землевладельцы, имевшие экономические связи с Москвой.

В 1471 году новгородские бояре заключили договор о военном и политическом союзе с польским королем — Литовским великим князем Казимиром IV. Согласно этому договору, Новгородская земля превращалась в наместничество польских и литовских феодалов. Договор с Казимиром был открытым вызовом Москве, и Иван III пошел на этот вызов. Против мятежных изменников — бояр — были посланы московские рати. Битва произошла в 1471 году на реке Шелони и закончилась разгромом новгородцев.

Первый основательный удар по новгородскому сепаратизму был прежде всего ударом по боярству литовской ориентации. По приказу Ивана III, были казнены многие видные бояре этой партии, в том числе и Дмитрий Боренкий. Его брат Федор Боренкий оказался в ссылке, где и умер в 1476 году.

Новгородцы уплатили денежную контрибуцию, отказавшись от союза с Казимиром IV. Поэтому автономия Новгорода Великого была сохранена. Но остатки «литовской» партии продолжали вести сепаратистскую политику, подготавливая заговор против Москвы. Попыткой поднять новгородцев против Москвы завершилась политическая карьера Марфы Боренкой. 2 февраля 1477 года ее отправили в Москву, а затем постригли в Нижегородском девичьем монастыре.

В январе 1478 года Иван III во главе своего войска занял Новгород. На этот раз уже окончательно была ликвидирована новгородская вольность и автономия Новгорода. Вечевой колокол — символ этой вольности и автономии — был увезен в Москву, вече уничтожено, а ярые поборники польско-литовской ориентации казнены.

В эти годы Иван III захватывает новгородские колонии: великую Пермь в 1474 году, Двинскую землю в 1478 году, — что

окончательно подорвало экономическую мощь новгородского боярства.

Югорская земля в борьбе Москвы и Новгорода имела немаловажное значение. Югра была известна в Москве как богатая страна пушнины. В связи с увеличением торговли с Западом югорская пушнина особенно привлекала внимание княжеской власти и московских купцов. Кроме того в Югре было обнаружено местонахождение серебряной руды в районе реки Исы. Иметь свое отечественное серебро было заветной мечтой московских князей.

Новгород в последние десятилетия своей независимости терял былые связи с Югрой. В 1446 году произошло восстание остяков против новгородских колонизаторов, закончившееся истреблением новгородской рати. Это обстоятельство учитывал московский царь при захвате Югорской земли. Подчинение Югры Москве произошло после нападения новгородского народоправства. В 1483 году Иван III послал свои рати и подчинил Югру.

В 1484 году последовала новая расправа с мятежными новгородцами. «Понмал князь велики больших новгородских и боярын, а казны их и села все велел отнести на себя, а им подавал поместья на Москве под городом; а иных бояр, которые кромулу (крамолу, измену. — В. Г.) держали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городам»¹.

Конфискация боярских земель в Великом Новгороде усилила позиции княжеской власти. С другой стороны, Иван III, падея часть новгородцев московскими поместьями, ставил их в зависимое положение. Такими методами преодолевалось упорное сопротивление мятежных новгородцев.

В 1489 году московские войска подчинили Вятку, бывшее воеводское поселение. Это подчинение явилось завершением длительной русской колонизации Вятского края, начатой новгородцами еще в конце XII века. В середине XV века в Вятке образовалась русская слобода, укрепленная острогом и получившая название города Хлынова. Благодаря выгодному географическому положению (крупнейшая судоходная река Вятка — правый приток реки Камы) Вятка являлась передаточным звеном в торговых отношениях севернорусских областей и Камско-Волжского бассейна. Основной торговой путь, ведущий к Поволжью, шел по реке Вятке. Вот почему московская княжеская власть проявляла большой интерес к Вятскому краю. Захватив Вятку, московские власти стремились закрепить свои позиции путем миграции населения: часть вятских жителей была отправлена в центр Московского государства, а на их

¹ Полное собрание русских летописей. Т. VIII, стр. 215.

места водворялись новые поселенцы, главным образом устюжане.

Все это говорит о том, что княжеская власть паряду с объединением русской земли вокруг Москвы вела активную колониальную политику.

«В России роль объединителя национальностей, — писал товарищ Сталин, — взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию. Так происходило дело на Востоке. Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда откаты на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации»¹.

2

Иван III последовательно осуществлял политику расширения владений Московского государства и укрепления своей власти над всеми русскими землями. Он не узурпировал власть соседних князей неожиданно, внезапно, как это делали некоторые его предшественники, а подготавливал все необходимые условия для этого. Яркой иллюстрацией подобной политики являются отношения между Москвой и Тверью. Тверь, как и другие когда-то сильные княжества, противилась объединению русских земель вокруг Москвы. Это сопротивление продолжалось в той или иной форме несколько десятилетий. Как складывались действительные отношения между двумя соперничающими княжествами — Московским и Тверским?

В начале княжения Ивана III между Москвой и тверскими князьями существовали такие отношения, принципиальные основы которых были выработаны их предшественниками — Василием II Темным и Тверским князем Борисом Александровичем. По прежним договорам, Тверское княжество признавалось Москвою независимым. Московская великокняжеская власть не должна была вмешиваться в его внутреннюю жизнь. Вместе с тем Тверь имела непосредственные связи с Золотой Ордой, и таким образом она была независимой и в вопросах внешней политики.

Но феодальное право, выраженное в тех или иных княжеских договорах, не всегда соответствовало реальной действительности. Оно не совпадало с действительным соотношением сил двух договаривающихся сторон. Московское княжество росло и крепло, вырастая в мощное русское национальное

государство. Тверское княжество, враждебное единству русской земли, ослабевало и в то же время стремилось задержать наступательное движение, помешать ликвидации феодальной раздробленности, ориентируясь при этом на иноземные силы.

Вместе с тем тверские князья вынуждены были поддерживать мощное Московское княжество, помогая так или иначе в разрешении коренных вопросов, связанных с созданием русского национального государства. Так было во время борьбы с Новгородом, когда рати Тверского князя Михаила Борисовича помогали московскому войску громить «северно-русское народоправство», и в период бескровного похода² к берегам реки Угры против золотоордынского хана Ахмата; в походе приняли участие и тверичане. Из этого следует, что Тверское княжество волюно или неволюно должно было включаться в разрешение общенациональных, общерусских вопросов. Тверской князь Михаил не мог поступить иначе, если он хотел оставаться у власти. Ему не приходилось рассчитывать на полную поддержку бояр, не говоря уже о других слоях населения, при осуществлении иной политики, политики обособления. Даже более того: часть тверского боярства открыто перешла на службу к Московскому великому князю.

При таких условиях трудно было сопротивляться объединительной политике Московского князя, не ставшая на путь сговора с иноземными правителями. На такой путь преобладал вставать Тверской князь Михаил Борисович. После смерти своей первой жены он начал переговоры с польско-литовским королем Казимиром. Политическая суть переговоров — заключение военного союза против Москвы — облекалась в форму сватовства одной из королевских внучек за Михаила Борисовича. Как только Иван III узнал об этих переговорах, он немедленно направил свою порубежную рать на Тверь. Соотношение вооруженных сил Москвы и Твери было не в пользу последней, поэтому Михаил Борисович капитулировал и приложил все усилия к мирному разрешению конфликта. Он «пришла владыку и бил ему (Ивану III.—В. Г.) челом на всей вали его: не зывает ему братом, но молодой брат, а что назовет князь велики земель своими землями и поворотажскими, а те землю князю великому, а куда пойдет князь великий ратью, и ему с ним же идти за один»³.

В результате переговоров был заключен новый договор между Москвою и Тверью,

² О походе против золотоордынского хана см. ниже.

³ Полное собрание русских летописей. Т. IV, стр. 236.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10—11.

сводивший на-нет былую автономию последней. Михаил Борисович должен был целовать крест «к своему господину и брату старейшему, к великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, и к его сыну». Из этого следует, что прежнее юридическое равенство между Московским и Тверским князьями кануло в вечность: оно уступило место отношениям между сюзереном или сеньером (господином) и вассалом (зависимым). Правда, Тверской князь Михаил Борисович не состоял на службе у Московского князя Ивана III, но он признавал невольное вассальное подчинение своего господина. При Иване III пошло в вассальную зависимость от Москвы и Рязанское княжество.

Так расширялась территория Московского государства. За время княжения Ивана III она увеличилась в три раза.

Энгельс, констатируя победу королевской власти во второй половине XV столетия «повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин», подчеркивает, что «даже в России покорение удельных князей шла рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»¹.

Собирательная политика московских князей имела поддержку не только со стороны дворянства, но и со стороны посадского населения. По этому поводу Маркс и Энгельс писали: «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов»².

Преодоление политической раздробленности, ликвидация множества самостоятельных полугосударств и переход к самодержавному строю государства, несомненно, были шагом вперед в историческом развитии русского народа. То, что писал Энгельс о королевской власти на Западе, целиком относится и к царской власти на востоке Европы.

«Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (*das Königtum*) была прогрессивным элементом.— это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздробленному на бунтующие вассальные государства»³.

Чтобы освободиться от иноземного порабощения — освободить Московское государство от власти татарского хана и согнать польско-литовских панов с русской земли, — надо было объединить все силы русского

народа, создать национальное государство. Международное положение Московии во второй половине XV столетия требовало незамедлительного образования сильного, централизованного государства, могущего обеспечить независимость и целостность русского народа.

Московское государство было экономически отсталым по сравнению с Западной Европой. Длительное татаро-монгольское иго на Руси, раздробление на множество обособленных княжеств и земель были основными причинами этой отсталости. Кроме того отсутствие естественных границ Московского государства с Балтийским и Черным морями, несомненно, мешало установлению непосредственного общения с более культурными народами Западной Европы.

Иван III много сделал для преодоления экономической, политической и культурной отсталости Руси. Иван III завершил традиционную политику московских князей со времени Ивана I Калиты по собиранию русской земли.

Потребуется самооборона, отражения нашествий монгольских, немецких и польско-литовских завоевателей, — все это вместе взятое, несомненно, ускорило создание русского государства. Именно необходимость обороны, как подчеркнул товарищ Сталин, ускорила образование централизованного русского государства. «Интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»⁴. Если на протяжении XIII—XIV веков напор монгольских войск сдерживали отдельные, разрозненные русские княжества, то в следующем столетии в ходе борьбы с восточными кочевниками-завоевателями оформляется централизованное Московское государство.

К 80-м годам XV века остался лишь призрак былой мощи Золотой Орды. Когда-то могущественное, непобедимое государство степных завоевателей к этому времени распалось, разлагаемое внутренними противоречиями. Взаимные отношения между вновь образовавшимися татарскими ханствами (Казанское, Крымское, Астраханское) все более и более ухудшались. Казанское ханство постепенно попало в вассальную зависимость от московских князей.

Не без борьбы закреплялось влияние Москвы в Казанском ханстве. В начале своего княжения Иван III вел войну против казанского хана. Следующее военное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 450.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 15.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445.

⁴ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73.

Иван III разрывает ханскую грамоту.

С картины Шустова.

столкновение с казанскими татарами было в 1487 году. Московское войско взяло Казань, и в результате этого успеха была установлена временная зависимость казанского хана от Москвы. С 1497 по 1502 год в Казани царствовал московский ставленник Абдул-Летиф-хан. В это время казанцы впервые присягнули на верность великому московскому государю Ивану III. Когда правитель Казанского ханства Абдул-Летиф оказался негодным Ивану III, он был удален посланниками царя и на его место был назначен новый хан — Мухамед-Амин.

Казань, как союзница Москвы, враждебно относилась к ордынским правителям. Но более серьезным и опасным противником для Золотой Орды было Крымское ханство, возглавляемое династией Гиреев.

Москва учитывала эти противоречия между татарскими ханствами и готовила все необходимое для ликвидации татарского ига на Руси. Иван III заключил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. Союз Москвы и Крыма был направлен против Золотой Орды. Иван III был весьма заинтересован в дружественных отношениях с Менгли-Гиреем, так как последний враждебно относился не только к золотоордын-

скому хану, но и к польско-литовскому королю.

Учитывая такую международную обстановку и прежде всего удельный вес Москвы, Иван III перестал платить дань Золотой Орде. Это и послужило причиной большого похода Золотой Орды на Москву в 1480 году. Во главе этого последнего ордынского нашествия стоял хан Ахмат. Собираясь походом на Москву, он заручился поддержкой польско-литовского короля Казимира IV. На соединение с ним и направил свои войска хан Ахмат. Он остановился около реки Угры, ожидая польские полки. Но ожидаемого соединения не произошло. Казимир IV не смог оказать военную помощь Ахмату.

Несколько месяцев стояли на противоположных берегах реки Угры две неприятельские армии. Ахмат не решился выступить против московской рати и 11 ноября 1480 года стал отступать в степь.

Безрезультатный поход Ахмата на Русь ускорил окончательное разложение Золотой Орды. В начале 1481 года на обратном пути в Золотую Орду хан Ахмат был убит.

В 1502 году Золотая Орда была окончательно разрушена крымскими и тюменскими татарами.

В чем состоит особенность политики Ивана III в отношении Золотой Орды? Маркс всеобъемлюще охарактеризовал эту политику в следующих словах:

«Иван освободил Москву от татарского ига не путем решительного удара, а посредством упорного, почти 20-летнего труда. Он не сломил его, а высвободился из-под него украдкой. Свержение этого ига поэтому больше похоже на естественно-исторический процесс, чем на дело рук человеческих. Когда татарское чудовище наконец испустило дух, Иван появился у его смертного одра скорее в качестве врача, предвидевшего эту смерть и спекулировавшего на ней, чем в качестве воина, причинившего ее»¹.

Татаро-монгольское иго пало в результате длительной, упорной борьбы русского народа и внутреннего разложения Золотой Орды. Иван III лишь завершил эту борьбу.

Освобождение Руси от татарского ига ускорило завершение собирания великорусских земель вокруг Москвы. В 1485 году была присоединена к Москве Тверь.

Иван III воссоединил и югозападные земли, входившие в свое время в состав Киевского государства. В 1499 году московское войско отвоевало Чернигов, находившийся во власти литовских феодалов со второй половины XIV века. Присоединение Чернигова имело не только экономическое, но и стратегическое значение. Русское государство получило подступ к днепровскому торговому пути.

Литва слабела вследствие того, что целый ряд белорусских феодалов переходил на службу к московскому великому князю. Из белорусских феодалов, перешедших на сторону Москвы, следует выделить удельных князей Бельских. Главной резиденцией их был городок Бельск в бывшей Гродненской губернии.

Политические разногласия, усилившиеся после «личной унии» между Литвой и Польшей, — основная причина отхода белорусских удельных князей от Литвы. Семен Бельский один из первых перешел на службу к великому князю Ивану III и передал ему свой удел с городами Стародубом, Гомелем и Любечем. Это была большая потеря для Литвы: литовские князья неоднократно пытались водворить свою власть в русских и белорусских землях, но безуспешно. Война продолжалась три года. По договору 1503 года, Литва признала эти города за Москвой.

Московская дипломатия добивалась возвращения всех великорусских, белорусских и украинских земель, находившихся под властью Литвы. В 1504 году русские послы выдвинули перед Литвой следующее

требование: «Вся русская земля — Киев и Смоленск и иные города — от наших предков наша вотчина, а он бы (польско-литовский король) нам русские земли все — Киева, Смоленска и иных городов — поступился».

Польско-литовские захватчики крепко ухватились за поработанные земли. Поэтому вооруженная борьба с ними еще была впереди.

Одновременно с борьбой с поляками происходила борьба против немецких авантюристов: в 1502 году были разбиты ливонские рыцари.

3

Международное положение Московского государства в конце XV — начале XVI века значительно укрепилось по сравнению со всем предшествующим периодом. Подводя итоги княжеской политики Ивана III, Маркс писал: «В начале своего княжения (1462—1505) Иван III все еще был данником татар; власть его все еще оскандалась другими удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских народоправств, господствовал на севере России; Польша, Литва стремились к завоеванию Москвы, а Ливонские рыцари все еще не были сокрушены».

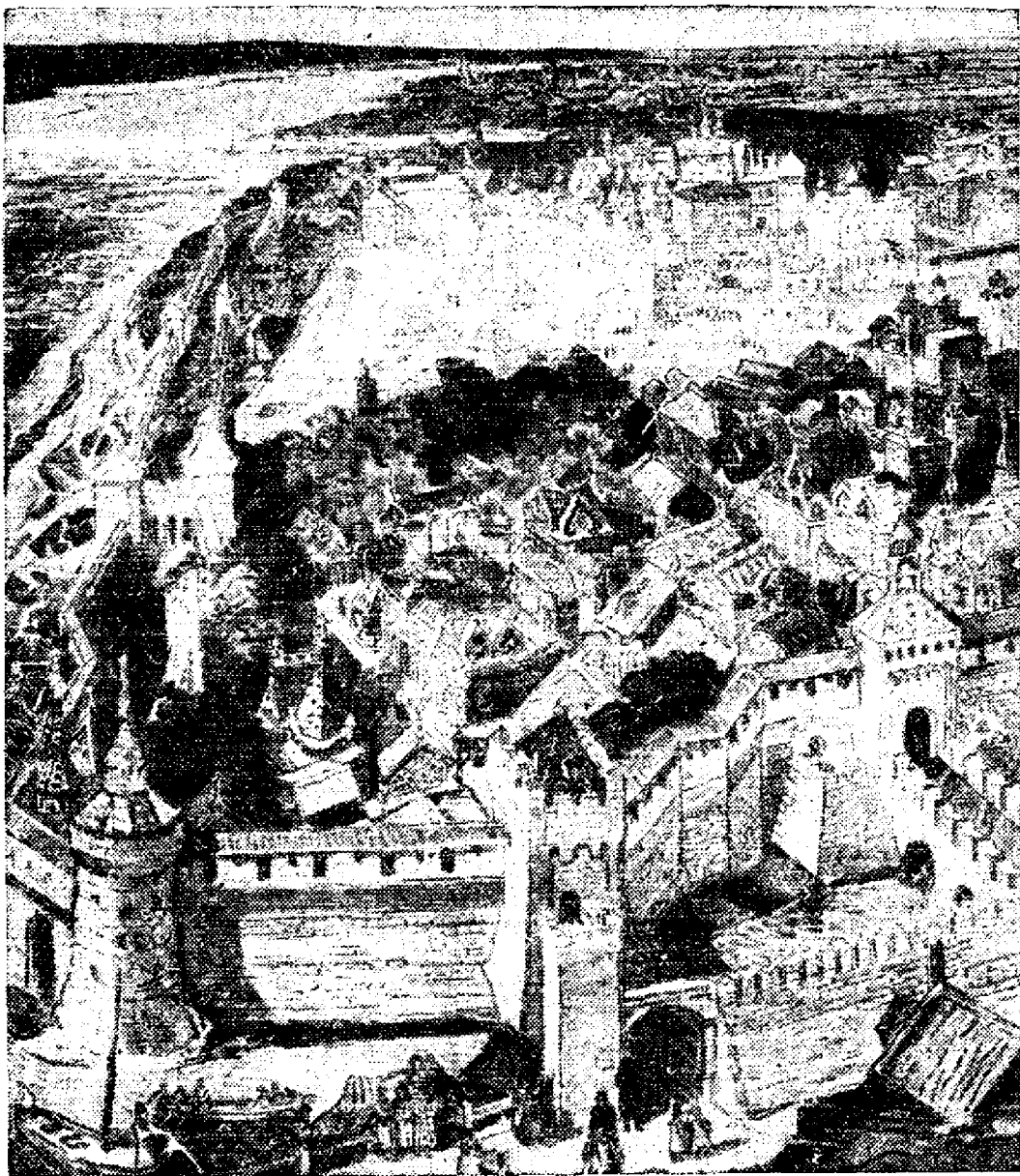
К концу своего княжества Иван становится совершенно независимым государем, женою его делается племянница последнего императора Византии. Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору. Новгород и другие народоправства приведены к повиновению. Литва уцелена и великий князь ее — игрушка в руках Ивана. Литовские рыцари побеждены.

Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Московского государства между литовцами и татарами, вдруг была орошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах. Сам султан Баязет, перед которым трещала Европа, вдруг услышал однажды высокомерную речь от москвитянина»².

Русский народ, раньше других народов объединенный Москвой, стал развиваться в нацию, стал основой образования Московского государства. Украинцы и белорусы — кровные братья русских — в это время были поработаны польско-литовскими феодалами, тогда как русский народ, сбросив татарское иго, стал независимым народом. Олицетворением этой независимости была Москва — столица русского государства, перестраивавшаяся и украшавшаяся по мере

¹ К. Маркс «Секретная дипломатия».

² Там же.

Москва при Иване III.

С картины Некрасова.

укрепления Московии. Кремлевские здания и особенно церкви оформлялись лучшими русскими архитекторами.

В области изобразительного искусства в XV веке выдвинулись такие талантливые художники, как Андрей Рублев, много потрудившийся над украшением Кремля. Василий Дмитриевич Ермолин и др. Под руководством Ермолина и при участии другого зодчего, Ивана Головы, началось строительство Успенского собора в московском Кремле (1472 год).

Княжеская власть использует для украшения своей столицы лучших иностранных и особенно итальянских мастеров: ремесленников, техников и художников. По приглашению Ивана III приезжает из Болоньи в Москву итальянский архитектор Архителъ Фиораванти. Он консультировал строительство Успенского собора и руководил строительством ряда зданий. Иван III приглашал в Москву лучших фризских (итальянских) мастеров-строителей, для найма которых в Италию выезжали бояре Дмитрий Ларев и Митрофан Карачаров.

Наряду с церковными постройками сооружались и светские здания. Около Крем-

ля воздвигались лучшие столичные дома. В 1470 году купец Таракан построил первый каменный жилой дом около Спасских ворот Кремля. На соседстве с Успенским собором в 1484 году было возведено казнохранилище. Иначе стали выглядеть кремлевские постройки. В 1485 году стали возводиться новые стены и башни, сохранившиеся до наших дней. Территория Кремля расширилась до теперешних ее размеров, имея в окружности 2,1 километра. Кремль стал огромной неприступной крепостью Москвы.

Москва стала общепризнанным столичным центром русской земли, центром сложившегося феодального абсолютистского государства.

Социальной базой абсолютистского государства был класс земельных собственников — помещиков, дворян. Дворянство представляло собой в основном служилое сословие. Владение землей и крепостными крестьянами определялось личной службой, гражданской или военной, дворянина московскому государю. В связи с созданием разветвленного государственного аппарата

и увеличенном армии служилое сословие выросло в значительную общественную силу.

Перед государством, перед княжеско-царской властью постоянно стоял вопрос о создании земельного фонда для обеспечения этого растущего служилого сословия. Этот злободневный и животный для феодального абсолютистского государства вопрос разрешался разнообразными методами. Во-первых, происходила дальнейшая земельная аккумуляция сельских общин; во-вторых, принимала массовый характер раздача земли служилым людям из государственного земельного фонда, особенно так называемых «черных» земель; в-третьих, дворянство обеспечивалось поместьями за счет конфискации земель поверженных удельных княжеств и боярских земель, особенно в Новгородском крае.

В результате всех этих мероприятий была создана весьма сложная поместная система. Появилась необходимость организации поместного приказа, общегосударственного учреждения, которое ведало бы распределением и учетом поместных земель.

Право на владение поместьем сочеталось с правом эксплуатации крестьянского населения, которое жило на поместной земле. Вместе с тем каждый земельный собственник стремился переманить крестьян из других мест и общин. Ленин писал, что в средние века, в эпоху Московского царства, государство основывалось на местных сою-

зах: «Помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами»¹.

Принимая крестьян из других мест, помещики фактически ограничивали переход своих крестьян в другие вотчины и поместья. Монастыри первые из феодальных хозяйств добились от князей права ограничения крестьянского перехода.

При Иване III крестьянский переход был ограничен на территории всего русского государства в связи с принятием нового судебника. Статья 57-я княжеского судебника 1497 года регламентировала порядок крестьянского отказа: «А крестьянам отъезжаться из волости (в волость), из села в село — один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего»².

Юрьев день был 26 ноября. Это связано с окончанием сельскохозяйственных работ, с полной уборкой урожая. Двухнедельный период для крестьянского выхода, установленный судебником 1497 года, соответствовал интересам вотчинников и помещиков. Прежняя неопределенность в отношениях кабальных крестьян и землевла-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

² «Акты исторические», Т. I, № 105. СПб., 1811.

Смотр служилых людей.

С картины Иванова.

Судебникъ князе

ли и вѣдѣ, ласкѣ еси и все тѣхъ си. судѣтѣ и нещюи.
 и вѣо тѣхъ оудѣ. къ сѣдѣ и вѣо тѣхъ. и вѣо тѣхъ.
 Судѣтѣ и вѣо тѣхъ, и вѣо колничи. а пѣсѣ
 дѣбѣ оудѣ оудѣ, и вѣо колничи. дѣако.
 вѣсѣдѣ, и вѣо печалю пѣнѣ и симати, та
 ко и пѣсѣ а ко мѣ оудѣ, по сѣдѣ оудѣ пѣнѣ
 ни ко мѣ. а сѣдѣ о мѣ пѣнѣ тѣнѣ, ни
 архѣ и тѣнѣ ни ко мѣ.*

Судебникъ Ивана III.

Рукопись XV века.

дельцев создавала множество неудобств для вотчин и поместий.

Введение Юрьева дня как рубежа между двумя осенними неделями крестьянского отказа означало усиление крепостного права, еще более прочное приращение крестьян к земле князей, бояр, помещиков и монастырей.

Право крестьянского отказа основывалось на том, что крестьянин был рабом своего господина. Выкупить себя крестьянин мог лишь за большую, непосильную плату. В судебнике указываются и условия крестьянского отказа. «Дворы пожилые платят: в полях за двор рубль, а в лесах полтина. А который крестьянин поживет за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочь и он полдвора платит, а три года поживет и пойдет прочь и платит три четверти двора, а четыре годы поживет, и он весь двор платит».

Уплатить «пожилое» прежнему господину представляло непреодолимую трудность для кабального, крепостного крестьянина. Ему приходилось идти в кабалу к другому господину.

Таким образом, «отказавшийся» крестьянин попадал из огня да в полымя. Для большинства крестьян, желавших выйти в другое село или волость, право отказа определялось интересами тех помещиков, которые нуждались в дополнительной рабочей силе крепостных крестьян. Они субсидировали «отказавшихся» крестьян и таким путем вновь их закабалляли. Крепостническая кабала фактически не прерывалась.

Для крестьян-старожилов были установлены законом более тяжелые условия кре-

стьянского отказа. Крестьяне, жившие на земле своего господина четыре года и более, были обязаны оставлять ему двор со всеми хозяйственными постройками. Сироты — наиболее закабаленная, закрепощенная часть крестьянства — не пользовались правом перехода. Таким образом, усиление власти Московского князя сопровождалось усилением гнета бояр и дворян над широкими массами крестьянства.

* * *

Энгельс, характеризуя общество позднего средневековья, писал, что национальное государство «тогда было возможно только в монархической форме»¹.

Монархическая форма государственной власти определялась прежде всего потребностями земельного дворянства. «Поэтому, — писали Маркс и Энгельс, — повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства стоял монарх»².

Московское государство времени Ивана III было монархическим, помещичьим государством.

«Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам. — и все эти законы свелись в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство»³.

На какие общественные слои, кроме по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 416.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 15.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 372.

мешиков, опиралась княжеская власть в создании централизованного государственного управления?

Энгельс писал, что «и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно беспечного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле»¹.

В городах эти элементы формировались из посадских людей, которые были заинтересованы в сильной княжеской власти. Как в городе, так и в деревне они составляли служилое сословие, которое состояло в основном из двух разрядов: с одной стороны, княжеско-боярская знать, занимавшая командные посты в государственном аппарате и составлявшая непосредственное окружение великого князя, а с другой стороны, служилые люди низшего разряда, из среды которых выделялись своей родословной боярские дети.

Княжеско-боярская знать, объединившаяся в боярскую думу, всенародно противилась централизации управления, была против самодержавия государя и упорно держалась за свой принцип власти: «князь слушай, а бояре приговори». Поэтому княжеская власть неизбежно сталкивалась с оппозиционным боярством; и в этой борьбе за создание централизованного государства она должна была опираться на помещиков и посадские элементы.

При Иване III княжеская власть настолько окрепла, что глава власти принял титул «государя всея Руси». Принятие царского титула Иваном III имело немаловажное политическое значение, знаменуя укрепление великокняжеской власти. Утверждение царского титула имело, кроме всего прочего, и международное значение, так как оно подняло престиж Московского князя среди западноевропейских королей и императоров.

Введение нового государственного герба связано с созданием независимого, суверенного Московского государства. В эпоху феодальной раздробленности не могло быть единой и единственной государственной

эмблемы. Для каждого княжества, земледельческого государства, устанавливались свои, особые эмблемы.

На смену княжеской эмблеме в форме Георгия Победоносца на коне появляется новый государственный герб в форме двуглавого орла. Раннее изображение его относится к 1497 году.

Падение независимого, суверенного Византийского государства под ударами турок (1453 год) означало уничтожение царьградского двуглавого орла. Этот герб был воспринят и возрожден в Москве в период создания русского национального государства. Идея этой гербовой эмблемы выражена в возвышении княжеской — царской — власти Московского государства, во взглядах на Москву как центр всей вселенной, прежде всего как новый мировой центр православия, заменивший Византию и противопоставленный Риму как мировому центру католичества.

Принятие двуглавого орла как эмблемы русского национального государства не отменяло прежний княжеский знак. Первое время двуглавый орел и Георгий Победоносец являлись равноправными частями государственного герба: на монетах и печатях изображались оба знака. Затем двуглавый орел поглотил древний княжеский знак.

Складывание самодержавной власти нашло отражение в писаниях Носифа Волоцкого — автора известной книги «Просветитель», — сторонника всецельной, обоготворенной царской власти. В своем «Просветителе» он внушал, что «царь естеством подобен всем человекам, властью же подобен вышнему богу»².

В конце XV или в начале XVI века составляется «Сказание великих князей владимирских», в котором пространно объясняется происхождение русских князей от римского кесаря Августа и появление венца Мономаха. Первый варяжский князь в Новгороде Рюрик, согласно легендарному сказанию, происходил из рода римского царя Августа. Великий князь Владимир Всеволодович получил царский венец и бармы (оплечье) от византийского императора Константина Мономаха. В свою очередь московские князья как преемники киевской династии являются законными наследниками Византии.

Так создавалась идеология самодержавия на основе такого важнейшего исторического события, как завершение собирания Руси и превращения Московского княжества в национальное русское государство.

² «Просветитель, или обличение ереси иудействующих». «Творения Носифа Волоцкого», стр. 17. 3-е изд. Казань. 1896.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

ДРЕВНЕРУССКИЕ АРХИВЫ

1

Глубокий интерес, проявленный широкими народными массами к историческому прошлому нашей родины, вызывает необходимость тщательного и всестороннего учета и изучения дошедших до нас письменных источников.

Особенно необходимо такое изучение по отношению к памятникам древнего периода истории нашей родины. Если XVII—XX века представлены в государственных архивах СССР сравнительно богатыми документальными данными, то документов более раннего периода насчитывается очень немного. По подсчетам известного палеографа Шляпкина, до нас дошло не более 700 древних «харатейных» (написанных на пергаменте) документов¹.

Древние русские архивные документы, возникшие в феодальном обществе, являлись в основном грамотами, при помощи которых русские князья и бояре стремились закрепить и усилить свои права, привилегии на земли, на крестьян, на подати, сборы и т. п. Грамоты регулировали также взаимоотношения между отдельными феодалами (при передаче имущества феодалов своим наследникам, при пожертвованиях в церкви и монастыри и т. п.).

Старейшей из дошедших до нас грамот является грамота великого князя Мстислава и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. Исследователи относят эту грамоту к периоду между 1128—1132 годами.

Этой грамотой утверждаются за Юрьевым монастырем волость Буйце с доходами и часть княжеских пошлин и даней, кроме того монастырю жалуются серебряное блюдо и 30 гривен серебра. Подобного вида грамоты, относящиеся к разряду жалованных грамот, встречаются и в более позднее время. Как правило, эти грамоты давались монастырям, церквям или отдельным лицам

на предмет предоставления им от имени того или иного феодала (князя, великого князя) различных льгот и преимуществ в области налогов, суда и пр. Так, известна вкладная грамота (один из видов жалованных грамот) преподобного Варлаама Хутынского монастырю, датированная 1192 годом. Под именем черннца Варлаама здесь, как это объясняет новгородский летоисец, фигурирует богатый новгородский боярин Алекса Михайлович, пожаловавший для основанного им Спасо-Хутынского монастыря два села с угодьями.

Из договорных грамот (фиксирующих взаимоотношения отдельных феодалов между собой) укажем на договорную грамоту о перемирии между великим князем Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем с одной стороны и литовскими князьями Ольгердом и Кейстутом с другой (1372 год). От более раннего периода сохранились договорные грамоты Великого Новгорода с князьями, определяющие порядок и условия их княжения. Так, известны две договорные грамоты Великого Новгорода с Тверским князем Ярославом Ярославичем, относящиеся к 1265 году, и третья договорная грамота с ним же от 1270 года.

В конце XIII века Великий Новгород подписал две договорные грамоты с Тверским великим князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи против общих врагов. Обе эти грамоты дошли до нас.

В 1318 году великий князь Юрий Московский заключил договор с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем и Великим Новгородом о рубежах, о выходах, об окупах и пр. Грамота эта дошла до нас, правда, в довольно ветхом состоянии.

От 1270 года сохранилось духовное завещание («рукописание») Климента Новгородца, считавшееся долгое время подложным. По этому завещанию, делался вклад в Юрьев монастырь и выделялась доля имущества для жены покойного.

От середины XII века сохранилась уставная грамота (грамота, определявшая порядок управления), данная Смоленским князем Ростиславом Мстиславичем и епископом Мануилом смоленской епископии. Эта весьма обширная грамота детально регламентировала порядок взимания податей и налогов, порядок судопроизводства и управления в смоленской епископии.

В летописи встречаются указания на существование в XII—XIII веках заемных, долговых и кабальных грамот.

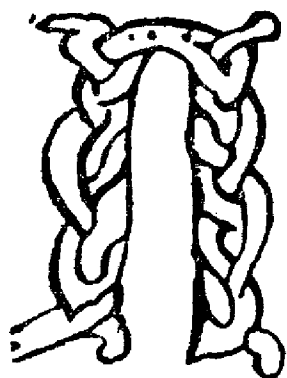
Где же собирались и хранились эти первые архивные документы древней Руси? Поскольку первые архивные документы отражали деятельность феодалов, то естественно, что первоначальными местами хранения этих документов, так сказать, первыми ар-

¹ До XIV века документы писались на пергаменте, в XIV веке появляется трипичная бумага, постепенно вытесняющая пергамент, который остается в употреблении только для особо важных документов.

СЛАВЬ ВОЛОДН

СЛАВЬ ВОЛОДН

СЛАВЬ ВОЛОДН

Павдароусьсклаа
жьоубьнтамоу
жьмоужа томьт
тнбратоубрата
любощнлюбосноз

Русская Правда, по списку XIII века.

живамп на Руси, были усадьбы феодалов и монастыри.

В летописях имеются указания о местах хранения архивных документов в домосковский период. В Киеве такое хранилище было в храме святой Софии, в Новгороде — в церкви святого Иоанна на Торжке (которая кроме того служила и складом товаров для купеческой общины), в Софийском соборе и в церкви святого Петра.

В Пскове роль архива выполнял особый ларь в соборе святой Троицы. Об этом псковском ларе дошли до нас довольно подробные сведения в летописях и в Псковской судной грамоте, целый ряд статей которой посвящен порядку хранения документов в ларе святой Троицы.

Как видно из статей 14, 32 и 38-й Псковской судной грамоты, в ларе хранились договоры Пскова с соседними князьями, постановления духовных соборов, духовные завещания псковичей, платежные расписки, порядные грамоты, заемные записки и т. п.

По свидетельству летописца и Судной грамоты, видно, что документы, положенные в ларь святой Троицы, приобретали юридическую силу. Расписка об уплате долга, грамота, фиксирующая ту или иную сделку, духовное завещание становились юридически бесспорными только тогда, когда копии их или оригиналы сдавались на хранение в ларь святой Троицы.

Заведующий этим ларем — ларник — имел право прикладывать печать к тем или иным юридическим актам, находящимся на руках у частных лиц (статья 50-я Псковской судной грамоты).

Таким образом, о существовании первоначальных и монастырских архивов в домосковский период мы имеем совершенно точные и прямые указания древних юридических памятников. В отношении княжеских архивов мы такими прямыми данными не располагаем — приходится пользоваться косвенными свидетельствами летописи и других источников. В «Повести временных лет», автор которой, несомненно, стоял близко к великокняжескому двору в Киеве, имеются вставки, характер которых показывает, что они списаны с подлинных документов. Так например в летописи приведены договоры, заключенные с Византией Олегом в 912 году, Игорем — в 945 году и Святославом — в 971 году. Последний договор кончается словами: «Се же имейте во истину, яко же сотворихом ныне к вам (ш) написахом на харатыи сей и своими печатями запечатахом»¹.

Эти слова свидетельствуют о том, что летописец располагал подлинным текстом договора. Кроме того в летописи встречаются и другие документы: договор 1006 года между великим князем Владимиром I Святославичем и волжскими булгарами, послание Владимира II Мономаха к князю Олегу Черниговскому после муромского сражения 1096 года, поучение Владимира II Мономаха своим сыновьям и т. д. и т. п. Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что составитель летописи располагал не дошедшими до нас, но

¹ «Повесть временных лет» (по Лаврентьевскому списку), стр. 72. 2-е изд. Л. 1926.

хорошо ему известными архивными материалами киевских великих князей.

На основании «Повести временных лет» мы можем, следовательно, сделать вывод о наличии архивных документов в казне Киевского великого князя, так как специальных архивов древняя Русь не знала. В монастырях документы хранились вместе с ценными вещами, церковной утварью, богослужебными книгами и т. п.; княжеские архивы также обычно были нераздельно с казной, т. е. и здесь документы хранились вместе с деньгами, ценностями, и т. д.

О наличии архивных документов в казне смоленских князей можно судить на основании того, что в старом архиве города Риги сохранился торговый договор между Ригой и смоленским князем, относящийся к 1228 году. Раз такой договор существовал, то можно предполагать наличие одного из экземпляров его в руках смоленских князей, т. е. в их казне, тем более что Рига придавала этому договору большое значение, о чем свидетельствуют 7 дошедших до нас русских переводов этого договора, первоначальный текст которого был латинский.

2

Трудности в изучении древнего периода русской истории заключаются в том, что до нас дошли очень немногие из этих архивных документов, хранившихся в монастырях, церквях, княжеской казне и в домах бояр и купцов.

Из истории Западной Европы и позднейшей истории Московского государства мы знаем, что нередко архивные документы, фиксирующие определенные социальные отношения, становились объектом острой классовой борьбы.

Во время Жакерии во Франции, восстания Уота Тайлора в Англии, Великой крестьянской войны в Германии — народ прежде всего уничтожал феодальные и долговые документы. Такая же картина наблюдалась и в Московском государстве. Например 15 мая 1682 года, во время первого стрельечного восстания, восставшие громили холопий приказ, овали и разбрасывали по площади кабалы и другие крепостя.

Едва ли можно сомневаться в том, что подобные явления имели место и в более ранний период. Хотя прямые указания на уничтожение документов почти не встречаются, но при разгроме боярских и купеческих домов и усадеб документы их вла-

дельцев могли быть уничтожены восставшими.

В 1113 году, во время восстания в Киеве, одной из причин которого были колоссальные ростовщические проценты, восставшие разгромили дома тысяцкого Путьяты и его сторонников, крупнейших киевских ростовщиков, причем едва ли можно сомневаться в том, что многие долговые обязательства были уничтожены. 1-я Новгородская летопись, сообщая о голоде в Новгороде, в 1230 году пишет: «Злые люди начали зажигать дома добрых (т. е. богатых.—Авт.) людей, узнавши, что (там) есть рожь, и так разграбляли их имущество». В 1290 году восставшие новгородцы двинулись на Ирусскую улицу, где жили богатейшие бояре и купцы, разгромили их дома и сожгли всю улицу. В 1418 году, кроме боярских домов, был разгромлен и ряд монастырей, хранивших боярские архивы. Аналогичные события происходили в Новгороде и в 1421 году¹.

Немало документов погибло во время внутрифеодальной борьбы. Так, в 1066 году полоцкий князь Всеслав овладел Новгородом и разграбил храм святой Софии, а через 1½ года сжег Смоленск. В 1076 году Глеб Рязанский сжег Дмитров. В 1208 году Всеволод Большое Гнездо сжег Рязань и Белгород.

Известны случаи, когда победивший феодал захватывал документы побежденного, для того чтобы обеспечить свои права на ту или иную территорию. Например в 1169 году Андрей Боголюбский захватил Киев, разграбил его и увез к себе во Владимир «иконы, драгоценные ризы и книги». В XIV веке Торжок был разграблен войсками тверского князя и важные документы были увезены в Тверь.

Очень много материалов погибло при нападениях на русские земли половцев, татар, немцев, шведов и других врагов. В 1096 году половцы сожгли Юрьев и половецкий хан Боняк ворвался в Киев, сжег княжеский дворец и разграбил Киево-Печерскую лавру. В 1203 году половцы захватили Киев, разграбили ряд церквей и «книги... положиша все себе в полон». В 1237 году татары вторглись в русские земли, уничтожили Пронск, Белгород, Ижевск, Борисов и Глебов; 23 декабря взяли Рязань и «град и земля рязанская пашемися... и отыде слава ея, и не бы что в ней было велати, токмо дым и земля и пещел». 3 февраля 1238 года татары подошли к Владимиру и 7 февраля захватили его. Они разграбили Успенский собор и «книги отраша и положиша себе в полон».

В 1238 году полностью была уничтоже-

¹ Новгородская летопись 1, 109 и Новгородская летопись IV, 120.

Печать псковская.

на Москва. В Суздале татары сожгли церковь Богородицы, монастырь святого Дмитрия и княжеский двор, где хранились ценнейшие документы. В 1239 году татары разграбили Муром и Чернигов, а в 1240 году — Киев, который был почти целиком уничтожен. В 1242 году немцы сожгли Изборск и разграбили Псков, вывезя из него ряд документов.

В 1869 году Академия наук получила из Финляндии 166 обгоревших пергаментных листков—остатки 48 книг, захваченных шведами во время одного из их походов на русские земли.

Колоссальное количество материалов погибло от стихийных бедствий — пожаров и наводнений. Деревянные, крытые соломой дома горели почти ежегодно: большинство церквей также было деревянными, а поэтому нередко дошла выгорали целые улицы и города.

Летопись сообщает нам о ряде подобных фактов. В XII веке в Новгороде было 7 больших пожаров: 4—на Торговой стороне и 3—на Софийской стороне, где находилось крупнейшее в Новгороде архивохранилище — храм святой Софии. Особенно грандиозны были пожары в 1153, 1181 и 1194 годах, когда горели не только Новгород, но и Городец, Ладoga и Русса. В 1185 году, во время пожара во Владимире Суздальском, сгорели 32 церкви со всем имуществом и книгами. В XIII веке в Новгороде было 7 больших пожаров: 3—на Торговой, 3—на Софийской и 1 в 1299 году — во всем городе. Во время его сгорели 22 церкви и материалы, в них хранившиеся. В XIV веке в Новгороде было 19 больших пожаров. Из них 9—на Торговой, 6 — на Софийской и 4 — во всем городе.

В 1340 году в Новгороде сгорела детинец (кремль), митрополичий дом, сорок церквей и храм святой Софии, причем из многих церквей не успели вынести книги, а то, что успели вынести, также сгорело. В 1342 году пожар повторился — люди бежали за город и не входили в него целую неделю. В XV веке было 10 пожаров: 5—

на Торговой улице, 4—на Софийской и 1—во всем городе.

Во Пскове в XIV—XV веках было 3 больших пожара, причем в 1386 году сгорел весь город. В XV веке и в начале XVI века во Пскове отмечен целый ряд больших пожаров, происходивших во несколько раз в год и уничтожавших весь город¹.

Из наводнений в Новгороде особенно велики были: наводнение 1337 года, когда «поише дождь силен и потоле иное все в погребех — иное на площадех»², и наводнение 1421 года, когда «бысть вода велика в Волхове и снесе Великий мост и Перелничский и Жплотужской, а с Коломець и церковь снесе св. Троицу, [а] в Шилове и на Соколище и в Ралововицах и в Воскресении в Людине Конце; в тех церквах, толко на полатях пели, а по концам хоромы и с животы снесе»³.

Едва ли нужно говорить, что при этих стихийных бедствиях пострадал богатый архивный материал.

Не меньшей угрозой чем пожары, наводнения и нашествия врагов оказались для древних документов позднейшие «любители-коллекционеры», скупавшие грамоты для своих частных собраний. Ажютаж и спекуляция, развивавшиеся при этом, доходили до самых невероятных размеров. Так, один из таких «любителей-коллекционеров», граф Ф. А. Толстой, посылает письмо к известному собирателю древних рукописей и книг археографу Н. М. Строеву, в котором упрощает его не посылать рукописей и книг в Академию, «а добывать их в мою библиотеку»⁴.

Многие и многие десятки ценнейших письменных памятников глубокого прошлого нашей родины были до Октябрьской революции похоронены в частных коллекциях и библиотеках, которые, как правило, распродалась и исчезали после смерти их владельца. Но даже те архивные документы, которые попадали в официальные архивы, музеи и библиотеки дореволюционной России, не становились достоянием науки, а держались под скупом. К обозрению их допускались только весьма немногие, «избранные» лица.

О быте и нравах дореволюционных архивов до нас дошли весьма любопытные свидетельства современников. С. С. Пашков в своей книге «Подвиги науки» рассказывает, что директор Московского архива министерства иностранных дел А. Ф.

¹ Костомаров «Исторические монографии и исследования». Т. VIII, стр. 167. СПб. 1868.

² Новгородская летопись 1, 78.

³ Новгородская летопись 1, 109.

⁴ Николай Барсуков «Жизнь и труды Н. М. Строева», стр. 156. СПб. 1878.

Малиновский «зорко следил, чтобы все его подчиненные не имели сношения с чужими, и Строев (например) принужден был держаться подалеже от Карамзина, чтобы не пасть на себя подозрение в сообщении архивной контрабанды». Митрополит Евгений в письме от 1821 года предупреждает П. И. Кеннена, собравшегося в ученую экскурсию по России: «В Москве вы найдете много сокровищ в синодальной библиотеке, в архиве иностранной коллегии и в библиотеке графа Толстого. Но недостает вам времени осмотреть, а любопытного не покажут»¹.

Угрюмо и негодование встречали историка архивы царской России. Много препятствий и затруднений ставилось на его пути, многое от него просто скрывалось. Все эти обстоятельства тормозили развитие исторической науки. Только Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая власть помещиков и капиталистов, раскрыла архивы и создала все условия для глубокого развития и расцвета исторической науки. Ленинский декрет от 1 июня 1918 года о централизации архивного дела заложил основы для объединения всех государственных архивов под одним руководством

¹ Полегаев Н. И. «Разработка русской исторической науки в первой полов. XIX века, стр. 11. 1892.

и указал на необходимость концентрации архивов в целях удобства их изучения и использования.

За 20 лет, прошедших со времени издания этого декрета, мы имеем крупнейшие достижения в области централизации архивного дела.

Создана сеть крупных государственных архивов: Центральный архив Октябрьской революции, Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, Центральный архив профсоюзов, Центральный архив Красной Армии, Центральный военно-исторический архив, Архив революции, Архив внешней политики, Межевой архив, ряд крупных архивов в союзных республиках, областных и районных архивов. В этих архивах собраны миллионы документов по истории нашей родины. Но надо сказать, что несмотря на централизацию архивного дела древнейшие грамоты, относящиеся к глубокому прошлому нашей родины, до сих пор не собраны в одном месте. В основном они сосредоточены в архиве Академии наук СССР, в Государственном историческом музее, в Ленинской библиотеке, в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде) и в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Интересы изучения истории нашей родины требуют соединения этих и без того немногочисленных памятников в одном месте.

БОЛЬШЕВИКИ ИРКУТСКА И КРАСНОЯРСКА В КОЛЧАКОВСКОМ ПОДПОЛЬЕ

1

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири установилась советская власть, которая освободила рабочих и крестьян от векового гнета помещиков и капиталистов.

Все земли кабинетские, монастырские, церковные, помещичьи и войсковые без всякого выкупа поступили в пользование трудового крестьянства. Все богатства Сибири: руда, уголь, рудники, копи, фабрики, заводы и железные дороги — были национализированы и перешли в собственность пролетарского государства. Началась упорная борьба за укрепление советов в Сибири.

Но трудящиеся Сибири вскоре пришлось с оружием в руках защищать свои завоевания от заклятых врагов рабочих и крестьян — империалистических хищников Англии, Франции, Японии и других стран, объединившихся со свергнутыми революцией классами помещиков и буржуазии и с разбитыми партиями эсеров, меньшевиков, кадетов и т. п.

Интервенты и внутренняя контрреволюция объединились, так как «ни одна из этих сил не обладала достаточными данными для того, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти»¹.

Пронскамн англо-французов на Средней Волге и в Сибири в мае 1918 года был организован мятеж чехословацкого корпуса. Этому корпусу было советской властью разрешено выехать к себе на родину через Сибирь и Дальний Восток. Но эсеры и англо-французы использовали его для мятежа против советской власти. Мятеж этот послужил сигналом к мятежу кулачества в Сибири.

Сибирская контрреволюция выступила под лозунгами «Вся власть учредительному собранию» и «Автономия Сибири».

Партия большевиков и советы бросили все силы на борьбу с контрреволюцией. Крестьянская беднота и часть середняков, следуя зову партии, вливались в рабочие дружины, активно сражаясь вместе с рабочими против наславшей белогвардейщины. Ни один город контрреволюционные войска не могли взять без боя.

Но еще не достаточно организованные рабочие и красногвардейские отряды не смогли устоять перед натиском организованной Антантой регулярной, вооруженной до зубов, 40-тысячной чехословацкой армии. В июне 1918 года в Сибири временно восторжествовала белогвардейщина, скрывавшаяся под меньшевистско-эсеровской «демократической» вывеской.

В первые же дни прихода к власти белогвардейское сибирское правительство произвело кровавую расправу над революционными массами рабочих и крестьян. Все тюрьмы Красноярска, Омска, Томска и других сибирских городов были заполнены рабочими и крестьянами. Чрезвычайные суды расстреливали всех подозреваемых в большевизме. Большевистские организации Сибири ушли в глубокое подполье.

В июне 1918 года начали работу большевистские подпольные комитеты Томска, Омска, Красноярска, Верхнеудинска и других городов.

Красноярский подпольный комитет на специальном совещании вынес решение о подготовке восстания для освобождения Сибири от белогвардейщины. Решено было организовать боевые рабочие дружины и партизанские отряды, а также наладить работу подпольной типографии. Комитет за короткое время развернул большую работу. Прежде всего были установлены связи с рабочими Абаканского и Знаменского стекольных заводов, Ашжерских и Судженских каменноугольных копей, железнодорожных мастерских, электростанции и с рабочими Енисейска, Мшусинска, Ачинска и Канска.

Немного позже приступил к работе Иркутский общегородской комитет, создавший подпольные ячейки среди рабочих в предместье Глазково, в Иннокентьевском дено, на станции Зима и около 10 ячеек в городе. Была установлена также связь с румынскими солдатами, со школой интер-офицеров и казачьей сотней. Комитет выпустил листовки, призывавшие трудящееся население Сибири к вооруженному восстанию.

Первоочередной задачей, вставшей перед большевиками Сибири после укрепления местных партийных организаций, было немедленное создание областного центра для объединения разрозненных сил в борьбе против белых, а также для установления связи с Москвой, с ЦК РКП(б). Для об-

¹ «История ВКП(б)», стр. 216.

суждения этого основного вопроса было проведено специальное совещание в Тюмени; позднее, в июле, в Томске приступило к работе созданное совещанием организационное бюро, развернувшее подготовку сибирской конференции, на которой должно было быть оформлено областное сибирское партийное руководство.

Первая областная сибирская подпольная конференция РКП(б) собралась 18 августа 1918 года в Томске. На ней присутствовали делегаты от 8 подпольных комитетов: Красноярска, Омска, Томска, Новоиколаевска, Барнаула, Екатеринбургa, Челябинска и Кемеровского рудника. Работа конференции длилась четыре дня. В своих резолюциях конференция указала основные пути борьбы за диктатуру пролетариата, за освобождение трудящихся Сибири. Конференция предложила местным партиорганизациям вести планомерную политическую и боевую подготовку вооруженного восстания рабочих и крестьянских масс в общесибирском масштабе. Для успешного выполнения этих задач в условиях контрреволюционной обстановки конференция постановила перевести партийную организацию на военное положение и выделила для руководства вооруженной борьбой военно-революционный штаб.

По отношению к сибирской думе и к городским самоуправлениям конференция наметила тактику бойкота, обязав партийные организации не допускать никаких соглашений, компромиссов и даже переговоров с меньшевиками и эсерами, пособниками империалистов и предателями дела рабочего класса.

На своем последнем заседании конференция избрала Сибирский областной подпольный комитет.

Одновременно шла работа по сплочению рабочего класса. Еще 15 июня в Томске состоялась организованная большевиками конференция профсоюзов, которая указывала на наступающую контрреволюционную реакцию и призывала рабочих сплотиться для решающей борьбы против контрреволюции. Затем была проведена западносибирская конференция профсоюзов и создано временное бюро Сибирского совета профсоюзов, проведшее ряд губернских съездов и подготовившее всесибирский съезд профсоюзов.

Всесибирский съезд профсоюзов открылся 6 октября 1918 года в Томске, куда съехали 120 делегатов. Съезд выбрал новый исполнительный комитет, в котором руководящая роль принадлежала большевикам.

После областной партийной конференции областной Сибирский комитет широко развернул свою работу. Уже 7 сентября в Красноярске и в других городах появились большевистские листовки, разобла-

чавшие сущность меньшевистско-эсеровского контрреволюционного правительства и предупреждавшие об угрозе военной диктатуры, подготовляемой эсерами и меньшевиками. 8 сентября начали работать подпольные типографии в Омске, Новоиколаевске, Барнауле и Челябинске. Особенно широко развернута работа по мобилизации масс в связи с предстоящими выборами в городские самоуправления. Подпольные комитеты на основе решений первой сибирской конференции призывали трудящееся население к бойкоту. Проведение тактики бойкота дало возможность большевикам разоблачить перед широкими массами контрреволюционную сущность мелкобуржуазной демократии и использовать кампанию для разъяснения массам необходимости организации вооруженного восстания и соединения Сибири с Советской Россией для полного избавления от помещиков и капиталистов.

Подводя итоги кампании, 15 сентября 1918 года Сибирский областной комитет вынес решение о необходимости проведения конкретной боевой работы по подготовке вооруженного восстания в общесибирском масштабе. Важнейшей составной частью намеченного плана явилось решение комитета об объединении под руководством большевиков стихийно возникавшего на местах партизанского движения, принявшего размеры широкого народного движения. Эти решения были распространены среди рабочих, солдат и крестьянских масс в тысячах листовок.

В результате проделанной большевиками работы рабочий класс, бедняцкое и середняцкое крестьянство Сибири, решительно выступили против меньшевиков и эсеров. Последние сами заявляли, что крестьяне их уже не поддерживают, а рабочие открыто «проявляют симпатии к советской власти». Еще в августе 1918 года в связи с мобилизацией, проводимой эсеровско-меньшевистским правительством, стали поступать сведения о большевистских настроениях среди крестьян, а в сентябре крестьяне ряда уездов и рабочие Кузнецка, Нижнеудинска, Устькаменогорска, Славгородска, Бодайбо, Канска и Минусинска в ответ на призыв областного комитета РКП(б) подняли восстания под большевистскими лозунгами, требуя установления советской власти в Сибири.

Особенно мощными были восстание крестьян Славгородского уезда и выступление железнодорожных рабочих 14 сентября. Вся магистраль Сибирской железной дороги была охвачена стачечной волной. Железнодорожники требовали: восстановления месячной оплаты железнодорожным рабочим, возвращения на работу рабочих и служащих, уволенных за поддержку совет-

Красные партизаны в Сибири.

ской власти, уплаты полностью стачечникам за все время стачки. На эти требования меньшевистско-эсеровские правители ответили репрессивными мерами: стачечный комитет был арестован, часть рабочих расстреляна, и вся территория дороги объявлена на военном положении.

Еще более свирепо было подавлено восстание крестьян в Славгородском уезде, где тысячи крестьян были расстреляны и повешены. Особенно жестоко преследовались большевики. В Красноярской тюрьме без всякого суда расстреляли большевиков Дубровского, Яковлева, Вейнбаума и Белопольского. В Нижнеудинске насмерть замучили организатора местного большевистского комитета Ревекку Шнеерсон. На станции Тайга расстреляли Суховерхова, бывшего заместителя председателя областного комитета.

2

Разрастающееся революционное движение рабочих и крестьян создавало серьезную угрозу господству контрреволюционной буржуазии. Русская буржуазия и англо-французские империалисты открыто заявляли о необходимости замены меньшевистско-эсеровской «учредилки» твердой военной монархической диктатурой, способной подавить революционное движение и решительно расправиться с рабочими и крестьянами. О необходимости создания такой

диктатуры совершенно открыто говорилось в буржуазных и белогвардейских кругах. В дневнике Пепеляева от 23 сентября 1918 года записано: «Станция Манчжурия. Я расстался с князем Львовым. Мы расцеловались. Он на прощание сказал мне: «Желаю вам успеха на счет монархии»¹. Немного ниже там же помещается запись, характеризующая аналогичные же настроения и у союзников: «Из союзников англичане, французы и японцы высказались за монархию у нас»².

Кадеты на своей конференции в Омске приняли решение об установлении единоличной власти. 7 сентября за монархию высказался Всероссийский торгово-промышленный съезд. 15 октября «национальный блок» из кадетов и промышленников развернул широкую агитацию в пользу единоличной власти, выдвигая диктатором адмирала Колчака, прибывшего в то время в Омск. Одновременно открыто начала выступать против рабочих и крестьян возникшая под названием «Михайловское общество охоты и рыболовства» черносотенная организация, состоявшая из заводчиков, помещиков, офицеров, черносотенной профессуры и видных членов «Союза русского народа». В Томске эта организация группировалась вокруг военного министра

¹ Субботовский «Союзники, русская реакция и интервенция», стр. 19.

² Там же.

Гришина-Алмазова. Члены этой организации устраивали банкеты, на которых пили за здоровье «великого князя» Михаила Александровича и произносили речи, в которых открыто говорили о реставрации дома Романовых.

В ночь на 18 ноября группой членов «Михайловского общества» с ведома «союзников» и русской буржуазии был совершен «государственный переворот» и к власти пришла военная диктатура адмирала Колчака. Меншевики не только не мешали этому перевороту, но фактически подготовили его и всячески способствовали ему.

Такова была та обстановка, в которой собралась 2-я областная подпольная сибирская конференция большевиков. Задача для большевиков теперь заключалась в том, чтобы в связи с изменившейся обстановкой, в условиях военной диктатуры, наметить новую тактику, дать массам новые лозунги борьбы.

Конференция собралась 23 ноября 1918 года в Томске. Она назвалась первой все-сибирской конференцией, потому что здесь присутствовали делегаты не только Западной, но и Восточной Сибири. На конференции были представлены комитеты городов: Томска, Омска, Новониколаевска, Красноярска, Иркутска и Челябинска. Заседания конференции проходили только по ночам в помещении пекарни на Белой улице.

Были заслушаны доклады о работе областного комитета и о текущем моменте.

Исходя из общей оценки текущего момента, конференция наметила конкретные задачи и формы борьбы. Она указала на необходимость продолжать планомерную организацию рабочих и крестьян в Сибирь для всеобщего восстания. Первым этапом борьбы рабочих «по пути свержения буржуазии» конференция наметила всеобщую политическую стачку, дав подпольным организациям директиву «от ряда политических стачек-протестов в отдельных городах и районах переходить при начале восстания к всеобщей стачке»¹. Конференция еще раз подтвердила необходимость безраздельного большевистского руководства стихийно возникающими местными, сепаратными восстаниями рабочих и крестьян, направляя их к достижению общей задачи. В связи с этим выявилась среди части товарищей неправильная точка зрения о необходимости организации вооруженного восстания только во все-сибирском масштабе, «строго централизованного». Конференция совершенно правильно признала возможным допустить «восстания местного характера, охватывающие более или менее крупные

районы при наличии особо благоприятных условий»².

Местные восстания расстраивали колчаковский тыл, оттягивали белогвардейские силы с фронта и обеспечивали этим возможность быстрого продвижения вперед Красной Армии.

Правильность принятой конференцией установки доказывается теперь документально. Губернатор Енисейской губернии для ликвидации восстания в Канском уезде «требовал от 3 до 4 тысяч регулярных войск»³. Начальник колчаковского штаба Лебедев в приказе также отмечал, что «большевистские восстания вносят значительное беспокойство в жизнь тыла и отнимают немало военных сил, отправить которые на фронт не представляется возможным»⁴.

На заключительном заседании конференции был избран областной комитет. Конференция приняла временный устав, на основе которого были перестроены подпольные организации. Согласно принятому уставу, все члены партии разбивались на пятерки, десятки, которые посылали своих представителей в городской комитет; представители городских и уездных организаций посылали делегатов на городскую конференцию, которая избирала общегородской комитет. Общегородские комитеты в своей работе поддерживали непосредственную связь с первичными организациями и подчинялись областному комитету.

Поскольку основная работа подпольных организаций была направлена на подготовку и организацию восстаний, на разгром колчаковщины, то при каждом комитете выделялся военно-революционный штаб, состоящий из военного и разведывательного отделов, отдела связи и Красного креста. В задачу штаба входило, кроме подготовки и организации восстания, создание в освобожденных из-под власти Колчака местностях органов советской власти.

После конференции областной комитет широко развернул работу по разложению тыла противника. Была организована и хорошо оборудована типография, которая регулярно выпускала листовки и прокламации, распространяемые среди рабочих, крестьян и солдат. Комитет даже подготовил выпуск газеты «Правда коммуниста», по разгром типографии контрразведкой прервал эту работу.

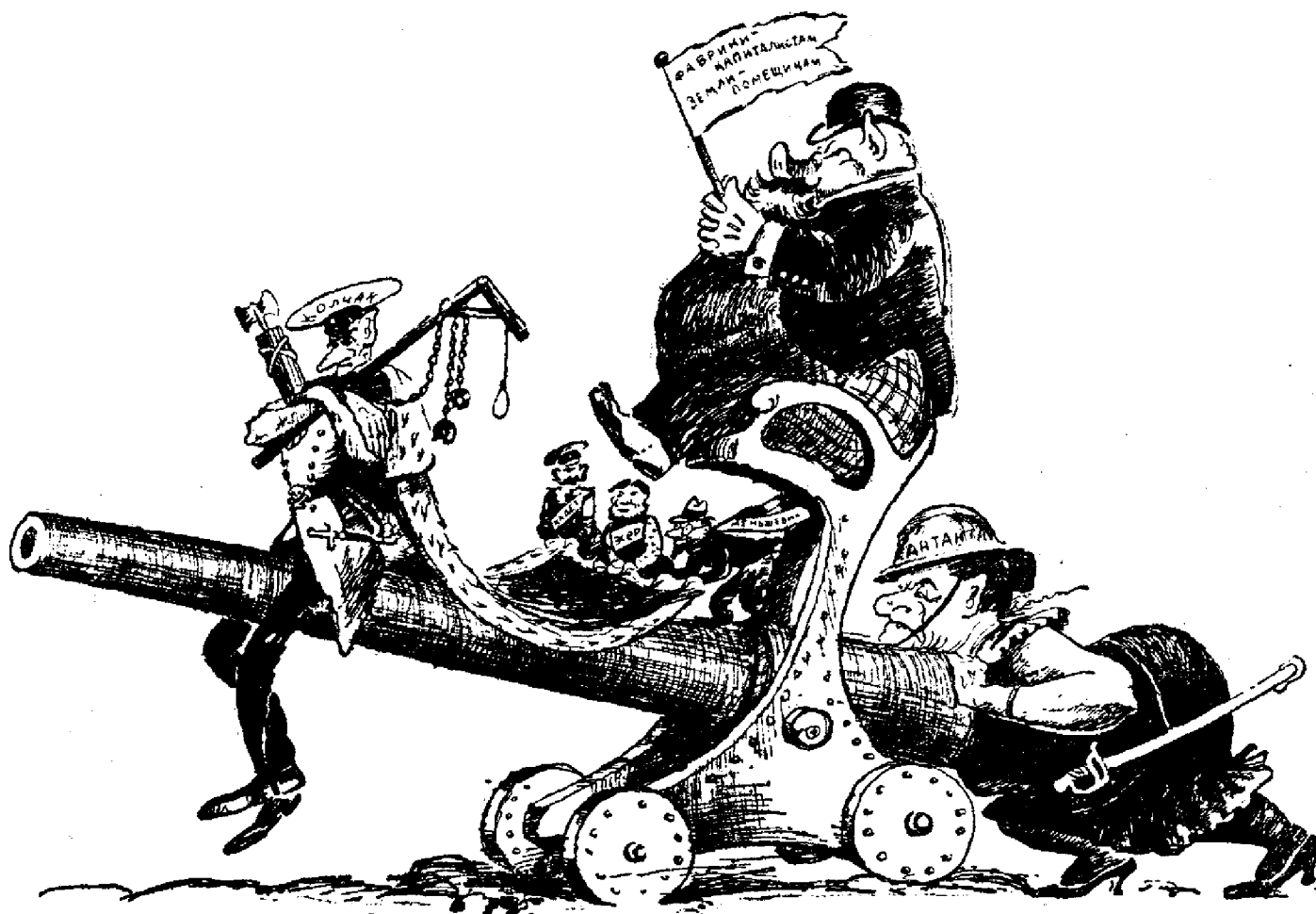
Областной революционный штаб проделал большую работу по снабжению городских организаций и партизанских отрядов

² Журнал «Пролетарская революция» № 1 (72) за 1928 год, стр. 73.

³ Архив Октябрьской революции, фонд 147, л. № МВД—33—2, л. 16.

⁴ «Правда» № 102 от 14 мая 1919 года.

¹ Шемелев «Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов», стр. 155.

Колчаковщина.

Рис. Ю. Цышевского.

оружием, патронами и бомбами. Для этого революционный штаб налазил связь с армиями и создал среди солдат подпольные большевистские комитеты, снабжавшие революционный штаб оружием, взрывчатыми веществами и другими боевыми припасами.

В то же время была установлена через фронт регулярная связь с ЦК РКП(б). ЦК РКП(б) создал Урало-Сибирское бюро ЦК, в задачу которого входило поддерживать непосредственную и тесную связь с подпольными комитетами, информировать их о положении дел в РСФСР и передавать директивы от ЦК РКП(б). Тов. Свердлов по этому поводу писал в Омский комитет: «Решили создать специальное сибирское бюро ЦК из 5 человек... принимаем сейчас меры к постановке прочной связи с вами... Установим прочную связь, и работа пойдет полным ходом»¹.

Несмотря на большой риск, с которым были связаны переходы через фронты в Сибирь и обратно, связь с ЦК РКП(б) была установлена прочно. Товарищи Ленин, Сталин и Свердлов были всегда в курсе сибирских дел и руководили работой подпольных организаций в Сибири. «...сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла,— говорил Ленин в речи перед

слушателями Свердловского университета,— говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно»².

3

Придя к власти, Колчак демагогически заявил о «восстановлении» народного хозяйства. В действительности же весь «восстановительный» план Колчака шел по линии развала и расхищения народного достояния Сибири. Транспорт с каждым днем все более расстраивался и непрерывно шел к упадку. Шахты и копи останавливались. В то же время процветала бешеная спекуляция, которая в первую очередь была по и без того низкому прожиточному минимуму голодных рабочих. Управляющий Енисейской губернией доносил: «Нормальной торговли нет... многие предметы выросли в цене в 20—40 раз, а содержание увеличилось не более чем в 5 раз»³. Товары с рынка исчезали. Приобрести их можно было только у спекулянтов, по бешеным ценам. Так, в Харбине сахар покупался по 90 копеек за фунт, а в Сибири его продавали по 35 рублей. Кооперативные организации были уничтожены и заменены «торговыми домами» и «акционерными

¹ Селезнев «Партизанское движение в Западной Сибири». Сборник документов, стр. 30. 1936.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 495.

³ Архив Октябрьской революции, фонд 147, д. № МВД—33—2, л. 27.

обществами», которые в два—три дня выколачивали миллионные капиталы.

Спекуляцией, взяточничеством и хищением занимались все — от жандармов до министров. Даже колчаковский журнал «Отечество» не мог скрыть принявших массовый характер безобразий и преступлений колчаковского режима: «В тылу не все благополучно, всевозможные злоупотребления... железнодорожные хищения и взяточничество стали безграничны. Под видом военных грузов движется товар, принадлежащий спекулянтам»¹.

Благодаря спекуляции, взяточничеству и массовому хищению расстраивался и финансовый аппарат. Доход в 70 миллионов рублей, выколачиваемый путем беспощадного обложения населения, мог только в ничтожнейшем размере покрыть расход, доходивший до 600 миллионов рублей. Колчаковское правительство давало миллионные субсидии предпринимателям несуществующих заводов, «компаниям», частным банкам и т. д. Владельцам частных предприятий только в первые дни колчаковщины было выдано 110 миллионов рублей, частным банкам — около 110 миллионов рублей. На содержание белогвардейских заграничных организаций было отправлено во Францию 500 тысяч франков, в Англию — 30 тысяч долларов. Такие же суммы были посланы в Нью-Йорк, Токио и другие страны.

Взамен ценностей и золота, отправляемого за границу, Колчак прибег для покрытия расходов к выпуску бумажных денег на сумму до 3 миллиардов рублей. Выпуск был так несовершенен, что даже колчаковский государственный банк отказывался принимать свои собственные деньги, считая их фальшивыми.

Падение ценности рубля привело к невероятному росту цен на продукты первой необходимости, снова тяжело отразившемуся на положении рабочих и крестьянских масс. К голоду присоединялись беззакония, надругательства, грабежи и убийства, которые делали колчаковщину ненавистной для широких масс населения. Казни и пытки были обычным явлением: население порали, расстреливали, вешали, сажали на кол и подвергали самым утонченным пыткам.

Окружив себя развратной шайкой военных мошенников, Колчак восстановил для себя все царские почести. Войска пели при нем почетный караул, как прежде перед Николаем Кротовым. Его приказы, как и приказы царя, начинались словами: «Мы, верховный правитель, повелеваем...» и т. д. Для показа якобы подчинения своего как «верховного правителя» закону со-

вершался обряд при открытии сената: Колчак стоял, «а сенаторы сидели в знак того, что власть подчиняется закону»². Учрежденный Колчаком сенат, где в числе министров были и так называемые социалисты, являлся лишь ширмой для прикрытия монархической контрреволюции.

Колчаком были закрыты и разогнаны все культурные и просветительные учреждения. 75% учебных заведений были превращены в казармы и квартиры офицеров. В оставшихся учебных заведениях и в армии усиленно насаждались монархические идеи, вновь были введены «закон божий» и обязательное исполнение «Боже, царя храни», «Коль славен». За отказ подчиняться этим распоряжениям сажали в тюрьму и расстреливали. Свобода собраний была предоставлена только промышленникам, духовенству и монархическим организациям; все другие организации были запрещены и разгромлены. Произведения великих русских мыслителей Горького, Толстого, Герцена и других конфисковывались и сжигались. Все газеты и журналы, даже буржуазно-либерального направления, были закрыты. В ходу была исключительно продажная, полная грязи и клеветы на советы и большевиков реакционная, монархическая литература, издаваемая обществами «святого Гермодена» и «святого креста».

Для «укрепления» государственного «порядка» и борьбы с большевиками Колчаком были восстановлены военно-полевые суды и институт генерал-губернаторов. Большевику была объявлена беспощадная борьба. Генерал-губернатор Енисейской губернии Розанов расстреливал десятки крестьян и рабочих за одно подозрение в сочувствии большевизму. Нередко сжигались дома, целые села, население которых обвинялось в большевистских настроениях. Омский генерал-губернатор Матковский для «ограждения» населения вешал «виновных» на телеграфных столбах вдоль железной дороги. Колчаковский наместник в Семиречье Анненков имел специальный вагон, так называемый вагон смерти. Приговоры выносились обычно после расправы, а то и вовсе не выносились: без всякого суда расстреливали и топили по 50—100 человек сразу, ссылаясь на то, что в военной обстановке нет времени судить. Был разработан даже план для массовой расправы и уничтожения лиц «государственно опасных». Омским вешателем Ивановым-Риновым и атаманом Красильниковым были изданы для тюрем секретные приказы, предписывавшие с провокационной целью устанавливать зверский режим с тем, чтобы «вызвать политических заключенных

¹ «Правда» № 146 от 6 июля 1919 года.

² Колосов «Сибирь при Колчаке», стр. 97. 1923.

на восставле и при умирении расстрелять как «бунтовщиков». В тюрьмы Екатеринбург, Челябинска, Омска, Томска, Канска, Красноярска и Иркутска для организации бунта среди заключенных были подсланы специальные провокаторы, в результате чего без суда и следствия были расстреляны и повешены тысячи арестованных.

Колчаковщина со всеми ужасами ее кровавого режима полностью раскрыла классовую природу восстановленной Колчаком власти помещиков и капиталистов и побудила широчайшие массы рабочих и крестьян со всей решительностью и определенностью стать на сторону советской власти.

Ленин, давая оценку колчаковщине, говорил, что когда сибирский крестьянин и рабочий испытал «бесконечные насилия, порку, грабежи от офицеров, сынков помещиков и капиталистов... когда он испытал, что Колчак—это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал... громадный ряд восстаний в Сибири»¹.

Восстания рабочих и крестьян становились все более широким, народным движением. Возглавлялось это движение подпольными большевистскими организациями. Самоотверженная, героическая борьба большевиков против Колчака и его режима создала огромный авторитет подпольным комитетам—влияние большевиков с каждым днем ширилось и росло.

«Рабочие Иркутска и других промышленных пунктов губернии с каждым днем становятся враждебнее к власти... на собраниях и в частных разговорах ясно виден крутой поворот к большевизму»², — докладывал губернатор Иркутской губернии Цепеляеву. Из Красноярска Колчаку сообщали, что в Енисейской губернии «большевизм пустил глубокие корни». Были получены сведения о восстаниях крестьян Перовской, Вершино-Рыбинской волостей и в пределах бывших Иркутской и Енисейской губерний. В октябре 1918 года обе губернии с уездами Канска, Ачинска, Красноярска, Минусинска, Икейска, низовья Ангары и верховья Лены были сплошь охвачены революционным движением рабочих и крестьян.

Красноярский комитет сумел организовать и политическую и материальную помощь местам. Была установлена связь с пленными красноармейцами, а также с лагерем военнопленных, где была создана

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 489, 599.

² Архив Октябрьской революции, фонд 147, д. № МВД—34—49, л. 29.

большевистская подпольная организация из венгерских коммунистов, широко развернувшая впоследствии работу среди военнопленных. Комитет наладил работу в 31-м Сибирском полку, в 4-м Енисейском и на Знаменском заводе, где был организован даже вооруженный отряд в 100 человек. Заготавливались бомбы и динамит, выпускались листовки к солдатам и рабочим, а также к английским войскам.

27 декабря 1918 года подняли восстание красноярские солдаты. В тот же день начали восстание рабочие типографского союза и железнодорожники участка Падская—Красноярск. Восставшие обезоружили милицию, выбрали свое управление и установили охрану. Вслед за этим они повели подготовку захвата Канска. Белогвардейский офицер Мартин доносил в штаб Иркутского округа: «В Канске и уезде идет тайная пропаганда и организация большого восстания»³. В это же время вспыхнуло восстание в Иркутске, распространившееся вдоль линии Сибирской железной дороги. В иркутском восстании приняли активное участие рабочие Черемховских коней, гвоздильного завода, Инокентьевского депо и других предприятий.

6 февраля 1919 года выступили рабочие Енисейска. Они освободили политических заключенных, арестовали местных контрреволюционеров и создали революционный штаб. Революционный штаб выпустил воззвание к населению о свержении Колчака и буржуазии и установлении рабоче-крестьянской власти. В тот же день была развернута работа по обороне города. Город был укреплен и опоясан окопами: на улицах были воздвигнуты баррикады.

Против восставших были посланы значительные военные силы из Красноярска и других городов. 27 февраля колчаковские войска ворвались в Енисейск.

Бои кипели на улице. 28 февраля, уступая силе, восставшие отступили вверх по Ангаре, в Кешемирскую волость.

Большевистские комитеты были тесно связаны и с крестьянским движением. Иркутский комитет систематически вел в деревне большую агитационную работу, оказывая помощь оружием и боевыми припасами. Комитет был связан с партизанскими отрядами Бурова, Зверева и Кадандаравили, действовавшими в низовьях Ангары, в верховьях Лены и в Качуге. Особенно сильно было партизанское движение в волостях Икейской, Кроторбейской, Мучанской, Перефильской и Гадалинской. Здесь был создан революционный штаб и восстановлены советы.

Еще шире развернул работу в деревне Красноярский комитет. В Минусинский,

³ Центрархив, 17-а, ч. 1-я, л. 330.

Канский, Ачинский и Енисейский уезды систематически высылались агитаторы и пропагандисты, которые устанавливали связь с уцелевшими товарищами и восстанавливали на местах подпольные комитеты и отряды. В декабре 1918 года открыто выступили крестьяне Степного Баджея и Перовской. Восстание в Степном Баджее было подготовлено местной подпольной большевистской организацией. Губернатор Енисейской губернии сообщал: «Активные элементы большевиков... начали стягиваться к отдельному пункту Красноярского уезда — Степному Баджею и там деятельно повели агитацию»¹. Красноярский комитет посылал в Баджей листовки, патроны, свинец, медикаменты и людей. Комитет помог также партизанам организовать военно-оружейные и пороховые мастерские, обеспечившие армию партизан необходимыми боеприпасами.

В состав Баджейского ревкома входили красноярские и канские рабочие-большевики. Движение шло под лозунгом восстановления советской власти. Первое столкновение баджейских партизан с белыми произошло в ночь на 20 декабря 1918 года вблизи Нарвы («нарвинский бой»). Белые были разбиты, оставив партизанам крупные трофеи.

После этой победы партизанские отряды все увеличивались, превращаясь в огромную армию. В январе 1919 года в Баджейской, Перовской, Тальской и Вершино-Рыбинской волостях состоялся первый крестьянский съезд, который избрал объединенный совет и провозгласил республику.

Для руководства армией были выбраны армейский совет и главнокомандующий, а также создан штаб. Возникли отделы социального обеспечения, народного образования и агитационно-редакторский. Последний широко развернул агитационную работу в тылу и в армии, организовал по деревням ряд советов, издавал газету «Крестьянская правда», листовки, прокламации и воззвания.

Крестьянское движение росло и в других местах. В Ачинском уезде, в деревне Лапшихе, Красноярский комитет создал подпольную группу в 60 человек, приступившую к организации партизанских отрядов. Управляющий Енисейской губернией докладывал: «В отдельных волостях Ачинского уезда идет деятельная агитация большевиков среди населения»².

На борьбу с колчаковщиной в двух только деревнях — Красновке и Нагорной — выступило около 200 партизан. Отсюда вооруженный отряд в 90 человек под коман-

дой тов. Щетинкина отправился в обход тайгой в деревню Конторину, где к повстанцам примкнуло население ряда ближайших деревень. В результате в тылу Колчака образовался фронт Конторина — Великокняжеское — Курбатovo — Журавлево.

«Правительство» Колчака стянуло к Ачинску крупные военные силы и артиллерию. Отряд был окружен. Тогда было решено во что бы то ни стало выбиться из окружения и пойти на соединение с баджейцами. Замысел удался. В марте 1919 года ачинские партизаны вместе с баджейскими образовали большой южно-канский фронт, который распространился по Южноканскому и Красноярскому уездам.

В это же время образовался северокаинский фронт. Это второй обширный район партизанского движения в Енисейской губернии, который охватил из 48 волостей Канского уезда 36. Центром движения стало село Тасеево, насчитывавшее 11 тысяч жителей.

В декабре Тасеевская подпольная большевистская организация, связавшись с подпольной организацией Канска, повела работу в направлении подготовки восстания. Сюда же был прислан небольшой отряд Енисейским комитетом. В январе 1919 года восстание было поднято. В Тасеево восстановилась советская власть. Был созван крестьянский съезд, который вынес решение: «Борьбу продолжать до полной победы, пока не будет восстановлена советская власть во всей Сибири». Революционный штаб усиленно готовился к обороне. Первый бой произошел в конце января 1919 года. Тасеевцы разбили колчаковцев, взяв много пленных, 40 винтовок и 50 тысяч патронов. В течение весны тасеевцы разбили несколько карательных отрядов. Один из командиров, разбитый тасеевцами, докладывал начальству, что «окопы у них до 4 линий, перед окопами вкопаны в снег бороны, так что подступ к ним невозможен. Полк просил связаться с высшими начальствующими лицами и получить химические снаряды, зажигательные гранаты и шрапнели по 1 тысяче штук и более»³.

В феврале 1919 года против тасеевцев была послана двухтысячная бригада атамана Красильникова, состоявшая наполовину из офицеров. В помощь им были даны 3-й Ставропольский и Оренбургский казачьи полки под командой Каппеля и Ромера. Всего стянуто было около 20 тысяч войск. Партизаны, силы которых равнялись 2 тысячам бойцов, организованно отступили в тайгу, откуда продолжали вести

¹ Архив Октябрьской революции, фонд 47, л. № МВД—33—29, л. 15.

² Там же, л. 17.

³ Якушин «Колчаковщина и интервенция в Сибири», стр. 80. 1928.

борьбу с колчаковскими войсками, оттягивая их с центрального фронта.

В борьбе с белогвардейщиной тасеевская партийная организация закалилась, окрепла и выросла. Во всех ротах, батальонах и в селах были созданы коммунистические ячейки. Члены партии являлись примером и образцом как в бою, так и в тылу. Авторитет партийной организации среди населения был исключительно высок. Когда колчаковское «правительство», заигрывая с повстанцами, попробовало было послать «мирную ноту», партизаны под руководством своей партийной организации в ответном письме на «ноту» решительно ответили, что ни о каких соглашениях не может быть и речи, так как освобождение трудящихся и рабочих от эксплуатации капиталистов и восстановление советской власти могут произойти «только через труп Колчака».

Тасеевское и баджейское восстания всколыхнули население и других волостей. Образовались фронты: шиткинский, кучеровский, ананский, асакинский и бурлюковский.

Связанные между собой, они все время согласованно действовали против колчаковских войск.

К марту 1919 года партизанское движение в Иркутской и Енисейской губерниях приняло размах широкого народного движения. Помощник губернатора Енисейской губернии Хруцкий, прося на чрезвычайном уездном земском собрании в Канске помощи от земства для борьбы с восставшими, указывал, что движение, начавшаяся на юговостоке, в 40 км. от Красноярска, «огихает Красноярский район с Севера и замыкается на Западе в Ачинском уезде на расстоянии 100 верст от города Красноярска»¹. Один из помощников колчаковского военного министра отмечал в своем дневнике: «В тылу разрастается восстания: т. к. их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь»².

Такова была обстановка в Восточной Сибири накануне 2-й всесибирской конференции. 2-я всесибирская конференция (или 3-я областная) собралась в Омске 20 марта 1919 года. На ней были представлены делегаты подпольных организаций Владивостока, Благовещенска, Верхнеудинска, Иркутска, Красноярска, Томска, Омска, Тюмени, Новониколаевска и Челябинска.

Конференция подвела итоги работы под-

польных организаций. Делегат из Владивостока сообщил о том огромной авторитете, которым пользуется партия большевиков. Была отмечена огромная работа, которую большевистские комитеты развернули в колчаковском подполье. «37 профсоюзов, объединяющих более 30 тысяч рабочих, находятся всецело под влиянием коммунистической партии»³. В Благовещенске подпольный комитет, главное внимание которого было направлено на руководство и организацию восстаний в самом городе и в Амурской области, сумел организовать в боевые отряды около 10 тысяч человек. Делегат из Красноярска рассказал конференции об энтузиазме рабочих и крестьян в их борьбе с колчаковщиной. Об огромной организационной и политической работе подпольных организаций против колчаковщины говорил ряд делегатов Иркутска, Верхнеудинска, Красноярска, Томска и других городов.

Конференция в своей работе уделила серьезное внимание вопросам руководства крестьянским движением. Было отмечено, что союз рабочего класса и крестьянства крепнет с каждым днем. Указывалось, что рабочие и крестьянские массы стихийно рвутся в бой и партийным комитетам «приходится употреблять меры, чтобы задержать стихийные частичные выступления»⁴. Конференция признала необходимым, чтобы каждое, даже отдельное выступление крестьянских масс проходило под руководством большевистских комитетов, так как крестьянство «в силу своей классовой природы не в состоянии установить какой-либо свой государственный порядок и самостоятельно захватить власть для себя»⁵. В резолюции было отмечено, что в лице рабочего класса крестьянство ищет себе союзника и руководителя и что этим союзником должен явиться пролетариат, ведущий «неуклонно революционную социалистическую войну... борющийся в данный момент в Сибири за свою диктатуру, за советскую власть»⁶. Исходя из этого анализа, конференция постановила, что сибирский пролетариат должен использовать все силы для борьбы с колчаковщиной и установления во всей Сибири советской власти. Это постановление имело решающее значение, так как момент всеобщего вооруженного восстания в Сибири назрел: партизанское движение к этому времени приняло невиданно широкий размах.

³ «Колчаковщина». Сборник Цетпарта при Уралобкоме ВКП(б), стр. 164. 1921.

⁴ Там же, стр. 168.

⁵ Там же, стр. 175.

⁶ Там же.

¹ Архив Октябрьской революции, фонд 147, л. № МВД—33—29, л. 10.

² Ротозин «Партизаны Степного Бурная», стр. 11. 1926.

Конференция, подводя итоги, наметила план разгрома колчаковщины в Сибири.

Весной 1919 года в Красноярском комитете развернулась работа по подготовке к конференции представителей фронтов и к крестьянской конференции. Проведены были районные партийные конференции. Конференцию губернскую провести не удалось. Начались провалы. Крупный провал имел место в подпольной организации железнодорожного района. Остальным членам комитета пришлось скрываться. Часть товарищей ушла в тайгу, к партизанам. В Красноярске для работы был оставлен один товарищ, которому были переданы все связи, явки, паспорта и другие документы.

В апреле 1919 года удалось провести первый крестьянский съезд повстанцев Канского, Красноярского и Ачинского уездов, заседавший 6 дней и обсуждавший ряд важнейших вопросов. По текущему моменту съезд отметил, что признает власть советов высшей властью, и постановил: «1) Выразить наше искреннее спасибо и послать приветствие нашей доблестной стойкой армии, 2) Продолжать до конца наше начатое дело освобождения, не останавливаясь ни перед какими жертвами, и 3) не вступать ни в какие соглашения с буржуазией и наемниками»¹.

В июле партизаны заняли Минусинск и станцию Тайшет. Империалистические интервенты, видя беспомощность колчаковских войск, послали для подавления крестьянского движения свои войска, которые в большом количестве были стянуты в Енисейскую губернию. Интервенты ни перед чем не останавливались в борьбе с крестьянами и применяли даже ишлучивые газы. В занятых ими районах учинялись массовые расправы над населением. Но это вызвало лишь еще более мощный подъем крестьянского движения. Партизанщина разгоралась с такой силой, что ее не могли подавить даже «доблестные» войска колчаковских союзников. Под Ачинском чешская дивизия была вдребезги разбита партизанами. Под Красноярском партизаны наголову разбили румынские и итальянские отряды. В ноябре Красная Армия заняла Омск, и белые в беспорядке стали откатываться на Восток.

К этому времени Красноярский комитет большевиков развернул работу по подготовке восстания в тылу у Колчака. Обстановка в Красноярске была напряженная. Распоряжения местной колчаковской власти никто не выполнял, армия и рабочие требовали установления советской власти.

Город был охвачен кольцом партизанского движения. Для спасения положения эсер Колосов, бывший член Учредительного собрания, и командующий войсками красноярского гарнизона Зиневич создали учреждение, названное ими «советом рабочих и солдатских депутатов». От имени этого фальсифицированного совета и его исполнительного комитета контрреволюция поместила сообщение в печати о том, что «в данное время совет не может в городе взять власть в свои руки»². Но этот маневр не удался: «детище» господ Колосовых было разоблачено. Видя неизбежную гибель, Колосовы и К^о попытались использовать последний трюк: связавшись по телеграфу с советским командованием, они просили разрешения созвать на 15 января 1920 года в Красноярске губернское земское собрание, которое и должно разрешить вопрос о государственном образе правления в Сибири. Большевистский комитет разоблачил меньшевистско-эсеровский маневр и, в свою очередь связавшись с 30-й дивизией Красной Армии, находившейся в Ачинске, сообщил о действительном положении в Красноярске.

В этот же день было проведено совещание подпольного комитета РКП(б). День восстания был назначен на 4 января 1920 года. В ночь с 3-го на 4-е был арестован штаб белой армии во главе с генералом Зиневичем и заняты все учреждения. Весь гарнизон перешел на сторону восставших. В Красноярске установилась советская власть.

Но вскоре стали поступать тревожные сведения о продвижении к Красноярску по линии железной дороги колчаковских войск под командой Каппеля и Пепеляева. Белые под командованием генерала Шерпантье, отступившие за два дня до восстания к деревне Базанке, вновь осмелели. Над Красноярском нависла угроза.

6 января 1920 года Красноярск был окружен. С Николаевской стороны и со стороны военного городка наступали каппелевские и пепеляевские войска, с Базанки начали наступать генерал Шерпантье и кавалерийские части. Но повстанцы нанесли колчаковцам сокрушительный удар. Через двое суток разбитые колчаковские армии в беспорядке должны были отступить от Красноярска, оставив повстанцам большие военные трофеи и множество пленных. 8 января в советский Красноярск вступила Красная Армия.

Разгром белых под Ачинском и Красноярском полностью определил судьбу колчаковщины. По существу, армии как таковой у Колчака уже не было: она в бес-

¹ Центрархив. «Партизанское движение в Сибири», стр. 141. 1925.

² Газета «Красноярский рабочий», орган РКП(б), № 16 от 29 января 1920 года.

Выступление Красной Армии в Иркутск в 1920 году.

Музей революции СССР.

порядке откатывалась на восток, в Иркутску, где ее встречали восставшие рабочие и крестьяне Иркутской губернии. Сюда же двигались колчаковское правительство и представители иностранных держав. В Лондон, Париж и Вашингтон полетели телеграммы с просьбой об отзыве войск из Сибири на родину. Подлые изменники, лакеи буржуазии, меньшевики и эсеры, все еще делали попытки удержать падающую «власть» Колчака, пытались заменить одного генерала другим. Организованное ими во Владивостоке восстание отряда генерала Гайды должно было дать нового правителя Сибири взамен Колчака и «учредилку» меньшевикам и эсерам. Под лозунгом «учредилки» меньшевики и эсеры организовали ряд авантюрных восстаний, окончившихся неудачей. Рабоче-крестьянские массы не поддержали никакой «учредилки». Тогда меньшевики и эсеры, опираясь на земство, думу трудовиков и главным образом на чехов, создали в Иркутске так называемый «Политцентр», под вывеской которого они еще раз пытались прогнать буржуазное правительство.

19 декабря 1919 года началось восстание на Черемховских конях, которое послужило толчком ко всеобщему восстанию Восточной Сибири. 24 декабря началось восстание в предместье Иркутска, в Глазково. Вскоре отсюда движение перекинулось на станции Батарейную и Иннокентьевскую. На 27 декабря было назначено восстание в самом Иркутске. К 5 часам на Тихвинскую площадь пришел особый отряд. Около 800 человек восставших с тремя пулеметами от-

ступили в рабочее предместье Знаменское, откуда и повели наступление на город.

Подавление восстания красных в Иркутске было возложено на генерала Сычева, который выступил против повстанцев со значительными силами, набранными из юнкеров, кадетского военного училища, оренбургского военного училища, егерских частей, из военных офицерских организаций и из оставшихся войск 54-го полка. В его распоряжении было 3 тысячи хорошо вооруженных солдат. Кроме того Семенов послал в помощь Сычеву японский полк и отряд под командованием генерала Скипетрова с 2 бронепоездами. 30 декабря семеновцы выгрузились на станции Михалево, в 30 верстах от Иркутска, и, поддерживаемые артиллерийским огнем, с бронепоездов повели наступление на Глазково. 31 декабря в предместье Глазково произошел бой, который длился весь день. И несмотря на то, что у повстанцев не было артиллерии, семеновцы под конец дня были разбиты и бежали под прикрытием артиллерийского огня своих бронепоездов.

Разгромив семеновцев, глазковские повстанцы вместе с представителями Иркутского комитета двинулись на помощь к повстанцам Знаменского предместья. К этому времени большевистский комитет развернул большую работу по подготовке выступления. Были вынуждены листовки, призывавшие рабочих энергично бороться с остатками колчаковских банд. На этот призыв откликнулось население ближайших деревень. День и ночь революционный штаб вооружал рабочих и крестьян, кото-

рые вливались в отряды восставших. В ночь на 31 декабря повстанцы захватили Иркутскую тюрьму и освободили 400 политзаключенных, которые включились в работу комитета. 250 человек из них организовались в отряд и двинулись на подступы Иркутска.

Генеральное наступление повстанцев началось после полученного из Черемховских коней и Глазкова подкрепления. 1 января восставшие пошли в наступление. Белогвардейцы были окружены. 4 января стала юнкерская школа Нюкса, и затем стали сдаваться и другие колчаковские части. В этот же день была занята гостиница, где находилось колчаковское «правительство», а затем — военное училище, пехотное училище и другие учреждения. 5 января 1920 года город окончательно был очищен от белогвардейцев, и повстанцы с красными знаменами вошли в Иркутск.

После разгрома Колчака меньшевики и эсеры из «Политцентра» не оставили мысли о самостоятельном отдельном иркутском государстве в форме «Временного Сибирского совета народного управления», распространяющемся на всю Сибирь. Они были поддержаны некоторыми «коммунистами», которые в момент переговоров «Политцентра» с Советской Россией заняли капитулянтскую позицию, добиваясь организации в Сибири меньшевистско-эсеровского буферного государства. Но из этой попытки ничего не вышло. В большевистский комитет и в газету «Сибирская правда» стали поступать протесты с требованием устранения «Политцентра». В Жигаловке, Балаганске, Черемхове и в других районах рабочие и крестьяне высказывались против «Политцентра», его представителей везде изгоняли. Иркутская организация РКП(б), используя благоприятную обстановку, провела в селах, на предприятиях и в армии широкую кампанию за выборы в советы рабочих и крестьянских депутатов, разоблачая одновременно контрреволюционную сущность меньшевистско-эсеровского «Политцентра».

15 января стали поступать сведения о движении отступающих каппелевских групп к Иркутску. Продвижение каппелевцев представляло для Иркутска большую опасность, потому что «Политцентр», претендующий на власть, никаких реальных мер к обороне города не принимал. Не были сменены офицеры, явно настроенные в пользу Колчака, не была реорганизована армия, остались безнаказанными каратели. Вместо подготовки к встрече врага «Политцентр» занялся переговорами с каппе-

левцами, добиваясь заключения соглашения с ними. Эта политика явно разоблачила предательскую сущность «Политцентра» и еще раз показала массам, что он стоит на позициях продолжения колчаковской политики.

Иркутский комитет РКП(б) 20 января создал ревком и принял решение об устранении «Политцентра» от власти. 21 января 1920 года вся полнота власти перешла к большевистскому ревкому. Быстро были реорганизованы военные силы. В город ввели партизанские отряды Зверева и Калашдарашвили. Все наличные вооруженные силы были сведены в одну бригаду под командованием Зверева.

Иркутский комитет РКП(б) и ревком призвали трудящихся вступить в ряды защитников Иркутска. Одновременно выступил воззвание к населению совет рабочих и крестьянских депутатов. В ответ на этот призыв рабочие и крестьяне дали 2 тысячи бойцов. Большая агитационная работа была развернута также среди войск противника.

Каппелевские войска быстро приближались к Иркутску. 4 февраля они заняли предместья города. Сразу же ожили контрреволюционные организации: появились прокламации и портреты Колчака, были обнаружены тайные склады оружия.

5 февраля начались жестокие бои, продолжавшиеся 6 и 7 февраля. 10 февраля красные перешли в наступление, выбили противника из военного городка и заняли Иннокентьевскую. В боях под Олонками каппелевцы были разбиты и под охраной чешских войск, преследуемых нашими частями, бежали за Байкал. Бои с каппелевцами за Иркутск решили судьбу адмирала Колчака, который вместе с Пепелевым и с палачом Тян Чен-фаном 7 февраля был расстрелян.

7 марта 1920 года Иркутск торжественно встречал непобедимую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Одним из условий победы Красной Армии над внешними и внутренними силами контрреволюции, в том числе и колчаковщиной, явилось то, как указывает История ВКП(б), «что в тылу белогвардейских армий, в тылу Колчака, Деникина, Краснова, Врангеля орудовали в полном смысле замечательные большевики, партийные и непартийные, которые подымали на восстание рабочих и крестьян против интервентов, против белогвардейцев, подрывали тылы врагов Советской власти и, тем самым, облегчали продвижение Красной Армии...»¹.

¹ «История ВКП(б)», стр. 235.

ПОДГОТОВКА ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ И ЗАГОВОР ЛОККАРТА. 1918 ГОД

1

31 августа 1918 года, на другой день после покушения на Ленина и убийства Урицкого, органами ВЧК было раскрыто одно из главных шпионско-диверсионных гнезд, куда вели пяти многочисленных заговоров против советской власти. Был арестован один из активнейших организаторов контрреволюционных шпионских банд — английский разведчик Локкарт.

«Правда» в день двадцатилетия ВЧК следующими словами охарактеризовала этот заговор:

«ВЧК во главе с товарищем Дзержинским раскрыла и ликвидировала в 1918 г. крупнейший по своим размерам заговор английского разведчика Локкарта, который по существу был заговором всех разведок мирового империализма. Планы заговора обсуждались на совещаниях иностранных дипломатов. Заговорщики ставили себе целью в контакте с Троцким и его бухаринским охвостом сорвать мирную передышку, сорвать Брестский мир. Они готовили провокационное восстание воинских частей, арест всего состава ВЦИК, убийство Ленина. Подкупом и провокациями заговорщики хотели открыть дорогу на Москву английскому экспедиционному корпусу в Архангельске.

Восстание чехословаков, военные мятежи контрреволюционной организации савинковского «Союза защиты родины и свободы» в Ярославле, Муроме, Рыбинске, контрреволюционный мятеж «левых» эсеров, убийство Урицкого и Володарского, покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина — все это составные части заговора Локкарта и его сообщников»¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции империалисты всех стран положили немало усилий на то, чтобы ни-

спровергнуть советскую власть. Товарищ Сталин указывал, что западный империализм не мог помириться «с потерей такой мощной опоры на Востоке и такого богатого резервуара сил и средств, как старая, царская, буржуазная Россия». Он не мог помириться с этим, «не испытав всех своих сил для того, чтобы повести смертельную борьбу с революцией в России»².

В борьбе с советской властью объединились все контрреволюционные силы. Установился единый фронт — начиная от шпионов английской и иных разведок, кончая эсерами, меньшевиками, троцкистами, бухаринцами.

У троцких и у бухаринских была та же цель, что и у Локкартов, — восстановить капитализм в России. Они выполняли задание русской и международной буржуазии.

Последний процесс антисоветского «право-троцкистского блока» (1938 год) помог раскрыть чудовищную картину преступлений этих бандитов. Следствием было установлено, что уже в 1918 году, сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, в период заключения брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В. И. Ленина как главы советского правительства.

«Бухарин и другие заговорщики, — говорилось в обвинительном заключении, — имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина, И. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, для маскировки называвших себя «левыми коммунистами», троцкистов и «левых» эсеров»³. Все это делалось при явной и тайной поддержке иностранных разведчиков и шпионов и было составной частью заговора против Страны советов. Таким путем готовилась интервенция Антанты.

Роль троцкистов и бухаринцев в брестский период заключалась в том, чтобы под прикрытием «левых» фраз о революционной войне втянуть Советскую Россию в борьбу с германскими империалистами, сорвать необходимую для нее передышку. Эта предательская тактика была полностью согласована с такими «дипломатами», как Локкарт и ему подобные. Именно о Локкарте писал другой «союзнический» дипломат, посол США в России Френсис, что он яв-

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 5.

³ См. «Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока» 2—13 марта 1938 г. Обвинительное заключение.

¹ «Правда» от 20 декабря 1937 года. (Подчеркнуто мною.—Г. Р.).

ляется сторонником союзнической интервенции при всяких условиях.

Вначале империалисты всех стран, в частности Антанты, возлагали большие надежды на свои войска в деле скорейшей ликвидации советской власти.

На VII всероссийском съезде советов Ленин говорил, что «первым этапом, естественно более доступным и более легким для Антанты, была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск»¹.

Свое наступление Антанта, как известно, начала с северных районов Советской республики (Мурманск, Архангельск) ввиду их относительной близости к революционным центрам страны — Петрограду и Москве. Уже 9 марта 1918 года англичане высадили первый десант в Мурманске. На рейде к 18 марта находились английские крейсера «Глори» и «Кокрен» и французский крейсер «Адмирал Об» (к июлю 1918 года в войсках интервентов насчитывалось до 10 тысяч человек).

«Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причем войной худшего типа. Тайно, воровским образом, подкралась эта «цивилизаторная» разбойничья и высадила свои войска на территорию России»², — отмечает «История ВКП(б)».

Появлению интервентов способствовало тогдашнее предательское руководство мурманского совета, получившее полное одобрение своей деятельности со стороны Нулы-Троцкого.

1 марта 1918 года Троцкий послал директиву руководителям мурманского совета о том, что они «обязаны принять всякое содействие союзных миссий». Как указывает по этому поводу американец В. Хард, «сотрудничество (с «союзниками», — Г. Р.) в Мурманске было санкционировано Троцким»³. На другой же день мурманский совет заключил так называемое «словесное соглашение» с представителями «союзного» командования. В результате этого соглашения вся власть в Мурманском районе перешла фактически в руки антантовских генералов.

Во время разговора по прямому проводу Ленина и Сталина с председателем мурманского совета Юрьевым товарищ Сталин, резко критикуя предательскую тактику мурманского совета, совершенно точно предсказал на основании сложившегося положения последующий ход событий: «Нали-

чие своих войск в Мурманском районе и оказанную Мурману фактическую поддержку англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры, как основание для оккупации»⁴.

И действительно: интервенты высадили затем свои войска не только на Севере, но и на Дальнем Востоке.

5 апреля 1918 года в результате провокационного убийства двух японцев во Владивостоке были высажены первые десанты японских и английских войск. В правительственном сообщении РСФСР от 5 апреля 1918 года по поводу японского десанта прямо и резко ставился вопрос о том, что «буржуазная Япония выступает как смертельный враг Советской Республики»⁵.

Интересно отметить, что Черчилль в своих воспоминаниях прямо указывает на полное сочувствие Троцкого планам союзнической интервенции. Он пишет: «Троцкий сообщил Локкарту, нашему представителю в Москве, что он не возражает против вступления в Россию японских сил для противодействия германскому натиску, если только в этом выступлении будут участвовать союзники и дадут со своей стороны некоторые гарантии»⁶.

В своих мемуарах английский шпион Локкарт подтверждает, что в этот период ему «удалось заручиться расположением Троцкого...»⁷.

Трудное время переживала тогда Советская республика. Полчища германского и австро-венгерского империализма хозяйничали на Украине, расхищая ее богатства. Германские и турецкие войска, с одной стороны, и английские — с другой, стремились захватить Баку. В конце мая 1918 года по прямому заданию французского генерального штаба и других «союзников» выступили против советской власти обманутые своими руководителями чехословацкие войска.

«На средней Волге и в Сибири пропска-ми англо-французов был организован мятеж чехословацкого корпуса... он был использован по пути эсерами и англо-французами для мятежа против Советской власти»⁸.

Чехословацкие эшелоны (свыше 40 тысяч человек), растянувшиеся от Пензы до

⁴ Цит. по приложениям к книге Ворошилова «Сталин и Красная Армия», стр. 166. 1937.

⁵ «Известия» от 6 апреля 1918 года.

⁶ В. Черчилль «Мировой кризис», стр. 51.

⁷ R. H. B. Lockhart «Memoirs of a British agent», стр. 272. 1932.

⁸ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 217.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 592.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 217.

³ W. Hard «Raymond Robins own story», стр. 260.

Владивостока, устанавливали в этих районах власть контрреволюции. Ленин писал по этому поводу: «Из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контр-революционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь с той стороны, с которой не все ожидали и не все ясно сознавали, и она слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию»¹.

В целях более успешной борьбы с Советской Россией интервенты действовали не только открытой, вооруженной силой, но и занимались организацией контрреволюционных заговоров внутри страны. При содействии официальных и неофициальных агентов империализма были созданы многочисленные контрреволюционные организации из монархистов, кадетов, эсеров, меньшевиков и, как показал последний процесс антисоветского «право-троцкистского блока», троцкистов и так называемых «левых коммунистов» с Бухариным во главе. Ленин говорил в своей речи 30 августа 1918 года, что «подлое дело русских капиталистов и помещиков, по существу продолжавших политику свергнутого народом царя, — прикрывали меньшевики и эсеры, выступавшие, как социалисты, а на деле продававшие социализм в угоду англо-французской бирже»².

20 июня 1918 года правыми эсерами был убит Володарский.

6 июля в Москве произошел с ведома и согласия Бухарина и Троцкого контрреволюционный «лево»-эсеровский мятеж.

В 1924 г. на суде один из активнейших организаторов контрреволюционных банд, эсер Б. Савинков, признался, что французы знали о том, что «левые» эсеры выступают, и стремились приурочить их мятеж к ярославскому восстанию³. «Мятеж «левых» эсеров, — читаем мы в «Истории ВКП(б)», —...являлся частью общего плана контрреволюционного заговора бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров против Советской власти»⁴.

«Левый эсер, — указывал Ленин, — усиленно подчеркивающий, что он левый, скрывающийся за революционной фразой, а на деле восстающий против советской власти, — такой же наймит ярославских белогвардейцев, вот что он перед историей и революционной борьбой!»⁵.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 160.

² Там же, стр. 200.

³ «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР», стр. 63. 1922.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 213.

Контрреволюционными восстаниями предполагалось охватить не только север России, но и верхнее и среднее течение Волги, чтобы наступать оттуда на Москву. Не случайно в связи с этим «союзные» послы переехали в конце февраля 1918 года в Вологду, куда стали стягиваться многочисленные нити контрреволюционной, антисоветской деятельности.

Б. Савинков рассказывал на суде, что французы в лице консула Гренара и генерала Лаверна, который действовал от имени ярого врага советской власти французского посла Нуланса, заявили ему о том, что якобы для «продолжения войны с Германией на русском фронте» (а в действительности для свержения советской власти) предполагалось еще в июле высадить англо-французский десант в Архангельске. Этот десант должен был поддержать вооруженное выступление изнутри. В план интервентов входило занять Верхнюю Волгу, с тем чтобы затем двигаться на Москву.

Сотрудник французской военной миссии Паскаль рассказывал в качестве свидетеля на процессе правых эсеров в 1922 году, что Нуланс со времени переезда в Вологду стоял во главе контрреволюционных сил. На окраинах французская военная миссия создавала базы на случай предполагаемых выступлений. Так например в Мурманск и Архангельск посылались через Вологду и другие города небольшими партиями белые офицеры, чехи, поляки, сербы и пр.

Ленин указывал, что как раз лето 1918 года совпало с громадным заговором в Ярославле, организованным Нулансом, который подговорил Савинкова выступить, гарантируя ему помощь.

По плану заговорщиков, белогвардейцы должны были захватить Ярославль, Рыбинск, Муром, Кострому и ряд других городов. Контрреволюционное савинковское восстание было приурочено к моменту «лево»-эсеровского мятежа.

В результате ярославского восстания 6—22 июля 1918 года город подвергся сильному разрушению, сильно пострадало также и население, среди которого насчитывалось большое количество убитых и раненых.

В начале восстания белыми были расстреляны окружной военный комиссар С. Нахимсон, председатель горисполкома Закгейм и ряд других товарищей.

О цели ярославского восстания Дзержинский говорил: «Здесь мы видим, как в зеркале, излюбленную мечту кадетов, меньшевиков, бело-эсеров — об установлении «Волжского фронта», на юге опирающегося на чехословацкие банды, на севере — на

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 163.

англо-французов, а середину должна была заполнить «Северная добровольческая армия», которая путем восстания должна была занять этот район Северной и Центральной России и соединиться с обоими флангами западноевропейских захватчиков»¹.

Благодаря помощи, присланной из центра, местным рабочим удалось, однако, разбить чреватый опасностями план интервентов и белогвардейцев: Ярославль остался советским.

В июле—августе 1918 года усиливается интервенция на Севере и на Дальнем Востоке. Так, 6 июля 1918 года была подписана представителями «союзного» командования во Владивостоке совместная декларация, в которой говорилось, что город и его окрестности берутся под охрану союзных держав.

2 августа 1918 года японское правительство издало декларацию, в которой указывало, что оно, «движимое чувством искренней дружбы к русскому народу» и «стремясь к согласованию своих действий с желаниями американского правительства, а также союзников, решило приступить незамедлительно к выделению соответствующих сил для предположенной цели. Некоторое количество этих войск вслед за сям посылается во Владивосток»².

2 августа 1918 г. интервенты совместно с белогвардейцами захватили Архангельск.

Давая оценку этому периоду, Ленин писал: «Внешний враг российской советской социалистической республики, это—в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся... до Никольска-Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем однако отличием, что англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение советской власти для «восстановления фронта», т. е. для вовлечения России опять в империалистскую (проще говоря: разбойничью) войну Англии с Германией»³.

Интервенты рассчитывали путем одновременной организации контрреволюционных выступлений внутри страны и высадки десантов в различных пунктах: на Севере, на Востоке, на Юге — создать ус-

ловия, которые приведут к падению советской власти.

«Англо-японские капиталистические хищники, — указывал далее, Ленин, — идя в поход на мирную Россию, рассчитывают еще на свой союз с внутренним врагом советской власти. Мы знаем хорошо, кто этот внутренний враг. Это — капиталисты, помещики, кулаки, их сынки, ненавидящие власть рабочих и трудовых крестьян, крестьян не пьющих крови своих односельчан»⁴.

2

Многочисленные контрреволюционные организации были созданы и могли существовать только благодаря прямой поддержке со стороны представителей «союзников».

«Условия борьбы с Советской властью диктовали объединение обеих антисоветских сил, иностранной и внутренней. И это объединение сложилось в первой половине 1918 года»⁵.

Необходимость объединения диктовалась тем, что у белогвардейцев не хватало денег и вооружения, а у иностранных империалистов были затруднения с военной силой «не только потому, что эти силы нужны были для войны с Германией и Австрией, но и потому, что они могли оказаться не вполне надежными для борьбы с Советской властью»⁶.

Приблизительно в феврале 1918 года в Москве организовался монархический «правый центр», в который входили крупные представители торгово-промышленного мира, кадеты (Астров, Морозов, Щепкин, Турко и др.). Представители «правого центра» вели переговоры одновременно и с немцами и с «союзниками». Французы предлагали, например, «правому центру» известную сумму денег, с тем чтобы «правый центр» согласовывал свою политику с политикой Антанты.

Белогвардейцам же было в конце концов безразлично, кому продать родину, лишь бы вести борьбу с большевиками!

В марте 1918 года возникла также подпольная офицерская организация «Союз защиты родины и свободы», во главе которой стоял Б. Савинков. Организация эта была тесно связана с «союзническими» кругами, с «национальным центром» и отовсюду получала деньги.

В июне часть «правого центра», державшаяся «союзнической» ориентации, создала так называемый «национальный центр»⁷. Этот центр, руководимый каде-

¹ «Известия» от 22 августа 1918 года.

² «Японский ежегодник» (на английском языке) за 1921—1922 год, стр. 794.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 205.

⁴ Там же, стр. 206.

⁵ «История ВКП(б)», стр. 216.

⁶ Там же.

⁷ «Правый центр» в августе распался.

там, был тесно связан с белогвардейскими генералами Алексеевым и Деникиным. В программу «национального центра» входило: 1) свержение советской власти; 2) установление единоличной диктатуры; 3) «твердый порядок» и искоренение большевизма; 4) продолжение войны с Германией. Савинков показывал во время судебного разбирательства, что французы давали деньги и эсерам и «национальному центру». Они не только поддерживали эти группы, но и всячески подстрекали их к борьбе против советской власти¹.

Один из арестованных участников «Союза защиты родины и свободы», штаб-капитан Пинка, рассказывал, что эта организация получала пособия и от англичан и от французов. Англичане, например, финансировали контрреволюционные организации через некоего присяжного поверенного Виленкина, который служил юрисконсультом в английском посольстве и одновременно состоял казначеем «Союза защиты родины и свободы».

В апреле—мае 1918 года в Москве и в Петрограде была создана при прямой поддержке «союзников» эсеров-кадетская военная организация «Союз возрождения». Эта контрреволюционная организация возникла, согласно сообщению одного из ее участников, как персональное объединение членов партии эсеров, народных социалистов, группы «Единство», меньшевиков, кадетов и беспартийных. Среди членов «Союза возрождения» были такие фигуры, как А. Авксентьев, А. Аргунов, Н. Астров, Н. Чайковский, С. Маслов, В. Болдырев и др. «Союз возрождения» ставил своей официальной задачей восстановить в контакте с «союзниками» «восточный фронт» для продолжения войны с Германией, а на деле направлял все свои силы к свержению советской власти². Связь с партией эсеров французская миссия поддерживала через Эрлиха, который в свою очередь держал связь с эсеровскими руководителями Черновым и Тимофеевым.

Регулярный характер носила связь с представителями «союзников» у бюро эсеровской фракции Учредительного собрания. Сношениями ведали Бунаков и Авксентьев. «Союзники» охотно финансировали контрреволюционную работу эсеров. Так например в Вологде военная организация эсеров получила деньги от представителя английской миссии Геллеспи³.

В июле 1918 года, по указанию «союзников», «Союз возрождения» объединился с «национальным центром». Обе эти орга-

низации рассчитывали осуществить задачу «воссоединения и защиты России» в тесном согласии с «союзниками».

Локкарт, который пытается замазать в вышеупомянутых им мемуарах свое активное участие в организации и финансировании указанных контрреволюционных групп, тем не менее признает, что через Хигса он расширил свои связи с антибольшевистскими силами. Как далее разъясняет Локкарт, речь шла о «национальном центре» и «Союзе возрождения России». Эти организации, по компетентному заявлению Локкарта, «хотели союзнической помощи и союзнических денег»⁴.

Отделения этих контрреволюционных организаций были созданы в ряде городов; повсюду имелись шпионско-диверсантские гнезда, созданных интервентами. В разных местах развивали подозрительную деятельность «консулы» и военные представители «союзников», устанавливавшие связи и снабжавшие деньгами местные контрреволюционные группы. В Вологде находился французский поручик Ренар, в Званке — поручик Барре, в Петрозаводске — капитан Фуассен, в Самаре — Жанно и т. д. В результате их деятельности в целом ряде мест имели место поджоги, взрывы складов, крушения поездов и т. д. На процессе правых эсеров один из подсудимых показывал, что подрывной материал они получали от французской военной миссии.

Так, Жак Садуль⁵, сотрудник французской военной миссии в 1918 году, теперь член французской компартии, в своих записках указывал: «Нет ни одного пленного белогвардейца, ни одного арестованного контрреволюционера, у которых бы не было обнаружено англо-французское золото, документы, устанавливающие их сотрудничество с нашими агентами...»⁶.

Оценку поведения всей этой своры дал в одном из своих выступлений Ленин. «Мы прекрасно знаем, — писал он, — что кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистскими державами, по части заключения грабительских дого-

⁴ Локкарт. Цит. соч., стр. 291.

⁵ Жак Садуль был прикомандирован в качестве офицера французской армии в годы войны к французской военной миссии в России. Героическая борьба народных масс молодой Советской республикой и замечательное руководство ими партией большевиков произвели на него настолько сильное впечатление, что несмотря на предвзятость, созданную клеветнической буржуазной прессой, он стал глубоко убежденным коммунистом и пламенным защитником Октябрьской революции.

⁶ Capitaine Jacques Sadoul «Notes sur la Révolution Bolchevique», стр. 251. 1918.

¹ См. «Дело Бориса Савинкова», стр. 61.

² См. некоторые подробности в заключении по делу партии социалистов-революционеров, стр. 18—21. М. 1922.

³ Там же, стр. 18 и 73.

воров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд... Союз меньшевиков, правых эсеров с чехословаками достаточно для этого показателен. И выступление левых эсеров, которые вздумали втягивать в войну ради интересов ярославских белогвардейцев Российскую Республику, достаточно ясно показывает, что, когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»¹.

3

В своей антисоветской, контрреволюционной деятельности «союзные» представители выдвигали в числе других план организации военного переворота и ареста советского правительства.

Но благодаря бдительности органов ВЧК чудовищный план заговорщиков был раскрыт. 3 сентября 1918 года ВЧК опубликовала в центральной прессе сообщение о раскрытии заговора дипломатических и военных представителей иностранных держав, направленного на организацию восстания в Москве и захвата Совнаркома. В этом сообщении говорилось:

«Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией уже некоторое время тому назад установила попытки английского дипломатического представительства в России войти в связь с некоторыми частями войск Советской Республики для организации захвата Совета Народных Комиссаров и главнейших опорных пунктов в Москве»².

Заговорщики готовили покушение на Ленина. В своих мемуарах Локкарт отрицает свое участие в этом покушении, хотя и признает, что «покушение на Ленина могло явиться косвенным результатом союзнической интервенции»³.

В свою очередь, как ясно было сказано в приговоре по делу антисоветского «правотропкистского центра» (март 1938 г.), «установлено, что совершенное эсеркою Каплан 30 августа 1918 года покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным и их сообщников «левых» и правых эсеров»⁴.

Заговорщики обсуждали вопрос о возможности организации в Москве восстания в связи с выступлением англичан на Мурмане. Обсуждался также вопрос о возможности направления в Вологду войсковых

частей, которые бы изменническим путем передали Вологду англичанам. По предложению Локкарта, дальнейшие переговоры с представителем одной из войсковых частей, на которую они возлагали свои надежды и которую они пытались спровоцировать, должен был вести английский разведчик лейтенант Сидней Рейли, имевший конспиративные клички «Рейс» и «Константиин».

Контрреволюционный переворот в Москве предполагалось произвести в 10-х числах сентября 1918 г. Намечалось занять одновременно Государственный банк, Центральную телефонную станцию и телеграф и ввести военную диктатуру с запрещением под страхом смертной казни каких бы то ни было собраний впредь до прибытия английской военной власти.

Заговорщики подробно разработали план организации власти на другой день после переворота. Предполагалось установление диктатуры из трех лиц. Намечены были специальные комитеты в войсковых частях и т. д.

Обсуждался также вопрос об устройстве с помощью представителей высшего духовенства всенародных молебствий и церковных проповедей в защиту переворота»⁵.

Одновременно с указанными совещаниями происходили совещания у дипломатических представителей различных «союзных» держав относительно мероприятий, которые могли бы обострить внутреннее положение России и ослабить тем самым борьбу советской власти с интервентами.

Заговорщики действовали всевозможными методами, создав широко разбросанную конспиративную сеть по всей России, тратя на это громадные суммы денег.

Как выяснилось, ближайшей задачей агентов Антанты, которые были рассыпаны по всем городам Советской России и проживали по подложным документам, было обострение продовольственных затруднений, в частности в Петрограде и Москве. Разрабатывались также планы взрывов на железных дорогах в целях задержки подвоза продовольствия, поджогов продовольственных складов.

Во время следствия выяснилось, что у англо-французских заговорщиков была широко разработана система шпионажа во всех комиссариатах, что подтвердилось последующими обысками, при которых был найден ряд секретных донесений с восточного фронта. Арестованные в связи с этим офицеры показали, что они передавали в руки «союзников» секретные сведения о передвижении советских войск и различные тайные сведения о внутреннем положении России.

⁵ См. подробности в «Правде» от 3 сентября 1918 года.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 158.

² «Правда» от 3 сентября 1918 года.

³ Локкарт. Цит. соч., стр. 319.

⁴ См. цитируемый выше «Судебный отчет», стр. 382.

«Несмотря на то, что опрошенный начальник британской миссии Локкарт пытался отрицать указанные выше факты, в руках ВЧК имеются неопровержимые документы, которые указывают, что почти всего этого заговора находится именно в руках британской миссии, причем ближайшие причастные к этому делу имели французский генеральный консул Гренар, французский генерал Лавернь и ряд других французских и английских офицеров»¹.

Корреспондент французских газет «Фигаро» и «Пти паризьен» в Советской России Рене Маршан сообщал об имевшем место в конце августа 1918 года специальном совещании в американском генеральном консульстве, на котором в присутствии официальных представителей США и Франции, генеральных консулов Пула и Гренара, упомянутый выше английский разведчик, лейтенант Рейли, детально изложил проект устройства взрыва железнодорожного моста через реку Волхов, возле станции Званка, неподалеку от Петрограда. На этом совещании Рейли совершенно хладнокровно констатировал, что разрушение этого моста лишило бы Петроград великого сообщения не только с Севером, но и с Востоком через Вологду—Вятку.

Рейли в заключении откровенно признал, что взрыв моста мог иметь непосредственным результатом наступление полного голода в Петрограде².

Локкарт в своих мемуарах довольно скупо говорит о том, что Маршан «доставил большевикам полные доказательства о совещании союзников в американском генеральном консульстве. На этом совещании союзнические представители обсуждали такие мероприятия, как взрыв железнодорожных мостов и изолирование Москвы и Петербурга от источников продовольственного снабжения»³.

В своих мемуарах Локкарт не отрицает своих переговоров с представителем указанной выше воинской части.

Не случайно после своего ареста Локкарт постарался уничтожить записную книжку, которая содержала в зашифрованном виде записи израсходованных им денежных сумм. На квартире у него в пишущей машинке нашли лист бумаги, на котором было написано: «Настоящим удостоверяю, что

фирма... кредитоспособна на сумму...»⁴ (текст остался незаконченным).

Локкарт признает в своих мемуарах наличие регулярной связи якобы только «для информации» с белогвардейскими, контрреволюционными организациями, а также тот факт, что в течение августа его усилия были сосредоточены «на оказании финансовой помощи тем русским, которые поддерживали нас»⁵.

4 сентября «Правда» писала по поводу раскрытия заговора Локкарта: «...бесчисленные заговоры, полные убийства из-за угла, подлоги, словом, соединенное действие яда, капитала, воровской отмычки и револьвера — все эти приемы дипломатических распутников и распутных дипломатов, оценивающих человеческую жизнь в долларах, франках и шиллингах, нам придется испытать еще не раз. Но и эти приемы, хотя бы и освященные патриаршим благословением, не дадут желанного результата, если русский пролетариат окажется достаточно энергичным, достаточно решительным, достаточно бесновщадным по отношению к своим врагам.

Невидимому, эти гарантии у нас есть. Убийство Урицкого и покушение на Великого вождя международной революции, на «нашего Ильича», не только не посеяли паники, а еще более сплотили пролетарские ряды. Разбойничий заговор... англо-французской дипломатической кухни и их вороватых агентов вызывает вместе с отпором белогвардейским убийцам настоящий новый подъем революционной энергии масс. Английский империализм роет яму советской республике. Мы знаем, что в эту яму он попадет сам...»⁶.

Дальнейшее следствие по делу Локкарта установило также, что арестованный иностранный подданный Коломатьяно, живший под подложной фамилией Серповского, вместе с Рейли и французским офицером Вартамоном, или Апри⁷, должны были после отъезда «союзных» послов из Советской России практически руководить взрывами мостов, складов, продовольственных маршрутных поездов, вооруженными выступлениями⁸.

В приговоре Революционного трибунала по делу Локкарта было указано, что «Локкарт, Гренар, Рейли и Вартамон признаны врагами трудящегося народа, стоящими вне

¹ «Правда» от 3 сентября 1918 года.

² R. Marchand «Pourquoi je ne suis rallié à la formule de la Révolution Sociale», стр. 55 и 56. 1919.

³ Локкарт. Цит. соч., стр. 334. Письмо Рене Маршана, адресованное Клемансо и попавшее в руки ВЧК при обыске. См. «Известия» от 24 сентября 1918 года.

⁴ Там же, стр. 344.

⁵ Там же, стр. 264 и 312.

⁶ «Правда» от 4 сентября 1918 года.

⁷ О переговорах по поводу подрывной работы правого эсера Тимофеева с этим шпионом, см. «Процесс правых эсеров», стр. 67. «Красная новь», 1922.

⁸ См. «Правду» от 29 сентября 1918 года.

закона. При обнаружении их на территории Советской республики они должны быть задержаны и по установлении личности расстреляны...»¹.

Благодаря бдительности ВЧК, руководимой тов. Дзержвинским, контрреволюционные, шпионские гнезда были своевременно раскрыты и разгромлены. На наступление врагов советская власть ответила красным террором. Рабочие и крестьяне полностью поддержали политику партии и правительства.

Товарищ Сталин говорил по поводу деятельности ВЧК: «Этот орган был создан на другой день после Октябрьской революции, после того, как обнаружили всякие заговорщические, террористические и шпионские организации, финансируемые русскими и иностранными капиталистами. Этот орган развился и окреп после ряда террористических актов против деятелей Советской власти, после убийства т. Урицкого, члена Революционного Комитета в Ленинграде (он был убит эсером), после убийства тов. Володарского, члена Революционного Комитета в Ленинграде (он был убит тоже эсером), после покушения на жизнь Ленина (он был ранен членом партии эсеров). Надо признать, что ГПУ наносил тогда удары врагам революции метко и без промаха»².

* * *

Существование на одной шестой части мира социалистического государства не дает покоя империалистическим заправителям в настоящее время. Капиталистические государства продолжают засылать к нам шпионов и диверсантов. Товарищ Сталин указывал: «Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою

сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстоит дело и в прошлом... Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к другим буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств?.. Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?»³.

Советский народ под руководством партии Ленина—Сталина разгромил за последнее время многочисленные контрреволюционные и шпионские гнезда.

Двадцать второй год существует Советское государство в капиталистическом окружении. Под руководством товарища Сталина социалистическое государство отражало все удары и разрушало все проделки врагов социализма. Необходимо, как указывал товарищ Сталин, быть максимально бдительным, уметь раскрывать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы, и для этого в первую очередь ликвидировать политическую беспечность. «Когда мы разделаемся с этой идущей болезнью, мы сможем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом»⁴.

³ И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., стр. 10—11. Партиздат, 1937.

⁴ Там же, стр. 30.

¹ «Правда» от 4 декабря 1918 года.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 312. 9-е изд.

★ ★ ★

ИРАН ПРИ САСАНИДАХ

1

Иранское плоскогорье, расположенное между Каспийским морем, Средней Азией на севере, Аравийским морем, Персидским заливом на юге, низменностями реки Инда на востоке, Месопотамией на югозападе, с глубокой древности было населено народами, о многих из которых мы знаем лишь по весьма скудным археологическим и лингвистическим данным. Культура этих древнейших народов легла в основу культуры первых иранских государств Индии (700—558 годы до нашей эры) и государства царей Ахеменидов (558—330 годы до нашей эры).

Столкновение с греческим миром закончилось падением государства Ахеменидов: после длительной и ожесточенной борьбы оно было завоевано одним из величайших полководцев древности — Александром Македонским. Созданная Александром огромная империя вскоре после его смерти (323 год до нашей эры) распалась на ряд государств, во главе которых стали его преемники, так называемые диадохи. В руках одного из них — Селевка, прозванного Никатором (победителем), — сосредоточилась значительная часть завоеваний Александра. Селевк и его ближайший наследник владели пространствами земель от Сирии, Финикии, Малой Азии на западе до реки Инда на востоке. Сирия была центром селевкидского государства, все остальные страны, в том числе и Иран — провинциями этого государства. Но уже во второй половине III века до нашей эры от Селевкидов отпали почти весь восточный Иран и Средняя Азия, где возникли Греко-Бактрийское и Парфянское царства.

Греко-Бактрийское царство составилось из областей Бактрии (с главным городом Бактра—Балх), Согдиана (с главным городом Мораканда—Самарканд), Маргиана (на месте современного Мерва) и было возглавлено греческой династией наместников Селевкидов. В цветущий период своего существования оно простирало свои владения до реки Инда (захватывая часть современного Афганистана). Нашествие кочевых племен, известных под названием

шохары, или кушаны, в 135 году до нашей эры уничтожило власть греко-бактрийских царей на значительном пространстве земель, находившихся ранее в их подчинении. Вытесненные из пределов Средней Азии и Афганистана, греко-бактрийские цари в качестве династии просуществовали еще с полсотни лет на берегах реки Инда, где прославились как приверженцы буддизма.

О происхождении и о времени правления парфянской династии мы располагаем отрывочными сведениями. Как показывают некоторые исследования, слово «Парфия» звучало раньше как Партана (откуда Партлава — Пехлеви, — название среднеперсидского языка) и, по видимому, представляло разновидность слова Фарс, Парс (откуда перс. персидский). Царь из династии Ахеменидов—Дарий—упоминает о Парфии в нескольких папирусах, перечисляющих названия подчиненных ему областей. Иранское происхождение племени парфян, считавшееся спорным в XIX веке, сейчас не подвергается сомнению. Вышедшая из парфянского племени династия носит и второе название — династии Аршакидов, от имени основателя династии Аршака Великого, которого Моисей Хоренский называет «царем парсийским и парфянским, парфянин родом».

В первое время господство парфянской, или аршакидской, династии ограничивалось юговосточными областями Каспийского моря. Лишь в конце II века до нашей эры парфянам удается, сломив сопротивление Селевкидов, расширить свои владения, включив в них, кроме всех областей Иранского плоскогорья, Армению и часть Месопотамии. Разрушение Греко-Бактрийского царства приводит в подчинение парфянам и Маргиану. Но в то время, как парфяне успешно сломали господство селевкидской династии, на западе появился новый и несравненно более опасный противник в лице Римской империи. Борьба с Римом проходит через всю дальнейшую историю парфян.

Парфянское время (с 250 года до нашей эры по 224 год нашей эры) называется в арабо-персидских летописях временем правления царей племени мулюк-таванф.

Эти летописи характеризуют парфянское государство как государство, состоявшее из механического соединения царств, что подтверждается и писателями-иноземцами, как например Юстинианом. Моисей Хоренский, оставивший нам историю правления одной из главных ветвей парфянской, или аршакидской, династии в Армении, также сообщает ряд фактов, которые позволяют сделать заключение, что пар-

Фяньское государство не являлось таким централизованным государством, каким был Иран при Ахеменидах.

2

На протяжении ряда веков между Парфией и Римом велась непрерывная борьба за обладание торговыми путями, ведущими с Востока (Индия, Китай) на Запад (устье рек Тигра и Евфрата, Средиземноморское побережье). К началу III века нашей эры Иран находился в центре весьма развитого торгового оборота. Начало торговых отношений у Ирана с Индией и островом Цейлоном теряется в глубочайшей древности, во II веке до нашей эры устанавливаются систематические торговые связи Ирана с Китаем.

Плиний в своей «Естественной истории» указывает, что Рим ежегодно уплачивал Азии за потребляемые им товары около 100 миллионов сестерций — в привозной китайский шёлк одевалась вся многоязычная знать Римской империи, мужчины и женщины. К Иранскому плоскогорью — главному узлу путей европейско-азиатского торгового обмена — омывающим южные Иранские берега водами Персидского залива двигались караваны купеческих судов. «Город Батна, — рассказывает Аммиан Марцелин, — сооруженный в Антамузии (Месопотамии) древними македонянами, лежит в недалеком расстоянии от реки Евфрата. В нем очень много богатых купцов. Туда сходится в начале сентября месяца великое множество людей всяких состояний для закупки товаров, присылаемых индейцами и серами (китайцами), и всяких других, которые свозятся сюда по морю и сухопутьем».

Парфянская династия ревностно охраняла все эти развитые торговые связи.

Победоносные римские легионы встретили на Востоке достойного соперника в лице парфянского воинства.

Но не только эти торговые интересы, несмотря на всю их значительность, определяли взаимоотношения обоих государств. Как Рим, так и Парфия стремились к захвату богатых территорий, расположенных рядом с пограничной линией укреплений обоих государств. Завоевательные планы Рима устремлялись прежде всего к захвату богатой, торгово-ремесленной Месопотамии, наследницы древнейшей культуры тигро-евфратского Междуречья. Населенная земледельцами и ремесленниками — арамейцами, она была издревле страной ремесла и торговли. Как об этом свидетельствуют археологические раскопки, текстильное производство достигло здесь достаточно вы-

сокого уровня развития, выработав самостоятельно от египетско-сирийского ремесла комплекс технических навыков и приемов. Успешно развивались здесь гончарное и кожевенное производство и строительная техника. Наличие как в самой Месопотамии, так и в соседних с ней областях значительных масс скотоводческого населения в лице арабов-бедуинов имело также в глазах Рима важное военно-стратегическое значение. В условиях парфяно-римской вражды арабы часто выступали в качестве ставленников обоих враждующих государств. Такова история арабского государства Хальмиры, возникшего в I веке нашей эры на торговом пути между Евфратом и Средиземным морем (существовало до 273 года), и государства Херы, возникшего на противоположной (северозападной) стороне Сирийской пустыни.

Вторым объектом, к захвату которого стремился Рим, являлась Армения, населенная мужественным и храбрым народом. Она также была расположена на важнейшем участке торгового пути, ведущего из Китая и Индии на Запад (Амударья, Кавказ, Черное море), и находилась примерно на одинаковом с Месопотамией уровне экономического и культурного развития.

Парфия стремилась расширить свои владения присоединением Западной Аравии, Малой Азии и Египта, то есть довести свои владения до тех пределов, которыми в свое время владели Ахемениды.

Последнее крупное столкновение между Римом и Парфией началось в 198 — 199 году, когда римский император Септимий Север вторгся в Месопотамию и захватил Ктезифон, увел в плен 100 тысяч подданных парфянского царя.

Борьба продолжалась со значительным перевесом на стороне римлян вплоть до императоров Макрина (217—218) и Элагабала (218 — 222), когда одному из двух правивших в то время в Парфии царей — Артабану V (208 — 224) — удалось вновь отвоевать захваченную римлянами Армению, восстановить свою власть в большей части Месопотамии и нанести двукратное поражение римлянам под Нисибисом.

Но последовавшее за этим выступление одного из царьков, правивших в области Фарс¹, — Арташтра (224 — 241) — навсегда покончило с господством в Иране парфянской династии и вместе с тем положило конец политической раздробленности Ирана. С этого момента и датируется начало правления в Иране сасанидской династии.

Со времени появления в буржуазной исторической литературе работ «Th. Nöl-

¹ Иранская югозападная область.

Арташвр I Папакан.

deke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden». Leyden 1879. A. Christensen «L'empire des Sassanides: le peuple, l'état, la cour». Kobenhavn. 1907. «Le regne du roi Kawndh I et le communisme mazdakite» Kobenhavn. 1923, историю сасанидского Ирана стали рассматривать как историю династии, правившей с самого начала и до конца при развернутом феодальном строе. Эта мысль, выказанная обоими упомянутыми историками, обосновывается ими путем сравнения средневековых европейских институтов с сасанидскими, путем проведения знака равенства между отдельными категориями сасанидского общества и европейского средневековья.

Между тем анализ авестийских преданий даже этих историков приводит к выводу о наличии в иранском обществе времени создания Авесты¹ пережитков родового уклада, не утерявшего полностью своего значения и при Сасанидах. Основой этого уклада была семья (нафа), центром семьи — дом; несколько родственных семей составляло клан (таума), центром которого было селение (вие); несколько кланов образовывало племя (занту); область, населенная племенем, носила название дахну, а родовой владетель — дахну-пати. Весьма детализированный кодекс определял жизнь такого рода-семьи. Базируясь на охране родовой собственности, он предоставлял неограничен-

¹ Авеста — священная книга зороастрийцев. Дошедшие до нас части Авесты были составлены в III—IV веках нашей эры при Сасанидах.

ную власть мужчины — владыке семьи — и сохранял ряд древних, родовых пережитков, как кровно-родственный брак, особенно распространенный среди родоплеменной верхушки. Положение женщины, вышедшей замуж, строго регламентировалось восходившими к глубокой древности традициями. Эти традиции различали пять видов положения замужней женщины: 1) пазина-зан — привилегированная супруга, 2) оваг-зан — жена-единственная девочка в семье родителей, 3) садар-зан — женщина, принятая в род со стороны, 4) чагар-зан — женщина, вышедшая замуж второй раз, 5) худ-сарайзан — женщина, вышедшая замуж без согласия родителей. Ребенок — продолжатель рода — несликом находился в распоряжении отца. Если умирал муж, то на оставшейся бездетной вдове обязан был жениться ближайший родственник с унаследованием имущественных прав покойного; если не оставалось в живых законных мужа и жены, продолжателем рода оказывался ближайший по мужской линии родственник; во всех таких случаях ребенок, происшедший от нового брака, рассматривался как потомок ведущего члена рода. Дети, происшедшие от второго брака женщины, бездетной в первом браке, также считались наполовину принадлежавшими первому мужу.

Было бы, конечно, совершенно неправильным считать, что авестийские законоположения полностью отражают родовые отношения в узленарфянский или раннесасанидский периоды. В тех же преданиях Авесты можно найти ряд мест, свидетельствующих о начавшейся внутри родового строя классовой дифференциации, приведшей к образованию каст — сословий.

Авеста называет четыре таких касты: 1) атрава — жрецы, 2) ратаесто — воины, 3) вастриошюйон — земледельцы и 4) хунтис — ремесленники. Но все же крепость связей по признаку принадлежности к одному роду, по свидетельству ряда источников, сохранялась на протяжении длительного периода иранской истории и простирается на времена даже более поздние чем период господства Сасанидов. Только по принадлежности к иранскому шахру (древнеперсидское Кшатра, буквальный обозначение — «власть, носящий власть») определяли свободу и благородное происхождение члена общества. Не принадлежавшие к иранскому племени, ап-Иран, были вместе с тем и ан-шахри, то есть людьми, лишенными права быть свободными. Состав этих ан-шахри был весьма разнообразен: к ним причислялись и рабы в настоящем значении этого слова, и люди, формально именовавшиеся рабами, по фактически быв-

ние сами эксплуататорами, как например богатое арамейское купечество, и, наконец, арабы-кочевники, входившие в качестве вспомогательных отрядов в состав иранского войска.

Указания о существовании в парфянской и сасанидской Иране рабовладельческого института, включающего и домашнее рабство и рабов, занятых в сельском хозяйстве и ремесле, имеются и в литературе, современной Сасанидам (сасанидский судебник), и в позднейшей, написанной на арабском и новоперсидском языках. Ни одно из победоносных иранских нашествий не обходилось без увоза в плен огромных масс жителей завоеванных областей, без обращения этих пленников в рабство. Термин «бардэ», соответствующий русскому «полонянину», означает именно такого раба, человека, ставшего рабом путем военного захвата. Значительная часть обращенных в рабство, главным образом ремесленники, использовалась для обслуживания интересов господствующей верхушки общества; основная же масса рабов направлялась на самые тяжелые и трудоские работы, связанные с приращением и строительством. Характерно, что так называемые глиняные, или земляные, работы считались на Востоке работами, не достойными свободного члена общества, на протяжении длительного времени после падения Сасанидов.

Однако, как ни крепки были родоплеменные связи, как ни сильны были рабовладельческие пережитки в иранском обществе, внутри иранской сельской общины, которая многими своими чертами напоминает индийскую сельскую общину, гениально описанную Ф. Энгельсом, уже зарождался новый тип общественно-производственных отношений. Уже начался процесс классовой дифференциации свободного иранского населения, при котором меньшинство членов общества превращалось в класс эксплуатирующий (родоплеменная верхушка, сословия жрецов, воинов), а большинство свободного крестьянства (каста земледельцев) — в класс эксплуатируемых.

Для того чтобы обуздать недовольство закабаляемого, неславно еще свободного и равноправного сословия земледельцев, господствующая верхушка нуждалась в сильной, централизованной власти. Приход к власти в Иране новой династии шахов — Сасанидов — и означал оформление этой централизованной власти.

В период правления в Иране парфянской централизованная власть фактически отсутствовала. Из летописей завоеваний Арташира I также явствует, что Иран того времени делился на множество владений, за-

частую совершенно независимых от центральной власти.

Подобное положение не могло сохраняться дольше потому, что ослабляло силы Ирана в его длившейся 200 с лишним лет борьбе с Римом.

Югозападная область Ирана — Фарс — с ее священными еще во времена Ахеменидов городами Истахром (греческий Персеполис) и Пасаргадами стала центром борьбы иранской аристократии. Здесь же находилось могущественное зороастрийское духовенство. Движение, возглавленное Арташиром, встретило поддержку как со стороны фарсской знати, так и со стороны духовенства. Среди иранской знати началось движение против господства парфянской династии.

Личность Арташира, основателя сасанидской династии, окружена многочисленными легендами, несущими все признаки позднейшего их происхождения. Согласно этим легендам, род Арташира возводится через предков Сасанов (откуда название династии) к роду царей Ахеменидов. Другая версия выводит происхождение Арташира из мелкого владетельного рода, приходившегося на службе у парфян. В сохранившейся надписи сам Арташир именует себя «парем царей (арамейский малькан малька), сыном божественного Папака»¹.

В 224 году Арташир, успевший присоединением к нему парфянских вассалов, восстал против Артабана V. В битве в Сузлане (современный Хузистан) он одержал победу над последним представителем парфянской династии, который и погиб в этой битве. В 226 году в руки Арташира перешел Ктезифон, а вскоре — и все земли, на которые ранее распространялось владычество парфян. Сохранившийся барельеф на скале рисует эту победу в виде сцены вручения богом Ормуздом символа власти Арташиру: бог и царь сидят на конях, под ногами коня Арташира — поверженный Артабан, под ногами коня бога — властитель зла Ариман. «Бог оказал свою милость, установил единство и запечатлел свою благосклонность, дав мне власть над своими слугами и странами, чтобы утвердить религию и царство», — так передает слова Арташира один из арабских переводов сасанидской хроники.

Основатель сасанидской династии обрисован в дошедшем до нас предании не только как завоеватель, но и как законодатель, возобновитель и распространитель якобы забытого при парфянах зороастризма. Приписываемое Арташиру положение «Алтарь и трон неотделимы» нашло свое выражение во всей дальнейшей государ-

¹ Отсюда, от имени отца Арташира, он носит название Арташир Папакан.

Бог Ормузд. С барельефа, изображающего передачу символа власти Арташиру I.

ственной практике Сасанидов в виде создания государственной церкви, жрецы которой исполняли функции воспитателей, учителей и судей. Арташиру же приписывается установление строгой, кастовой регламентации сословий. Описывая эти последние, арабский историк X века Масуди сообщает ряд правил, ограничивавших принадлежность к той или иной касте. К ним относятся: ограничения, связанные с физическими недостатками (распространенные в период господства сасанидской династии и на самих членов этой династии в отношении права унаследования верховной власти), ограничения, связанные с выполнением «низких» профессий (в число таковых попадали также профессии медика и ткача), и главным образом ограничения, связанные с происхождением. Аммиан Марцеллин сообщает об особом положении касты жрецов-магов: «Они живут в селениях, не укрепленных стенами, им разрешено жить по своим особым законам, и из уважения к религии они пользуются высоким почтением». Строгий регламент руководил жизнью члена касты от самого рождения до смерти, возводя в тяжчайшее преступление малейшее уклонение от предписанных норм. «Законы у них (персов), — сообщает тот же Аммиан Марцеллин, — очень суровы, выдаются своей жестокостью постановления против неблагодарных и дезертиров, ужасны и другие, по которым за вину одного гибнет весь его род». Строжайшая обособленность каст усиливалась установлением для каждой касты отдельных храмов: храм Фробы — для духовенства, Гусашп — для воинов, Бурджия-михр — для земледельцев. Кардинальные изменения были произведены Арташиром и в области государственного управления. Свирепо преследуя малейшие проявления самостоя-

тельности или независимости со стороны местных правителей, Арташир создал ту систему управления, о которой Ф. Энгельс говорил как об «упорядоченной персидской монархии Сасанидов»¹. Иран превратился в централизованное государство, во главе которого стоял царь царей (шахан шах). Ближайшими его помощниками были: глава духовенства (мобедаи-мобед), командующий войсками (еран-снахбед) и чиновник, заведывавший финансами и продовольствием (Вастришансатар). Отдельные провинции управлялись назначенными лично царем сатрапами. Деятельность этой высшей администрации опиралась на разветвленный бюрократический аппарат, составлявший одно целое с зороастрийской церковью.

Захватив власть, Арташир унаследовал от парфян и их борьбу против Римской империи. «Он (Арташир), — сообщает Геродиан, — претендовал на обладание неоспоримыми правами на все азиатские провинции, каковые находятся между Евфратом, Эгейским морем и Пропонтидой». Сообщение Геродиана находит подтверждение в приведенном у Аммиана Марцеллина письме Шалпура II к императору Констанцию; вопрос мира в этом письме ставится в прямую зависимость от возвращения в пределы Ирана Месопотамии и Армении.

Разгромив и убив последнего парфянского царя, Арташир I вступил в прямое столкновение с римскими войсками. Его сын и наследник Шалпур I (241—272) в первой войне против императора Геродиана IV (241—242), взяв богатую Антиохию, дошел до Средиземного моря. Второй поход увенчался небывалой победой иранского войска — был захвачен в плен сам римский император Валериан (258). Все уведенное в плен римское войско было использовано на постройке плотины и плюза на реке Каруне; построенные римлянами сооружения сохранились до XIX века и были известны среди иранского населения под названием «плотины цезаря» (банд-и-кайсар). В память об этой победе на скале был выбит огромный барельеф, изображавший царя-победителя и плененных им римлян во главе с римским императором. Правда, уже третий поход Шалпура через Тавр на Цезарею в Малой Азии закончился неудачно. Тщетно последующие за Шалпуром парси Бахрам I (273—276) и Бахрам II (276—293) пытаются взять Феванн. По условиям мира, заключенного в 297 году царем Парсе, к Риму отошли и Армения и Месопотамия. Лишь Шалпуру II, прозванному Великим (309—379), современнику десяти римских императоров — от Валерия до Валентиниана II, — удалось воз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 494.

вратить потери предыдущих шахан-шахов (войны 337 — 350 годов, 359 — 361 годов, 371 — 376 годов). При нем же борьба против римской экспансии начинает проникаться религиозными мотивами. Установление христианства как государственной религии Римской империи при Константине Великом (306 — 337) и распространение его в ослабляемых обоими враждующими государствами областях вызвали гонения со стороны Сасанидского государства на армяно-месопотамских христиан.

Результатом этой более чем двухвековой борьбы Ирана с Римом было следующее: восточная часть Армении с 430 года стала провинцией Ирана; начиная с V века Византия была совершенно отрезана от берегов Каспийского моря; Сасаниды стали монополистами и в морской торговле между Ближним Востоком, Индией и Китаем. Даже «эфиопам не было возможности покупать шёлк у индов, — жалуется Прокопий Кесарийский, — по персидские купцы, населяя смежную с индами область и приезжая в порты, куда пристают индийские суда, обыкновенно покупали у них все грузы». Каковы бы ни были отдельные эпизоды этой двухвековой борьбы с Римом, Сасаниды в конечном итоге справились с той задачей, которая не могла быть разрешена менее централизованным парфянским государством.

3

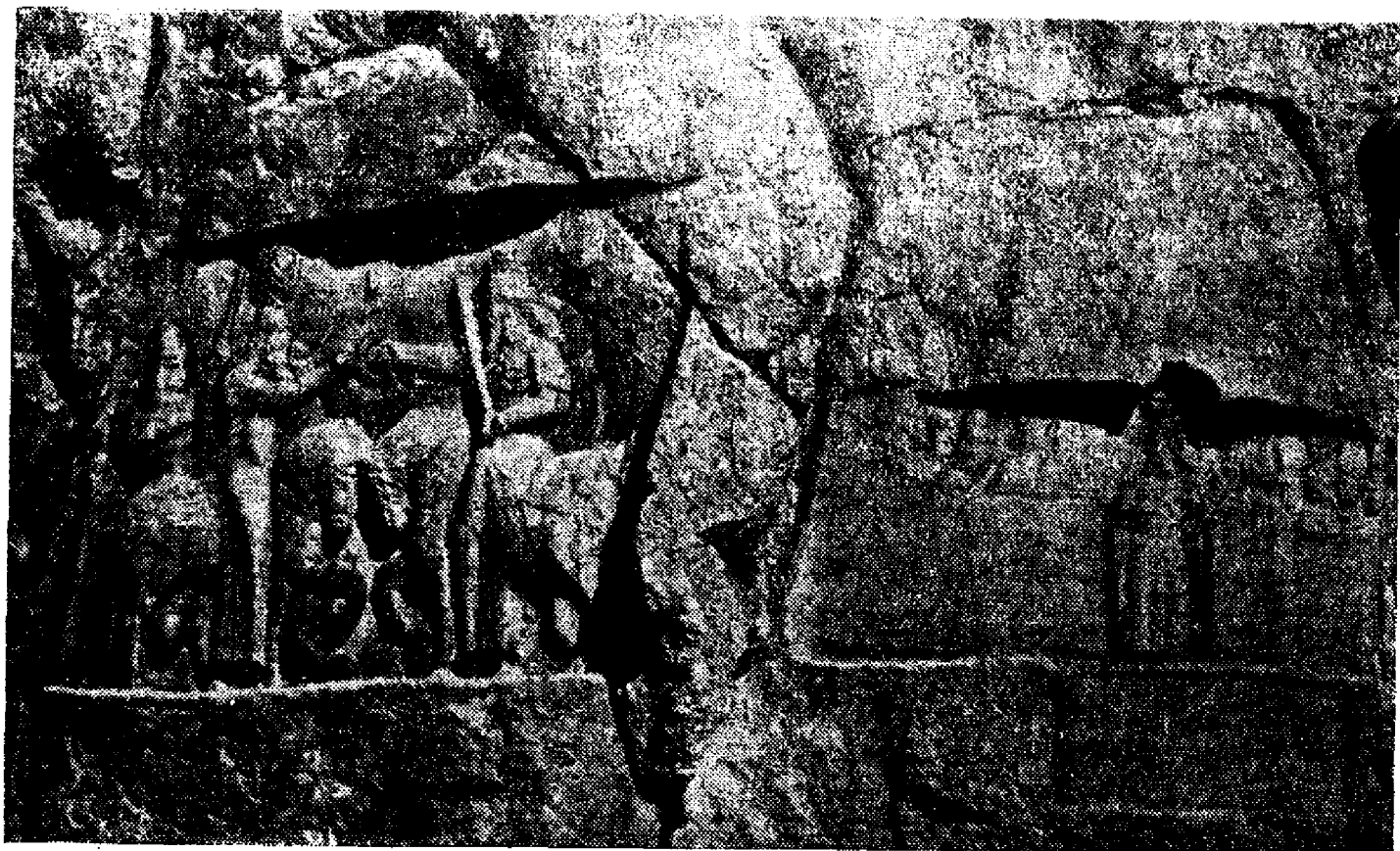
За двухвековой период господства Сасанидов произошли большие изменения внутри иранского общества.

Изучение исторической наукой средневековой навигации привело к установлению факта большого влияния форм сасанидского мореходства на арабское, а через последнее — на европейское кораблевождение. Исследователи военной истории единодушно приходят к выводу о высоком уровне сасанидской военной техники в V веке. Найденные памятники материальной культуры говорят о выдающемся мастерстве сасанидских ремесленников. Вместе с развитием техники и ремесел провинцулось вперед и развитие науки и искусства. Между тем Сасанидское государство неуклонительно хранило патриархальные формы кастового строя. Еще при Шалуре I, сыне Арташира, в западной части Ирана была основана прославившаяся впоследствии медицинская школа, но профессия медика считалась, с точки зрения кастового строя, «низкой» профессией; иранское текстильное ремесло пользовалось заслуженной славой далеко за пределами окружающих Иран стран, профессия же ткача также считалась «низким»

занятием. Как бы ни были велики вес и реальное значение того или иного лица, все же человек «нечистого», внекастового происхождения стоял в правовом отношении ниже самого последнего члена касты. Презрительное отношение к купцу как представителю «нечистого» занятия зафиксировано в замечательном эпосе Фердоуси¹, черпавшем, как известно, свой материал из утерянных сасанидских хроник (например рассказ о «благородном» водоносе Ламбеке и «неблагородном» купце — ростовщике Барахrame и др.). Торгово-ремесленное население Месопотамии особенно сильно страдало от стеснений кастового строя. «Если вся тяжесть военной службы падала на собственно иранское население, — говорит один из исследователей, — то налоги составляли тяжелейшее бремя богатой «Вавилония». Сохранившийся со времени Шалура II документ (шахское распоряжение) целиком подтверждает это.

Не менее крупные изменения произошли и в аграрных отношениях Ирана. Унаследованная впоследствии арабами сасанидская поучительная литература, всевозможные «завещания», «советы», приписываемые царям и визирям, прославляют заботы этих последних об устройстве селений и городов, о проведении каналов и вообще о расширении культурной полосы земли. Дошедшие до нас хроники неизменно включают в жизнеописание каждого шаха династии Сасанидов список основанных им городов и селений; многие из этих последних в настоящее время не существуют, и об их местоположении можно судить только на основании указаний арабских географических сочинений IX—X веков, когда эти города и селения еще существовали. При внимательном рассмотрении этого списка можно заключить, что основывались эти города и селения в большинстве случаев в местностях, известных впоследствии как районы наибольшего процветания сельскохозяйственных культур, что основание того или иного города обязательно сопровождалось ирригационными, иной раз очень крупными, работами, что время основания большинства этих городов и селений падает как раз на рассматриваемый нами период. Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что за двухвековой период правления Сасанидов произошло значительное расширение посевной площади. Все эти работы производились пленниками, которые постоянно пополняли состав рабов. При этих условиях распределение пленников между пачальниками сасанидского вой-

¹ Абу-ль-Касим Фердоуси (934—1027) — автор «Шах-намэ», грандиозного свода эпических преданий и исторических хроник домусульманского Ирана.

Барельеф на скале, изображающий передачу символа власти богом Ормуздом царю Арташиру I.

ска означало не только увеличение гаремов и состава домашних слуг (хотя и это имело, конечно, большое распространение), но главным образом расширение возможностей иранской знати в так называемых делах «благотворительности», то есть в прорытии каналов и устройстве селений. Результатом этой «благотворительности» был переход в руки знати больших земельных участков на основании древнего права арабо-иранского Востока, согласно которому владельцем земли неоспоримо признавался тот, кто первый оросил ее. При постоянном земельном голоде в стране, где большая часть территории занята пустыней и горами, иранской знати было невыгодно применять на этих отвоеванных у пустынь землях труд рабов, требовавший тщательного контроля: они предпочитали отдавать свою землю в аренду свободным производителям.

Общий хозяйственный подъем страны, развитие товарооборота также способствовали выделению из общинного хозяйства частного, индивидуального владения. Уже Бахрам II (276—293) щедро раздавал земельные наделы своим приближенным. Захват пригодных для сельского хозяйства земель продолжается и в последующие царствования. При Бахраме V (420—438) это явление получило настолько широкое распространение, что некоторые историки, рассматривающие сасанидский период как эпоху развитого феодализма, называют этого шаха «дворянским государем». Недавно свободный и уважаемый член иранской касты земледельцев становился зависимым от владельца земли. В V веке земледельче-

ское трудовое население теряет право самостоятельно распоряжаться продуктами своего труда.

Закабаление свободного общинника, превращение общинной земли в индивидуальную собственность глубоко взрывают всю систему существовавших до того социально-экономических отношений. Голод и эпидемии—частые гости на Иранском плоскогорье в V веке. Имущественное неравенство становится настолько разительным, что даже арабо-персидские переводы сасанидских хроник, вообще говоря, не отличавшиеся сочувственным отношением к трудовым массам, и те признают, что большинство народа в этот период составляли бедняки, немощные (дервиши). Один из рассказов о царствовании Бахрама V сообщает, что в результате неистовых поборов и притеснений из Сасанидского царства бежали все, кто мог. Замки-крепости, подробное перечисление которых мы находим у арабских географов, высятся, повидимому, нередко среди безлюдных пространств, брошенных разоренными земледельцами. Слово «шахр», означавшее еще недавно, как мы видели, понятие власти, господства иранского племени над иноплеменниками, обозначает теперь центр господства иранской аристократии над массой земледельцев, в том числе и иранских. «Было установлено,—повествует один из персидских источников о легендарном царе Минучихре,— чтобы в каждом селении был народ, а в каждом шахре начальник, глава, который обладал бы над народом полной властью и весь народ был бы подчинен ему». Шахр — местопребыва-

Блюдо — Хосров I. Ануширван среди своих военачальников; внизу — его сын Ормазд охотится на горных баранов.
Гос. Эрмитаж.

ние этого начальника — представлял в одних случаях просто крепость-замок, где жили сам вельможа, его дружина, многочисленные домашние рабы мужского и женского пола, помещалась казна, оружейные и иные мастерские, в других — крепость, окруженную торгово-ремесленным селением. Конечно, не все представители знати являлись обладателями такого шахра. Надпись на барельефе Шапура I в Хаджи-Абаде дает следующее распределение господствующего класса по категориям: 1) властители государств, обладатели шах(т)-ра, шахрадары; 2) сыновья кланов (виспурры); 3) благородные (вазурган) и 4) свободные (азаты) — самая многочисленная, низшая прослойка. Но вся знать, сколь бы ни были отличны отдельные ее категории, представляла собой единый господствующий класс.

Прошедшие изменения в социально-экономических отношениях нашли свое отражение и в структуре государственной власти. Принцип наследования по завещанию или распоряжению умирающего царя заменяется принципом выборности. Согласно преданию, первым таким избранным (во чреве матери) на трон государем был Шапур II Великий. После его смерти в начавшейся династической борьбе иранская знать, устранив законного наследника, выставляет своего кандидата на престол. Бахрам IV (388—399), Пиздегерд I (399—

420), Бахрам V (420—438) вели ожесточенную борьбу со знатью и, новидному, погибли насильственной смертью. По свидетельству ряда источников, на этот же период падает установление совета родовых знати для выборов законного шаха. Но эта поправка к сложившейся на кастовом строе государственной системе не могла удовлетворить землевладельцев, стремившихся к упразднению касты свободных земледельцев.

Полный переход от старых, дофеодальных производственных отношений, рождение нового, феодального общества не могли совершиться мирно, без конфликтов. Устранение старых порядков и установление новых в области производственных отношений могли произойти только насильственным путем, только пройдя через ряд длительных и глубоких социальных движений угнетенных народных масс.

«На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи»¹. Эти идеи в условиях того времени, при сравнительно низком уровне развития науки, неизбежно облекались в религиозную форму.

¹ «История ВКП(б)», стр. 125.

Блюдо или чапа — «Часы Хосрова Парвиза» — выход лунного божества.

Гос. Эрмитаж.

4

Ограниченное количество исторических свидетельств не дает нам возможности определить полностью систему религиозных воззрений народов, населявших Иранское плоскогорье. Выступление на историческую арену сасанидской династии было тесно связано с фактом восстановления древней религии, которая при господстве парфян терпела значительный ущерб. Но памятникам богословской литературы, восходящим к оригиналам IV—VI веков (отрывки из священной книги Авесты, толкование к ней Зенда и т. д.), господствующее в Иране при Сасанидах религиозное мировоззрение может быть представлено в следующем виде. В основе зороастрийских (то есть ведущих свое происхождение от пророка Зороастра, время жизни и деятельности которого в исторической науке определяется весьма предположительно) религиозных воззрений при Сасанидах лежал дуализм, признание двух начал, правящих мировым порядком: бога добра Ормузда (Ахура-мазда) и бога зла Аримана (Ангра-майину). Оба эти бога имели в своем распоряжении армию духов: Ормузд — 6 Амеша-Спента, «бессмертных святых», являвшихся каждый в отдельности покровителем различных живых существ, ниже стояли многочисленные Язата, делившиеся в свою очередь на

духов небесных и земных. Сам Зороастр — пророк и основатель религии — был главою земных духов. Армия добра противостояла армии зла, руководимой Ариманом, ее составляли духи (дивы, друджи, дерванты, пери и т. д.), представлявшие в образе чудовищ. Борьба двух начал определяла, согласно учению зороастризма, развитие человеческой жизни и человеческой истории.

Борьба масс против все возрастающего социального неравенства нашла свое выражение в форме религиозного движения, известного под именем манихейства. Христианство оказало сильное и непосредственное влияние на это религиозное учение. Найденные в начале текущего столетия в Центральной Азии, к северу от Турфана, документы на пехлевийском (среднеперсидском) и турецком языках значительно расширили наши сведения о сущности этого учения и об его основателе Мани. Мани родился в 215 году в Вавилонии. Свою проповедническую деятельность он начал в 241 году, при восшествии на престол Шапура I, который, по рассказам хроник, вначале было склонился к учению новоявленного пророка, но затем вновь вернулся в лоно правоверного зороастризма. Вынужденный бежать за пределы родины, Мани побывал в разных странах (в Туркестане, Индии, Центральной Азии, Китае), проповедуя там свое учение. Создавшаяся еще

при его жизни церковная организация носила следующий характер: во главе ее стояли 12 апостолов — учителей, за ними следовали 72 ученика — епископа, далее шли священнослужители, дьяконы, монахи, наконец общая масса верующих.

Пробыв в изгнании в течение всего правления Шапура I и Ормазда, Мани в 273 году, при Бахраме I, вновь возвратился в Иран; арестованный вскоре по провескам зороастрийского духовенства, он был казнен в 275 году в городе Гунд-и-Шапуре. Мани известен также как изобретатель особого алфавита и как художник-каллиграф.

В манихейской религиозной концепции сочетаются строго последовательный принцип дуализма с мрачным и пессимистическим выводом — отрицанием «добра», то есть существующего порядка, откуда вытекал призыв к аскетизму и безбрачию как единственному средству прекратить вместе с физическим существованием царящее на земле «зло». Являясь реакцией на вопиющее социальное неравенство, манихейство в условиях кризиса всего средиземноморского мира получило быстрое и широкое распространение в виде ряда манихействующих ересей. Преследования, последовавшие за казнью Мани, вынудили верующих бежать на Восток, за пределы Ирана; результатом этой манихейской эмиграции было дальнейшее распространение этого учения среди турецких племен Центральной Азии. Манихейство оказало сильное влияние на революционное движение Ирана, связанное с именем главы движения Маздака.

Конец V века ознаменовался для Ирана общим хозяйственным и политическим кризисом. В Армении и Грузии вспыхнули восстания против иранского господства. Когда в 484 году в битве с наступающими кочевниками на Востоке погиб царь Пероз (Флруз), последние захватили ряд восточных областей и наложили дань на Иран. Одновременно продолжал развиваться процесс децентрализации высшей власти и усиление политического влияния аристократических родов, в руках которых фактически была сосредоточена вся военная и гражданская власть. Избранный этими аристократическими родами на престол после гибели Пероза, Валаш (484—488) оказался всецело под влиянием Зармихра из рода Карена; собранные на личные средства последнего войска вынудили кочевников пойти на ряд уступок. По заключенному с ними договору, был возвращен из плена сын Пероза — Кавад. В 488 году знать сместила Валаша и возвела на престол Кавада. При нем и началось революционное движение народных масс, возглавляемое Маздаком.

О личности Маздака, сына Бамдада, мы знаем очень мало. Основным, что отличало

его учение от манихейства, было признание за богом добра качеств свободы и разума, а за богом зла — качеств случайности и отсутствия разумности. Эта оптимистическая поправка к мрачному, аскетическому учению Мани создавала необходимую предпосылку для активных политических выступлений. Победа бога добра над богом зла могла быть осуществлена на земле путем уничтожения зла, уничтожения социальной несправедливости. Маздакитское движение выдвигало требования общности имущества, равенства потребления и т. п. «Да будут разделены блага между людьми, ибо все рабы великого бога, — приказывал Маздак, — все — дети Адама, все нуждаются в одном и том же. Да отдаст один другому свое богатство, чтобы не было нищеты, бедности, чтобы все были равно наделены житейскими благами». «Он (Маздак), — гласит другой источник, — сделал общим между людьми движимое и недвижимое имущество, женщин, рабов и рабынь с тем, чтобы ни у кого не было излишка ни в чем».

Наличие в программе маздакитского движения таких пунктов, как требование общности рабов и жен (положение последних в тогдашнем Иране фактически мало чем отличалось от положения рабов), свидетельствует о том, что Иран находился тогда не на стадии окончательно сложившихся феодальных производственных отношений, а лишь на стадии рождения феодализма из недр рабовладельческого строя.

Ближайшим поводом к возникновению маздакитского движения был голод, охвативший почти всю иранскую территорию. Очень быстро движение приобрело массовый характер. Перед лицом массового движения началась борьба внутри господствующего класса — между феодальной аристократией и сторонниками сохранения кастового строя. Изложенный аристократами Кавад был заключен в государственную тюрьму — «башню молчания», — откуда ему удалось бежать к восточным кочевникам, при помощи военного содействия которых он в 498 году вновь возвратился в Иран. На период второй половины правления Кавада (498—531) падают войны с Византией и вторжение хазар, ставших наряду с восточными турками постоянной угрозой сасанидскому государству.

Несмотря на утопичность целей, выражавшихся в требования вернуться назад, к золотому веку общинных порядков, маздакитское движение было по существу движением массовым и революционным. Оно было протестом эксплуатируемых против эксплуатации. В этом его сила и значение. Но движением была охвачена только часть трудящегося населения, а именно иранцы по происхождению. Это ослабило

размах движения и явилось причиной его поражения. Маздакизм изолировал себя от возможных союзников в борьбе, ограничил сферу своего распространения, не вызвал подражания даже в тех странах, где были все предпосылки для подобного движения.

Но несмотря на эти недостатки социальные последствия этого до сих пор еще мало исследованного периода иранской истории были настолько велики, что только внимательное рассмотрение больших и многообразных задач, поставленных этим движением, может дать ключ для решения многих спорных вопросов истории как сасанидского Ирана, так и возникшего на его развалинах арабского халифата.

В конце 528 или в начале 529 года маздакистское движение потерпело поражение. Многие участники движения, в том числе и Маздак, были убиты, другие — бежали.

Маздакизм еще долгое время оставался программой ряда крестьянских выступлений в Иране. Шахрастан, написавший историю религиозных сект и учений, утверждает, что еще в его время (XII век) существовало четыре маздакистских толков, распространенных от Ахваза (Южный Иран) до Средней Азии включительно.

5

Маздакистское движение оказалось не в силах приостановить процесса феодализации, но оно, несомненно, придало этому процессу своеобразные, специфические для Ирана формы. Вступивший после Кавада на престол сын Кавада, Хосров I Ануширван (531—573), унаследовал большое количество пустующих земель, владельцы которых или погибли во время восстания или бежали. Эти земли поступили целиком в распоряжение шаха, который назначил на них своих, шахских, управителей. Присоединение к шахским владениям значительной части принадлежавшей ранее знати земли не могло не ослабить удельный вес землевладельческого класса.

Закабаление земледельца, поголовное обложение налогом всего трудового населения, увеличивало денежные ресурсы шахов. В сасанидских казначействах скопились огромные запасы драгоценного металла. По свидетельству хроник, годовой доход шаха Хосрова II Парвиза (590—628) составлял на тридцатом году его правления сумму, приблизительно равную 1 миллиарду 400 миллионам довоенных франков (А. Christensen). Наличие не разрушенных до конца родовых связей дало возможность Сасанидам VI—VII веков в борьбе против феодалов использовать в своих интересах антифеодалные настроения народных масс. По-

колебленный сасанидский деспотизм стремился использовать кастовые интересы земледельцев, чтобы с их помощью восстановить прежнюю мощь деспотии. В этом отношении представляет особый интерес фигура наследника Хосрова I — шаха Ормазда IV (578—590). В феодальных хрониках этот шах неизменно выводится как отрицательная фигура, с презрительной кличкой «сын турка». По явно преувеличенным цифрам, он якобы казнил 13 тысяч представителей знати и духовенства. Наряду с этим фактом те же хроники передают рассказ о заботах шаха о жителях деревень. При нем было издано распоряжение, запрещавшее войскам при проходе через сельскохозяйственные районы касаться урожая жителей. По преданию, когда лошадь Хосрова Парвиза, сына Ормазда, забрела в чужой посев, шах приказал сыну ослепить правонарушительницу и уплатить потерпевшему причитающееся вознаграждение. Память о последних Сасанидах, искавших поддержки в народе, была жива в народе и в IX—X веках, о чем свидетельствуют сообщения хроник о многочисленных крестьянских восстаниях, которыми изобилуют эти века, шедших под знаменем реставрации сасанидского престола в противовес арабскому халифату. Все эти обстоятельства привели к тому, что в Иране рождение феодального строя на первых порах не привело к устранению абсолютной, неограниченной деспотии.

При Хосрове I Ануширване было восстановлено разрушенное маздакистами деление общества на касты, но это деление носит теперь уже новые черты. «Мы не видим более почетного крестьянского сословия, — так формулирует В. В. Бартольд прошедшую перемену. — Во главе государства стоят три советника: глава духовенства, глава военной аристократии и глава светских чиновников. Светское чиновничество создалось как второе — третье — почетное сословие наряду с духовенством и военной аристократией. Вместо свободного крестьянства теперь не только в Персии, но и в Средней Азии появляется крестьянство, целиком зависящее от власти помещика. Слово дехкан, которое ранее означало свободного земледельца, теперь стало означать помещика».

Вторым, не менее существенным мероприятием Хосрова I было установление налогового кадастра. Древний, патриархальный обычай, согласно которому иранские общины несли военные обязанности, а вся тяжесть налогового бремени перекладывалась на иранское население, сменился теперь законом о государственном обложении налогом всего населения, причем натуральная форма налога была в значительной степени заменена денежной. Поземельный налог (арамейско-пахлейский хараг, араб-

ский харадж) стал взиматься ежегодно по строго определенной таксе с каждого герба (2400 квадратных метров) земли согласно сельскохозяйственной культуре, возделываемой на этой земле. Общим стало и обложение личным налогом в 14—18 дирхемов с человека (пехлейский — гезит, арабская — джизия) всего населения в возрасте от 20 до 40 лет. Привилегированное положение феодальной верхушки подчеркивалось освобождением от этого налога воинов, жрецов и чиновников.

Реформы Хосрова I коснулись и «городского сословия». Купец-ростовщик, городская верхушка получили доступ в охраняемый прежде кастовыми нормами государственный аппарат. Они становятся членами касты чиновников, нередко занимают высшие государственные должности, как например должность ваястропансалар¹.

Таким образом на смену обществу III века, не изжившему еще рабовладельческих отношений, явилось в V веке феодальное общество с двумя основными классами: классом помещиков и классом закабаленных крестьян. Для «городского сословия» создались условия, напоминающие положение торгово-ремесленной части европейского города в период существования развернутых феодальных отношений.

Устранение пережитков рабовладельческого строя создало условия для нового развития производительных сил Ирана, для нового хозяйственного и культурного подъема. О росте мировой сасанидской торговли свидетельствует топография кладов сасанидских монет, находимых в весьма удаленных от Ирана районах (Урал, Швеция, Германия). Сасанидская техника в выделке различных изделий, металлических и текстильных, достигает в это время такого высокого уровня, что становится фактором, влияющим на развитие техники и стиля в разных странах Востока и Запада. Ктезифон (прозванный арабами Мадани, что значит в переводе «город»), столица сасанидской империи на реке Тигре, становится поистине мировым центром. Блеск и роскошь сасанидского двора поражали даже привыкших к константинопольской роскоши византийцев. Портал Хосрова, Белый замок и прочие дворцовые строения считались чудом строительства того времени. О грандиозном размахе строительных работ свидетельствуют как сохранившиеся памятники, так и рассказы хроник. «Так как город Антиохия, — передается в одной из них, — и ее здания понравились Анушпир-

¹ До рассматриваемого периода эта должность обнимала круг дел, связанных со взиманием поземельного налога; исполнявшие эту должность лица еще в V веке принадлежали к высшей родовой аристократии.

вану, он повелел составить точный план, каковой и послал своему наместнику в Мадани, приказав соорудить в соседстве со своей резиденцией город, в точности похожий на Антиохию, имеющий те же размеры, улицы, дома, памятники, — одним словом все, что в нем заключалось, устроив таким образом, чтобы один город никак не отличался от другого».

Вместе с архитектурой процветало искусство орнамента, барельеф, скульптура, живопись, мозаика из камней и стекла. Уже упоминавшийся арабский писатель X века Маеуди, большой любитель сасанидских древностей, оставил нам описание многих сасанидских памятников его времени, в том числе рукописи, украшенной миниатюрными портретами, изображавшими представителей сасанидской династии в заупокойных одеждах. Находящиеся в Государственном Эрмитаже сасанидские серебряные бюлета, найденные большей частью в северо-восточных районах европейской части нашей страны, сасанидские барельефы в Иране, Армении и т. д. подтверждают сделанное Аммианом Марцелином наблюдение о преимущественном изображении сасанидскими художниками сцен из охотничьей жизни (охота была любимым занятием сасанидской знати) и животных. Раскопки в Ктезифоне, Фруз-Абаде, Най-Кули, Персеполисе, Пасаргадах и других местах дают все новые и новые материалы, указывающие на высокую технику и сложность сасанидских искусств и ремесел.

В области музыки известен знаменитый певец Хосрова II Парвиза — музыкант Барбед (Фахлабед, по другому чтению), который являлся составителем сборника песен (хосреваний), распевавшихся при дворах феодальных властителей еще в X—XI веках. Наконец, и литература достигает в этот период блестящего развития. Кроме богословской зороастрийской литературы, обнимающей все области знаний того времени, достигает полного расцвета художественная литература. В Иране начинает развиваться и переводная литература; наибольшую известность в этом отношении приобрел перевод индийского сборника нравоучительных рассказов «Калила и Димна», связанных с легендой о путешествии в Индию придворного врача Ануширвана Барзуйи.

И все же этот блестящий век, связанный с именем двух Хосровов — Ануширвана и Парвиза, — как никакой другой период в истории Сасанидов, знаменует близость конца династии. Сколько ни обращались Сасаниды в поисках поддержки против феодалов к народной массе, закабаленное крестьянство оказывалось глухим к их призывам. Сколь силен ни был первый и самый могущественный феодал — шаханшах, рядом с ним развивались хотя и ме-

нее могущественные, но все же достаточно крупные феодальные владения. Бахрам Чубин — колоритнейшая фигура конца VI века. Марзбан (правитель) Азербайджана, командующий противотурецкими войсками, был первым, кто осмелился надеть тадж (корону), не принадлежа к священному роду Сасана. Поддержка Византии помогла Хосрову II Парвизу изгнать узурпатора. Но даже ловкая политика компромиссов со знатью не могла спасти последнего из сасанидских государей: в 628 году он был убит. Его сын Шируйе был смещен Шахр-Баразом, пытавшимся вторично после Бахрама-Чубина, но опять неудачно, захватить престол. В течение пяти лет со дня смерти второго Хосрова более десятка лиц занимало «трон из слоновой кости».

Феодальная борьба, сопровождавшаяся взаимострелением представителей господствующего класса и дальнейшим усилением эксплуатации крестьянства, привела после кратковременного расцвета опять к жесточайшей хозяйственной разрухе. Небрежное отношение к ирригационным сооружениям вызвало заболачивание плодороднейших побережий Тигра и Евфрата. Вслед за голодом разразилась эпидемия чумы. 16 июня 642 года на престол вступил последний из Сасанидов — Пездегерд III. В это время арабские отряды уже наводняли югозападные районы Ирана.

* * *

Еще при Каваде начался, после почти столетнего перерыва, ряд войн с Византией, не прекращавшихся уже до самого арабского нашествия. Эти войны велись с переменным успехом. В 542 году войска Хосрова I взяли Антиохию, но уже в 553 году иранцы потерпели жестокое поражение; в 579 году иранские войска понесли столь тяжелое поражение, что в плен едва не попал сам сасанидский государь. В 570 году Иемен, находившийся под властью Абиссинии, был завоеван сасанидским войском; в начале второго десятилетия VII века военачальники Сасанидов захватили одну за другой византийские провинции: Эдессу, Антиохию, Дамаск, Иерусалим, Цезарею, Киликию, даже Египет. Казалось, что план завоевания круга земель, которыми владели когда-то Ахемениды, был близок к завершению. Но уже через несколько лет обратное движение византийского войска перенесло центр военных действий под самые стены сасанидской столицы. Не менее ожесточенные бои велись на северовосточной и северозападной границах против напирających турецких племен.

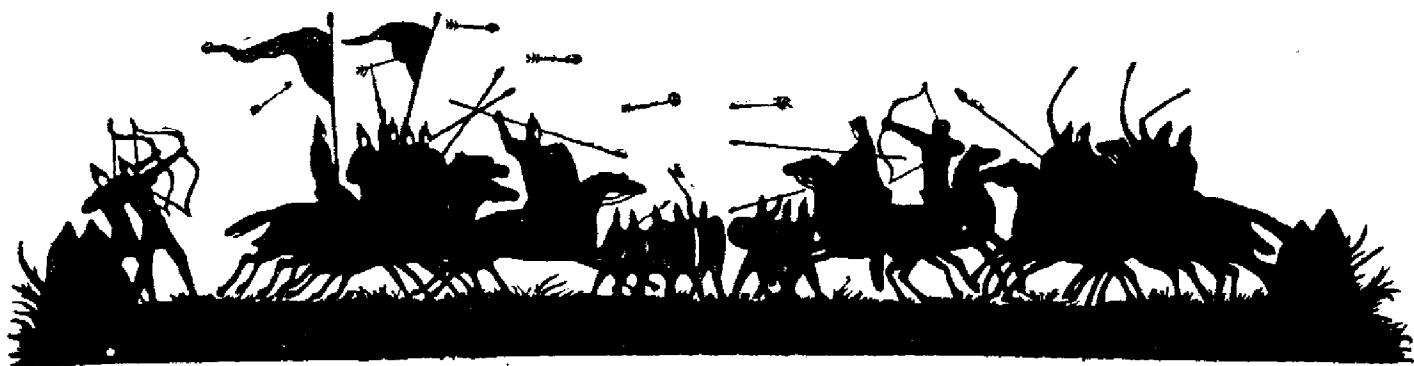
В VI веке происходят значительные изменения в строении сасанидского войска. Неотъемлемой частью сасанидского войска наряду с рыцарской закованной в броню

кавалерией стала пехота, составленная из крестьян. Для классовой структуры иранского общества того времени характерно свидетелство, найденное в одном из источников, о том, что наряду с действующими войсками существовали специальные отряды, цель которых была препятствовать дезертирству пехотинцев. Только глубочайшим недовольством установившимися порядками со стороны крестьянской массы иранского государства и можно объяснить поразительные победы варварских арабских отрядов над могущественными и вооруженными по последнему слову тогдашней военной техники сасанидскими войсками.

В 636 году в битве при Кадисии (недалеко от Хиры) арабы, предводительствуемые сподвижником Магомета Саад ибн Аби-Ваккас, нанесли решительное поражение ибнату сасанидского воинства под командо Рустема из Рея. В числе захваченной арабами добычи было и знаменитое боевое знамя (дерефш-и-кавиани), по преданию, украшенный драгоценностями фартук легендарного героя — кузнеца Кавэ, поднявшего в незапамятные времена этот свой фартук как знамя восстания против несправедливого царя Зохака. Битва при Нехавенде в 642 году была последней, в которой Сасаниды еще могли противопоставить арабам сколько-нибудь организованную силу. Пездегерд III бежал на Восток и в 651 году был убит близ Мерва. Иран стал одной из провинций возникшего арабского халифата.

В старой европейской востоковедческой литературе долго держался взгляд на возникновение арабского халифата как на явление, остановившее культурный рост Ближнего Востока, в том числе и Ирана. Эта мысль, правда, в сильно завуалированном виде, в настоящее время поддерживается и определенными кругами господствующих классов Ирана, черпающими свою аргументацию из убогого и грязного источника фашистской «науки».

Победа арабов, завоевание ими огромных территорий от Испании до Центральной Азии, усилила культурную связь между отдельными районами Востока и Запада, и только с момента возникновения халифата можно говорить о действительно мировом значении науки и культуры Ближнего Востока. Употребляя слова «халифат», «арабоязычная культура», нам следует всегда иметь в виду, что комплекс культурно-политических понятий, вкладываемых в эти слова, чрезвычайно сложен: возникшая на развалинах многих государственных образований культура арабского халифата была плотью от плоти культуры домусульманского общества. И вот, с этой точки зрения, иранский вклад в нее, как и вклад греко-римской культуры, был очень велик.

К. Виноградова

ВЫСТАВКА „СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ В МОСКВЕ

В мае 1938 года исполнилось 750-летие гениального подлинно народного произведение древней русской литературы — «Слова о полку Игореве». В ряду мероприятий, которыми был отмечен этот юбилей, одно из первых мест занимает организованная Государственным литературным музеем и Государственной Третьяковской галереей выставка, посвященная «Слову о полку Игореве». Эта небольшая выставка, размещенная всего лишь в трех небольших залах Государственного литературного музея¹, является не только полноценной историко-литературной выставкой, которая дает большие возможности для научной и учебной работы по литературе, но и политически актуальной, живой и действенной. Основные темы этой выставки: борьба «за землю русскую», любовь к родине, любовь к народу — выражены в ярких художественных образах «Слова о полку Игореве».

Граждане Советской страны, патриот своей великой социалистической родины, с волнением прочитывают страницы древних сказаний, повествующих о мужестве и отваге наших предков. В героических образах «Слова о полку Игореве» оживают лучшие традиции великого русского народа — любовь и преданность родине.

Выставка ставит своей задачей показать «Слова о полку Игореве», этот замечательный художественный памятник героического прошлого русского народа, на фоне политической и культурной жизни XII века, раскрыть идейную направленность «Слова о полку Игореве», его политическую за-

остренность, актуальность его тематики, его значение для нашей современности.

На стенах первого зала, на 17 специальных щитах, художественно написан полный текст «Слова о полку Игореве». Текст дан по изданию 1800 года с теми исправлениями, которые были внесены последующим изучением «Слова», и написан древнерусским «уставом» с небольшими изменениями.

К основным темам и образам «Слова» художник В. А. Фаворский написал ряд красочных иллюстраций, очень оживляющих выставку. Кроме иллюстраций текст украшен заставками и орнаментами. Перед посетителями как бы раскрывается богато иллюстрированная книга.

На одном щите изображен древний певец Боян, мастерство которого так высоко ставил автор «Слова». В. А. Фаворский показал его поющим в военном лагере. Его слушатели — русские воины в шлемах и кольчугах, опирающиеся на «червленые» щиты.

Следующие иллюстрации посвящены походу князя Игоря на половцев. В многокрасочной иллюстрации даны образы основных героев похода — князей Игоря и Всеволода — и дружины. Одна картина изображает обращение князя Игоря к дружине: «лучше ж бы потягу быти, неже полонену быти»; вторая показывает выступление в поход. Тут же расположен текст из «Слова о полку Игореве», с изумительной образностью описывающий русского воина:

«А мои ти куряни сведоми кмети: под трубами новиты, под шеломи взлелеяны, конец копия вскормлены, пути им ведоми,

¹ Москва, Моховая ул. 6.

яруги им знамен, души у них напряжены, туши отворены, сабли изострени».

Две следующие иллюстрации рисуют бой русских с половцами, закончившийся поражением русского войска и пленением князя Игоря. Иллюстрации сопровождают описание битвы в «Слове»: «Битася день, битася другой: третьего дня к полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брате разлучиста на брезе быстрой Каллы; ту кровавого вина не доста; ту пир докопчаша храбрым русичи: сваты попошя, а сами полегоша за землю русскую».

Всенародное горе, охватившее русскую землю после поражения Игоря, с потрясающей силой передано автором «Слова»: «О стонати русской земли!» На выставке эта тема представлена в ряде иллюстраций в сопровождении соответствующих текстов: плач русских жен, поле битвы после боя. В этом народном горе принимает участие и русская природа: «Ничит травы жалощами, а древо с тугою к земле приклонилось».

Основная идея «Слова о полку Игореве» выражена в знаменитом златом «Слове» Святослава, этого мудрого политического руководителя, горячего и вдумчивого патриота, понимающего судьбы родной земли и ее исторические перспективы. В его при-

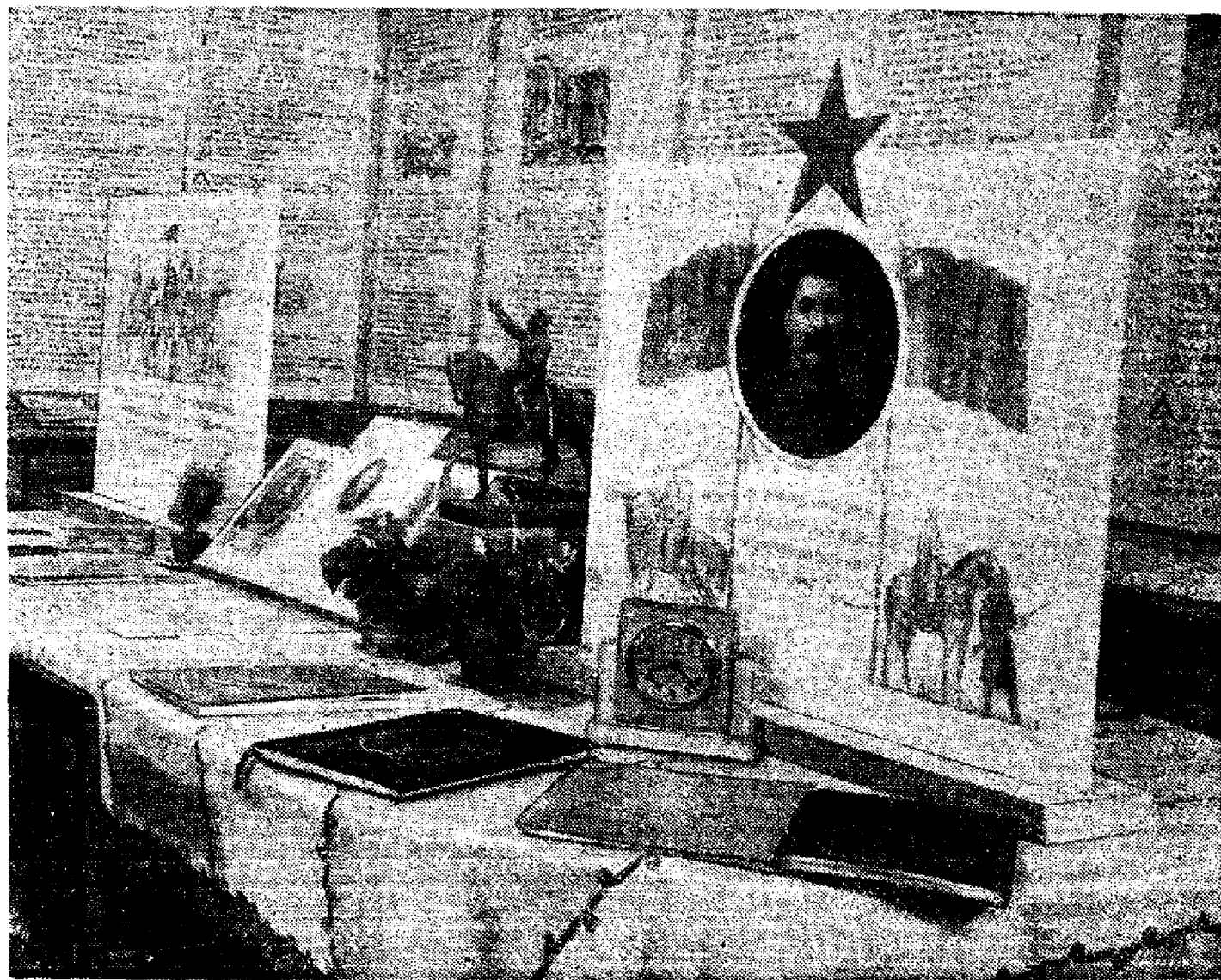
зыве — обелниться в борьбе «за землю русскую», обращенном к русским князьям — подчеркнуты мощь и величие русской земли и ее отдельных князей.

«Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти», — говорит Святослав о князе Всеволоде Большое Гнездо. — «Высоко селыши на своем златокованнем столе, полшер горы укгорских своими железными полки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота».

Свое обращение к князьям Святослав заканчивает горячим призывом: «Вступите, господина, в злата стремя, за обиду сего времени, за землю русскую».

Мужественный образ Святослава дополняется на выставке лирическим образом Ярославны. Это русская женщина, любящая, тоскующая, протестующая, сильная своей связью с русской природой, с которой она составляет как бы единое целое. Такой дана Ярославна автором «Слова» в своем знаменитом «плаче», такой мы видим ее на выставке в иллюстрации Фаворского, несомненно, давшего новое смелое художественное воплощение этого образа.

В 5 альбомах, расположенных на витринах соответственно щитам с древнерусским текстом «Слова», дан перевод «Слова», сделанный профессором С. К. Шамбля-

Выставка «Слово о полку Игореве».

Экспозиция 1-го зала.

Выставка «Слово о полку Игореве». Слово Святослава.

Иллюстрация худ. Л. Мюльгаупта.

наго, и краткий комментарий к тексту «Слова».

Специальный раздел выставки посвящен тем историческим событиям, на фоне которых возникло «Слово о полку Игореве». Этот раздел представляет собой как бы исторический комментарий к «Слову о полку Игореве». В центре этого отдела помещена большая карта удельной Руси 1054—1240 годов, которая показывает государственное устройство древней Руси, деление ее на отдельные княжества (уделы) и границы русского государства.

На карте показан тот эпизод из истории борьбы русских с половцами, который послужил темой «Слова о полку Игореве», — поход князя Новгород-Северского, Игоря, и его брата князя Переяславльского, Всеволода, на половцев в 1185 году. На карте отображены те разногласия, которые существуют в нашей исторической науке в установлении маршрута похода Игоря.

Картина художника П. Герасимова «Степь» дает наглядное представление о тех степных просторах, о том «поле», которое навигалось на русскую землю с юга и востока, откуда в течение ряда столетий печенег, половцы и татары совершали свои опустошительные набеги на Русь. В этой исторической обстановке становится

понятным призыв автора «Слова»: «Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю русскую».

О половецких набегах говорят и многочисленные листы так называемой Кенитсбергской летописи, данные на выставке в многочисленных фотографиях.

Значение борьбы русских с кочевниками раскрывается текстом из «Правды»:

«Русский народ вынес на своих плечах всю тяжесть борьбы с несметными ордами азиатских кочевников. Русская земля являлась как бы барьером, защищавшим Европу от опустошительных набегов печенегов, половцев, татар. В тяжелой борьбе с воинственными кочевыми племенами выковывался мужественный, стойкий характер русского народа, на протяжении всей своей многовековой истории героически отстаивавшего честь и независимость своей отчизны»¹.

Успешной борьбе с половцами мешала междоусобная рознь князей, тяжелым бременем ложившаяся на народ. С глубокой скорбью говорят об этом лучшие русские люди того времени, ясно сознававшие необходимость объединения русской земли. Приведенные на выставке тексты из лето-

¹ «Правда» № 142 от 25 мая 1938 года.

нисей так же, как и «Слово», призывают князей к единству.

«Молимся, княже, тебе и братом твоима, не можете погубити Русьские земли; аще бо возмете рать межую собою, погании пмутьи радоватися, и возмутъ землю нашу, юже беша стяжали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбрѣством, побарающе по Русьской земли, нынѣ земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую?», — говорят киевляне князьям.

Съехавшись для примирения в Любече, князья говорили друг другу: «Из-за чего мы губим Русьскую землю, сея раздоры между собою?! А половцы разоряют нашу землю, радуясь нашим междоусобиям. Будем отныне действовать единодушно, охраняя Русьскую землю, и пусть каждый входит только своей отчиной».

И Владимир Мономах сказал: «Дивлюсь я, дружинники, тому, что вы лошадей, на которых пахут крестьяне, жалеете, а не задумываетесь над тем, что начнут крестьянин пахать, а половчанин, прискакав, пустит в него стрелу, завладеет его лошадыю и, вѣхав в его двор, завладеет женой, детьми и всем имуществом смерда! Лошадь смерда вы жалеете, а самого крестьянина не жалеете?» Дружина Святополка не наплась, что на это ответить Владимиру. Тогда заговорил Святополк и заявил: «Я уже готов идти в поход!» Святополк поднялся, и Владимир сказал ему: «Решеньем своим, брат, ты сотворишь великое добро Русьской земле», — повествует Лаврентьевская летопись.

На выставке в художественных рисунках показаны древние русские города: Новгород, Изборск, Ладога, Путивль. Эти рисунки дают представление об архитектуре древних городов, об их быте, характере военных укреплений. На специальной витрине показаны в фотографиях предметы искусства древней Руси: гривны, ожерелья. На стенах висят образцы русского оружия: меч, щит, копье, колчан, лук, стрелы, а также кольчуга и шлем.

Исторический отдел выставки заканчивается словами В. О. Ключевского о значении эпохи XI и XII веков.

«Пробуждение во всем обществе мысли о Русьской земле, как о чем-то пельном, об общем земельном деле, как о неизбежном, обязательном деле всех и каждого, — это и было коренным, самым глубоким фактом времени, к которому привели разнообразные, несовершенные и нескладные, часто противодействовавшие друг другу стремления князей, бояр, духовенства. Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и через это участие почувствовал себя чем-то дельным, делающим общее дело, всегда особенно глубоко врезывается в народной памяти».

В специальном альбоме даны важнейшие справки по истории XI и XII веков.

Из других разделов выставки необходимо отметить раздел:

I. История открытия «Слова о полку Игореве».

Здесь показаны портреты Мусина-Пушкина, Малиновского и Баптыш-Каменского, с именами которых связано открытие «Слова о полку Игореве» в 1795 году. Дано первое известие в печати о «Слове» — статья Карамзина в журнале «Spectateur du Nord» в переводе на русский язык. Здесь же в фотографии даны страницы известной «екатерининской» копии «Слова о полку Игореве», сделанной для Екатерины в 1796—1797 годах, и текст из книги «Апостол» 1307 года, где цитируется «Слово о полку Игореве». — факт, устанавливающий древность «Слова» и его широкую популярность в древней Руси. В витрине помещено первое издание «Слова о полку Игореве» 1800 года.

II. Изучение «Слова о полку Игореве».

В витринах этого отдела развернута книжная экспозиция, отражающая важнейшие этапы в изучении «Слова о полку Игореве», издания и переводы «Слова».

К книгам даны аннотации, иллюстрирующие ту полемику, которая велась в критике по поводу «Слова о полку Игореве». Показаны те «подделки», которые появлялись в период скептического отношения к подлинности «Слова». Здесь следует отметить: 1) выступление Пушкина в защиту подлинности «Слова». Эта тема дана и в книжной экспозиции и в специальном альбоме «Пушкин в работе над «Словом». 2) Высказывание Маркса о «Слове» в 1854 году в его переписке с Энгельсом.

Общий комментарий к этому разделу выставки дан в альбомах «К изучению «Слова о полку Игореве» и «Переводы «Слова о полку Игореве».

Книжная экспозиция заканчивается показом последних изданий и переводов «Слова о полку Игореве» на языках народов СССР, на иностранных языках, юбилейной книжкой и журнальной литературой о «Слове», появившейся в дни юбилея.

В центре первого зала выставки на особом столе размещены альбомы, посвященные отдельным проблемам, связанным с изучением «Слова о полку Игореве». Открывается раздел цитатой из Пушкина: «Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в XVIII веке мог иметь на то довольно таланта, Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка песни о

Полку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находитея одной в плаче Ярославны, в описании борьбы, битвы и бегства.

Пушкин».

Эти альбомы объединяются по трем основным разделам:

1. Группа альбомов, характеризующих «Слово о полку Игореве» в ряду других памятников литературы. К этой группе относятся альбомы:

«Слово о полку Игореве» в окружении памятников древнерусской литературы». Альбом дает сопоставление «Слова о полку Игореве» с новостью о Мамаевом побоище — «Задонщиной» — литературным памятником XV века.

«Слово о полку Игореве» и фольклор». Альбом показывает близость «Слова о полку Игореве», его образов, его поэтического языка, к русской народной поэзии.

«Слово о полку Игореве» и летопись». В альбоме дан в отрывках из различных летописных сказаний (Лаврентьевская летопись, Ипатьевская, Густынская и другие) рассказ о походе князя Игоря на половцев в 1185 году. Сопоставление этих отрывков летописи с соответствующими местами из «Слова» подчеркивает героический характер «Слова», его высокие поэтические достоинства, его идейную направленность.

Альбом «Ярославна» дает образцы различных «плачей» как своеобразного жанра народной поэзии. Здесь находятя также позднейшие стихотворные переводы-переложения плача Ярославны.

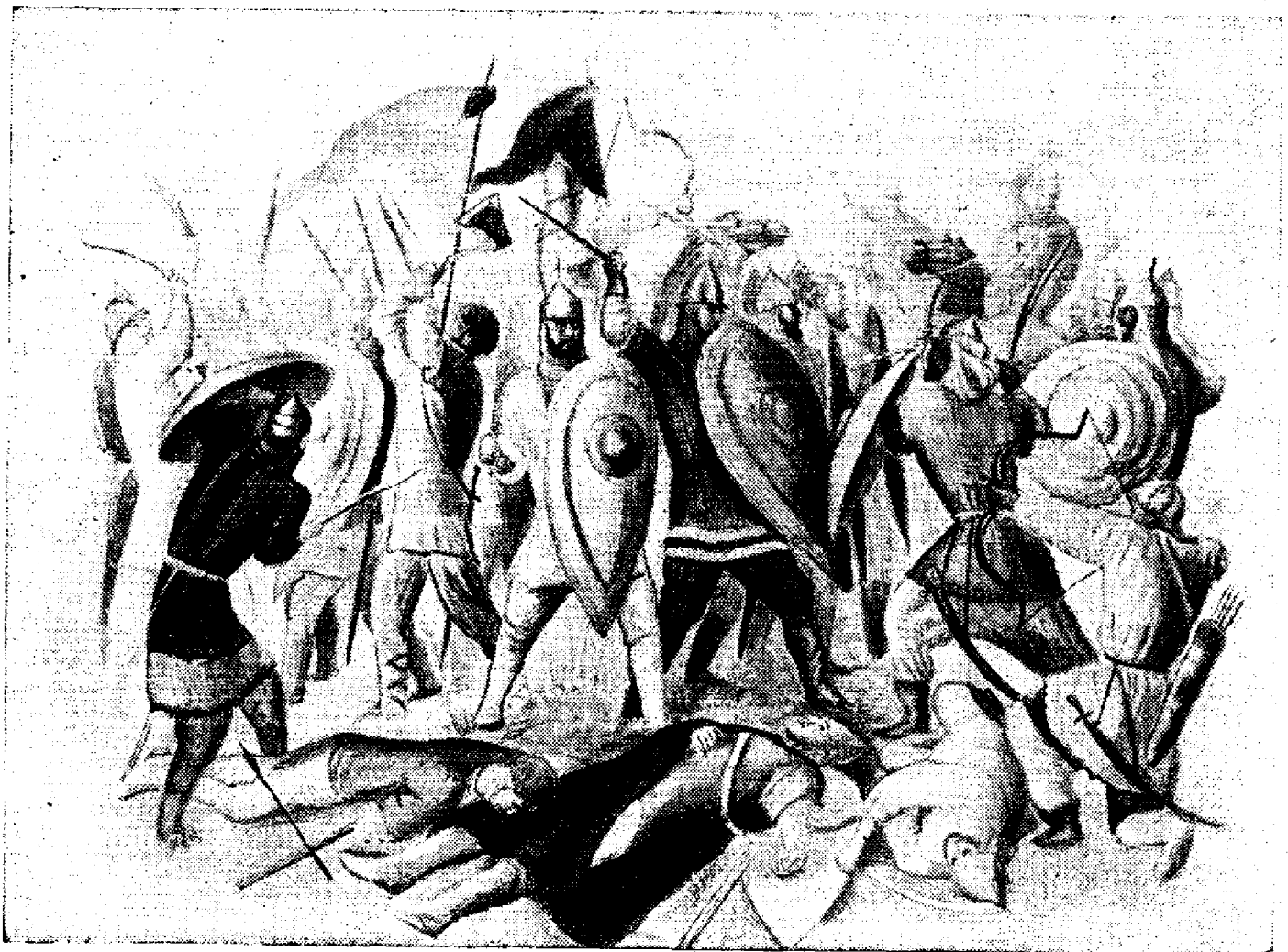
Альбомы: «Слово» и «Песнь о Ролланде», «Слово» и «Витязь в тигровой шкуре» сравнивает «Слово» с памятниками героического эпоса других народов.

II. Группа альбомов, посвященных изучению «Слова о полку Игореве»:

Альбом «Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве»» дает представление об исключительном интересе Пушкина к «Слову о полку Игореве». В альбоме собраны высказывания Пушкина о «Слове», важнейшие моменты и замечания его на переводах «Слова» Вельтмана и Жуковского и, наконец, статья Пушкина о «Слове». Альбом дополняет соответствующий раздел книжной экспозиции по истории изучения «Слова о полку Игореве».

В альбоме «Композиция «Слова о полку Игореве»» собраны в хронологическом порядке различные планы «Слова о полку Игореве», которые представляют собой попытки исследователей дать композиционное и тематическое членение «Слова о полку Игореве».

Альбомы «Автор «Слова о полку Игореве»» и «Боян» содержат высказывания ученых по вопросам, которые до сих пор еще являются дискуссионными в истории изу-

Выставка «Слово о полку Игореве». Бой с половцами.

Иллюстрация худ. В. Фаворского.

Выставка «Слово о полку Игореве». После побоища Игоря Святославовича с половцами.
С картины В. Васнецова.

ченпя «Слова» и представляют собой так называемые «темные места» этого памятника.

В альбоме «Идея «Слова о полку Игореве» собраны высказывания об основной идее «Слова о полку Игореве». Этот альбом говорит о том, что идейный смысл «Слова о полку Игореве» не был сразу понят и долгое время «Слово о полку Игореве» рассматривали как безыдейное произведение.

В раскрытии идейного смысла «Слова о полку Игореве» большое значение имеет высказывание Маркса в 1856 году. «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». Эти слова Маркса повторены на специальном щите.

Высокое идейное значение «Слова», героизм его образов во всей полноте раскрыты и поняты уже в наши дни, на фоне морально-политического единства Советского Союза. Современное отношение к «Слову о полку Игореве» выражено в широком праздновании 750-летия этого памятника, в ряде статей, посвященных «Слову о полку Игореве» в связи с юбилеем. Выдержки из этих статей приведены в альбоме.

III. Работы по языку «Слова о полку Игореве»:

Альбом «Язык «Слова о полку Игореве» посвящен анализу языка «Слова о полку Игореве» на основе изучения языков древнерусского, старославянского и болгарского; показана связь языка «Слова» с этими языками, а также позднейшие языковые

наслоения, нашедшие свое отражение в «Слове о полку Игореве».

Особый раздел выставки посвящен теме «Искусство Киевского государства».

В этом зале в подлинниках представлено искусство Киевской Руси XI и XII веков. Здесь следует отметить в первую очередь мозаику XI—XII веков «Дмитрий Солунский» из бывшего Михайловского монастыря (Киев), шиферный рельеф, изображающий битву Дмитрия Солунского в Изяслава, фрески, портреты русских князей и другие материалы.

IV раздел выставки «Слово о полку Игореве» показывает в живописи и графике иллюстрации на темы «Слова о полку Игореве» русских художников XI и XII веков. В этом разделе собраны иллюстрации художников Зичи, Мата, Шварна. Большую группу иллюстраций представляют работы художника-палешанина Голикова, написанные по инициативе А. М. Горького. С этими иллюстрациями в 1934 году было выпущено иллюстрированное издание «Слова о полку Игореве».

V раздел «Слова о полку Игореве» показывает материалы различных постановок оперы «Князь Игорь» на русской и зарубежной сценах. На выставке даны эскизы костюмов и декораций художников Федоровского, Малиютина, Коревина, Бобышева, Билюбина.

Выставка заканчивается обращением к нашей современности. Выдержки из произведений Ленина и Сталина говорят о значении политического и морального единства Советского Союза, о любви и преданности советского народа к своей великой

рошше, о его готовности защищать свою родину вооруженной рукой.

«Мы победили потому, что были и могли быть едиными» (Ленин).

«Есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать, и встанут, как один человек на защиту своей страны вооруженной рукой» (Ленин).

«Ни одной иллы чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» (Сталин).

Логическое и эмоциональное значение выставки выражено в словах капитана Казакова на VIII Чрезвычайном съезде советов 25 ноября — 5 декабря 1936 года:

«У советского народа есть что защищать, есть кому защищать, есть чем защищать».

* * *

Выставка пользуется большим вниманием посетителей. Небольшое помещение не дает возможности свободно принять всех желающих. Несмотря на то что выставка открыта ежедневно с 10 часов утра до 9 часов вечера, приходится ограничивать запись на экскурсии, иногда прекращать доступ одиночек.

Посетители не только осматривают выставку: они изучают ее, работают над ней. Литературный музей стал подлинной лабораторией: за столами, у щитов, у витрин часами сидят люди и внимательно, напряженно работают, изучают альбомы, читают текст «Слова» и попутно делают заметки в своих блокнотах. Некоторые приходят на выставку по несколько раз. Беседы с посетителями, запись в книге отзывов говорят о живом интересе к выставке; в книге отзывов вы найдете и серьезный разбор выставки по существу, и замечания по отдельным темам, и вопросы по поводу различных «темных» мест «Слова», и конкретные пожелания, и любовную заботу о материалах выставки, о ее дальнейшей судьбе.

Государственный литературный музей проводит на выставке лекции, беседы, конференции на литературные, исторические и искусствоведческие темы. На выставке были прочитаны лекции по темам: «Культура и быт Киевской Руси» (проф. А. И. Яковлев), «Слово» и летопись» (проф. Н. П. Сидоров), «Композиция «Слова о полку Игореве» (проф. М. А. Рыбникова), проведен вечер быллин в исполнении сказителя помора Б. В. Шергина. В ближайшее время, кроме лекций, предполагается провести на выставке ряд диспутов, организовать читательскую конференцию. Посетитель выставки активно участвует и в ее пополнении. Уже после открытия выставки были получены ряд интересных материа-

Выставка «Слово о полку Игореве». Искусство Киевского государства. Мозаика XI—XII века из быв. Михайловского монастыря.

лов. Среди них следует отметить партитуру оперы «Князь Игорь»; адрес поднесенный зрителями У. П. Авранеку — принципатору постановки оперы в Большом театре в 1848 году. Большое внимание посетителей привлекает работа ученика 110-й московской школы Ростислава Крюкова, который написал уставом полный текст «Слова» и сделал к нему 15 иллюстраций.

Выставка, несомненно, вошла в нашу современность как большая историко-литературная и культурная ценность, как органическая связь прошлого и настоящего, как волнующая тема сегодняшнего дня. Эта выставка — наглядное подтверждение слов, сказанных в нашей прессе в дни юбилея «Слова о полку Игореве» о том, что «советским людям, патриотам социалистической родины, дорога и близка история своего народа. С благоговением и любовью перелистываем мы страницы древних сказаний, повествующих об отваге, мужестве, доблести наших предков. Мы радуемся тому, что славные традиции любви к родине уходят корнями в далекое прошлое нашего народа»¹.

¹ «Правда» от 25 мая 1938 года.

А. Фохт

„КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ВКП(б)“ И УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ

1

Сталинская «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» говорит: «Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подбаивающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу» (стр. 112).

Сталинская «История ВКП(б)» — энциклопедия марксизма-ленинизма — полна этой силы. Она организует и мобилизует миллионы граждан СССР на дальнейшую борьбу за построение коммунистического общества.

Многочисленная армия советского учительства во всей своей работе по воспитанию активных, сознательных строителей коммунистического общества должна опираться на самую передовую теорию в мире — на марксизм-ленинизм, т. е. знание законов общественного развития и политической борьбы. Советский учитель своей работой служит задачам социалистического строительства. Ему необходимо четко и ясно представлять себе перспективу и знать, что эти задачи идут в направлении построения коммунизма. Ему необходимо знать и те трудности и тех врагов, которых встречают на пути строительства социализма рабочие, колхозники и интеллигенты нашей Советской страны. Ему необходимо уметь разбираться и разоблачать врагов народа, какими бы личинами они ни прикрывались. Изучение «Истории ВКП(б)» поможет учителю также разоблачить и преодолеть те антиленинские педагогические «теории», которые еще недавно господствовали в педагогике и корешки которых еще не выкорчеваны до конца.

Глубокое изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» поможет преподавателю исто-

рии СССР окончательно разоблачить антиленинские ошибки школы Покровского, «которая, — как указывается в Постановлении ЦК ВКП(б), — толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю».

«История ВКП(б)» даст могучее теоретическое и политическое оружие в руки советского учительства. Из прошлого большевистской партии учитель узнает, какими методами большевики убедили в своей правоте рабочий класс и крестьянство России, как большевики их завоевали на сторону коммунизма и повели на борьбу за победу Октябрьской революции в 1917 году.

Подымая на громадную высоту подлинную науку, большевики всегда с глубоким уважением относились к тем работникам умственного труда, которые отдавали свои силы на службу трудящимся. Глубоким уважением и заботой окружают партия и правительство представителей советской интеллигенции, в первых рядах которой стоят работники культурного фронта — учителя. «Наша советская интеллигенция это — совершенно новая интеллигенция, — говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, — связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством». Задача большевистского воспитания советской интеллигенции поставлена в порядок дня как задача первоочередная. «Считать первоочередной и главной задачей парторганизаций в области пропаганды ликвидацию теоретической и политической отсталости кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечив всяческую помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом, в изучении истории ВКП(б) и произведений классиков марксизма-ленинизма»².

Тов. В. М. Молотов в своем докладе «21-я годовщина Октябрьской революции» говорил: «Нора понять, что каждый серьезный успех в большевистском воспитании этих кадров советской интеллигенции и советской молодежи сильно поднимает нашу работу, обеспечит важные успехи работы самих рабочих и колхозников, что

¹ «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП(б), стр. 5.

² Там же, стр. 18.

без своей интеллигенции, вдохновляемой идеями марксизма-ленинизма, преданной делу Ленина — Сталина, нельзя строить коммунизм!»

Успехи культурной революции в нашей Советской стране — яркий показатель того, каких достижений можно добиться в кратчайшие сроки в условиях социалистического строя.

Царская Россия была неграмотной, нищей, забитой страной. Ее культурной, политической и технико-экономической отсталостью пользовались враги, чтобы грабить ее богатства. Выступая на III всероссийском съезде РКСМ с речью «Задачи Союза молодежи», Ленин в октябре 1920 года говорил: «Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»¹. Поэтому с первых же дней советской власти рабочий класс предпринимал героические усилия, для того чтобы полностью ликвидировать неграмотность — это проклятое наследие царизма и капитализма. Рабочий класс успешно разрешил эту задачу. «В результате введения всеобщего обязательного образования и нового школьного строительства развернулось мощное движение культурности народных масс. Развернулось по всей стране грандиозное школьное строительство. Число учащихся в начальных и средних школах выросло с 8 миллионов в 1914 году до 28 миллионов в 1936—1937 годах. Число учащихся в высших учебных заведениях выросло со 112 тысяч в 1914 году до 542 тысяч в 1936—1937 годах.

Это была культурная революция.

В подеме материального положения и культурного развития народных масс сказались сила, мощь, непобедимость нашей советской революции»².

В этой культурной революции верным помощником партии и правительства является советский народный учитель.

Наш советский учитель, обучая детей грамоте, арифметике, естествознанию, наряду с этим всей своей работой воспитывает в подрастающем поколении идейность и сознательность.

В его дальнейшей большой политико-воспитательной работе учителю окажет ценнейшую помощь новый курс «Истории ВКП(б)».

В основу изучения истории партии учителя должны положить следующие указания «Истории ВКП(б)»: «Овладеть марксистско-ленинской теорией вовсе не значит — заучить все ее формулы и выводы и цепляться за каждую букву этих

формул и выводов. Чтобы овладеть марксистско-ленинской теорией, нужно, прежде всего, научиться различать между ее буквой и сущностью.

Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить сущность этой теории и научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов революционного движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата»³. Вдумчивое, глубокое изучение истории большевистской партии покажет учителям, что за устарелые формулы, за букву марксизма прятались ренегаты (наиболее яркий пример — Каутский), враги рабочего класса. Вернейшие последователи Маркса и Энгельса и великие продолжатели их дела Ленин и Сталин всегда учат пользоваться методом марксизма-ленинизма так, чтобы открывать новое в общественной жизни, глубже разбираться в тех изменениях, которые принесли эти новые явления постоянно развивающейся жизни.

Учителя должны научиться на примере работ Ленина и Сталина вникать в самую сущность марксизма-ленинизма, различать между его буквой и его сущностью.

На VII расширенном пленуме ЦККП в заключительном слове к своему докладу «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» товарищ Сталин говорил: «Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет перерабатывать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может. Не ясно ли, после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении его метода...»⁴.

Незаменимым орудием изучения метода марксизма-ленинизма является вся книга «История ВКП(б)», особенно ее «Заключение» и 2-й раздел главы IV — «О диалектическом и историческом материализме». Для деятелей культуры освоение этого классически четкого и ясного изложения теоретических основ марксизма-ленинизма является обязательным минимумом.

Усвоив содержание этого раздела и основные философские работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, работники школы сумеет подвергнуть критическому пересмотру педагогическую литературу и разоблачить антиленинские теории в педагогике. Обогащенный всеобщей марксистско-

³ Там же, стр. 339—340.

⁴ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 510. Изд. 1928.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 413.

² «История ВКП(б)», стр. 325—326.

ленинской теорией, обогащенный знанием содержания и форм большевистской агитации и пропаганды, учитель будет в состоянии правильно решать стоящие перед ним задачи социалистического воспитания и обучения молодого поколения, решая их как единую задачу, ибо нет обучения без воспитания и нет воспитания без обучения.

Перед каждым педагогом, естественно, возникает вопрос, как же надо работать над освоением большевизма, чтобы добиться успеха? И тут лучшими учителями являются классики марксизма-ленинизма. Для целого ряда работ Маркса, Энгельса и Ленина мы имеем материалы, которые позволяют восстановить и изучить весь процесс их научной работы. Ленин в статье «Фр. Мэринг о второй думе» (т. XI, стр. 76) приводит на примере Мэринга, как надо «советоваться» с Марксом. Вот что пишет В. И. Ленин: «Кто хочет посоветоваться с Марксом о задачах пролетариата в буржуазной революции, тот должен взять суждения Маркса, относящиеся к нему к эпохе немецкой буржуазной революции».

Первое требование при изучении марксистско-ленинской теории — это самостоятельная работа над усвоением марксизма-ленинизма. Изучая работы великих учителей марксизма-ленинизма, мы должны всегда ставить себе вопрос: каковы причины, какова была историческая обстановка, которая вызвала данную работу, каковы были условия, место и время ее возникновения? В Ленинских сборниках опубликованы материалы подготовительных работ В. И. Ленина к ряду его произведений. Отдельно изданы материалы для «Государства и революции» под названием «Марксизм о государстве». Эти материалы включают ленинские выписки важнейших мест из Маркса и Энгельса, трактующих о государстве и о разрушении буржуазного государства пролетарской революцией. Изучая эти выписки, мы видим, что В. И. Ленин всегда показывает свое отношение к выписываемому месту: либо он сопровождает его своим кратким замечанием, подчас заключающим в себе целую программу большой работы, либо он подчеркивает выписку. Система подчеркиваний у В. И. Ленина была разработана детально. Из самого характера этих подчеркиваний всегда можно вывести заключение о том, как В. И. Ленин относился к данной выписке.

В XII, XVII, XVIII и XIX Ленинских сборниках опубликованы подготовительные материалы Ленина для его работы «Империализм». На этих материалах надо учиться, как использовать данные

буржуазной науки. Давая очень резкие, уничтожающие отзывы об авторах целого ряда книг, показывая, что в своих выводах они являются лакеями буржуазии, В. И. Ленин в то же время учит нас использовать конкретный, фактический материал. При этом Ленин всегда проверял данные одного буржуазного автора данными другого и использовал материал только после тщательной, скрупулезной проверки. А результат получается такой: из материалов, собранных апологетами империализма, В. И. Ленин после критической обработки делал абсолютно неопровержимые выводы о неминуемой гибели империализма, о неминуемой победе социализма. В XVIII Ленинском сборнике на стр. 104—123 напечатаны: подробнейший план его книги «Империализм», схема книги и четыре варианта оглавления. В плане Ленин указал материал из всех своих тетрадей, делая на них ссылки. Этот материал чрезвычайно поучителен, так как он позволяет изучать научный метод Ленина.

Для изучения метода работы Ленина по философии мы имеем подробный ленинский конспект «Науки логики» Гегеля, опубликованный в Ленинских «Философских тетрадях». В этом сборнике имеются ленинские конспекты философских книг. О работе Ленина над произведениями Маркса и Энгельса очень много ценных сведений дает Н. К. Крупская в своей статье «Как Ленин работал над Марксом» и в своих воспоминаниях.

Подобно всем работникам культурного фронта учитель истории усиленно занят изучением «Истории ВКП(б)». Однако недоразумением являются рассуждения некоторых учителей истории о том, что «История ВКП(б)» будто бы дает материал лишь историкам СССР XIX и XX веков. Подобные замечания показывают полное непонимание их авторами всего идеологического и теоретического значения «Краткого курса истории ВКП(б)». Совершенно ясно, что книга «История ВКП(б)» имеет непосредственное отношение к преподаванию всех курсов истории.

Курс истории партии оказывает громадную непосредственную помощь в преподавании всех периодов мировой истории. Товарищ Сталин в своем письме составителям учебника истории ВКП(б) писал: «Нужно предпослать каждой главе (или разделу) учебника краткую историческую справку об экономическом и политическом положении страны»¹.

Соответственно этому требованию в начале каждой главы «Истории ВКП(б)» и

¹ «К изучению истории», стр. 23. Партиздат, 1937 (разрядка моя. — А. Ф.).

даю краткое изложение экономического и политического положения СССР начиная с 50-х годов прошлого века. «История ВКП(б)» дает образец того, как надо и в других курсах истории излагать экономическое и политическое положение страны. По этому классическому образцу надо давать исторический материал и историку древнего мира, и историку средних веков, и историку нового времени.

Для всех историков имеет громадное значение характеристика пяти основных типов производственных отношений, данная в «Истории ВКП(б)». Как историк древнего мира, так и историк средних веков и историк нового времени должны положить в основу своего изучения и преподавания эту характеристику.

Во всем своем преподавании учителя должны исходить из следующего определения задач истории: «Первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»¹. При преподавании истории учитель должен руководствоваться указаниями на три особенности производства: 1) производство никогда не задерживается долго на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития; 2) изменения производства и его развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего с изменений орудий производства; 3) возникновение новых производительных сил происходит не отдельно от старого строя, не после его исчезновения, а в недрах старого строя.

Совершенно очевидно, что эти методологические положения, эта марксистско-ленинско-сталинская точка зрения должна быть положена в основу преподавания любого курса истории. При преподавании новой истории надо, например, показать, что капиталистический способ производства зародился еще в рамках феодализма и что феодальные отношения производства стесняли его (пример Франции накануне буржуазной революции 1789 года, когда цеховая регламентация производства мешала развитию капитализма в промышленности).

«История ВКП(б)» специально излагает диалектический и исторический материализм (раздел 2-й главы IV). Этот раздел имеет непосредственное отношение к каждому научному работнику в области преподавания истории, будь то историк древней Греции, или средневековой Франции, или современной нам Индии. Этот раз-

дел дает классически четкое и ясное изложение задач и сущности марксистско-ленинской науки вообще и исторической науки в частности. Не овладев диалектическим и историческим материализмом, не овладев марксизмом-ленинизмом, нельзя быть настоящим историком.

Каждый историк должен руководствоваться в своей работе основным методологическим положением марксизма-ленинизма. «Все зависит от условий, места и времени. Понятно, что без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груды нелепейших ошибок»². Без диалектического подхода к прошлому нельзя превратить историю в науку. «История ВКП(б)» дает следующий яркий пример исторического подхода, чрезвычайно поучительный для всех преподавателей истории: «Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обуславливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо рассматривать... с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны. Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем»³.

Это указание «Истории ВКП(б)» имеет непосредственное отношение к истории древнего мира, где господствовал рабовладельческий строй. Учителю надо показать ученикам, что в определенных конкретных условиях, в определенном месте и только в определенное время (древность) рабство означало шаг вперед. Надо показать ученикам, что хотя в условиях рабовладения создана культура Греции и Рима, лучшие образцы которой (трагедии Эсхила, скульптура, поэмы Гомера) имеют значение и для наших дней, но в дальнейшем рабство превратилось в тормоз развития и под ударами революций рабов погибло.

В условиях разложения первобытно-общинного строя Киевской Руси принятие христианства в X веке было прогрессивным явлением по сравнению с первобытной религией славян. Но было бы глупостью, исходя из прогрессивности принятия христианства в X веке, делать вывод о про-

¹ «История ВКП(б)», стр. 116.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 104.

грессивности христианства в наших условиях XX века, когда христианство давно стало фактором контрреволюционным.

В «Истории ВКП(б)» приведен ряд ярких примеров исторического подхода к общественным явлениям. «Требование буржуазно-демократической республики в условиях существования царизма и буржуазного общества, скажем, в 1905 году в России было вполне понятным, правильным и революционным требованием, ибо буржуазная республика означала тогда шаг вперед. Требование буржуазно-демократической республики для наших нынешних условий в СССР есть бессмысленное и контрреволюционное требование, ибо буржуазная республика в сравнении с Советской республикой есть шаг назад. Все зависит от условий, места и времени»¹.

Учитель должен постоянно добиваться, чтобы ученики понимали обусловленность каждого явления. Только марксистско-ленинский исторический подход к общественным событиям поможет ученикам понять, почему коммунисты, исторической миссией которых является борьба за диктатуру пролетариата и коммунизм, в Испании борются с оружием в руках в данный момент за демократическую республику, во Франции отстаивают буржуазно-демократическую республику против покушения фашистов, в Чехословакии стоят в первых рядах борцов за независимость Чехословацкой буржуазно-демократической республики, в Китае находятся в авангарде общенациональной войны против японских захватчиков.

Маркс и Энгельс когда-то назвали всю историю человечества до будущего социалистического переворота предисторией, которая подготавливает социализм. Пять основных типов производственных отношений, по словам Маркса, «можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»². Поэтому учитель преподает историю древнего мира не как изолированное явление, а как звено в единой цепи истории всего человечества, которое в наше время в лице СССР совершило социалистическую революцию и построило в основном социалистическое общество. У Маркса во «Введении к «Критике политической экономии» имеется одно чрезвычайно важное методологическое указание: «Намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.»³. Социалистическая экономика СССР дала нам возможность еще полнее понять экономку всех предшествовавших типов производственных отношений.

Для историка древнего мира чрезвычайно важно помнить, как закончилось свое существование антагонистическое общество на 1/6 земного шара. Историю этого современного этапа развития человечества и дает как раз «История ВКП(б)».

Преподаватель истории СССР имеет в «Истории ВКП(б)» путеводную нить для изучения и изложения истории СССР, особенно для второй половины XIX века; в то же время она дает ключ к пониманию и наиболее отдаленных исторических этапов в жизни народов СССР. Кладезь в основу своего преподавания «Историю ВКП(б)», черпая из нее основные оценки и характеристики событий, учитель истории СССР не должен в своем преподавании ограничиться только одними этими материалами, не может использовать «Краткий курс истории ВКП(б)» в качестве обычного учебника средней школы. Между тем уже есть примеры отрицательного опыта в этом отношении.

Имея в «Истории ВКП(б)» основные указания для преподавания курса истории СССР 10-го класса и пользуясь этой путеводной нитью, учитель должен подобрать (до выхода в свет соответствующих учебников) дополнительный конкретный исторический материал.

Возьмем для примера московское вооруженное восстание. Исходя из положений, данных в «Истории ВКП(б)», учитель должен дать яркую картину развития общеполитических событий, выделив особо развитие вооруженной борьбы в Москве. Например о колебаниях московского гарнизона можно привести два конкретных случая: 1) восстание в Ростовском полку и 2) попытку присоединения одного полка в Замошское войско к восставшим; полк этот был перехвачен царскими войсками и отведен обратно в казарму. Этот пример приведен В. И. Лениным в статье «Уроки московского восстания» (Соч. Т. X, стр. 51). Рассказывая о подавлении московского восстания, следует привести яркий подвиг машиниста Ухтомского, который вывел дружинников из Москвы и был расстрелян за это карательной экспедицией. При этом учитель должен указать, что именем этого героя назван район Московской области и станция Ленинской железной дороги (бывшей Московско-Казанской).

Учитель должен подбирать такой материал, который детализирует, иллюстрирует основные положения «Истории ВКП(б)». При такой его работе эта замечательная книга явится действительно путеводной нитью в его преподавании. Поэтому гото-

¹ «История ВКП(б)», стр. 104—105.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XII, Ч. 1-я, стр. 7.

³ Там же, стр. 195—196.

вась к урокам по истории СССР в 10-м классе, учитель изучает с карандашом в руке «Историю ВКП(б)», берет соответствующие работы Ленина и Сталина и подбирает фактический исторический материал. При изложении же преподаватель, наоборот, должен дать сначала фактический исторический материал, разобрать его, дать оценку событиям и, наконец, выводы на основе «Истории ВКП(б)» и работ Ленина и Сталина.

Изучение истории человечества и современного ему состояния классовой борьбы дало Марксу возможность установить законы развития и гибели капиталистического мира, а также неизбежность победы пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата. Маркс и Энгельс сломали старое, утопическое представление о социализме и создали научный коммунизм.

«Вспомните 1917 год,— говорил товарищ Сталин.—На основании научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утверждая, что Ленин находится «в бреду». Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что «Ленин сошел с ума», что его следовало бы упрятать куда-нибудь подалеже. Против Ленина были тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоился пойти против течения, против косности. И Ленин победил. Вот вам образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки»¹.

На основании научного анализа общественного развития СССР, на основании анализа международного положения товарищ И. В. Сталин обосновал и дальше развил ленинское учение о возможности построения социализма в СССР. Построение в СССР социализма подтвердило гениальное научное предвидение Ленина и Сталина.

Об этой силе научного предвидения, присущего великим корифеям науки Марксу, Энгельсу, Ленину, Сталину, «История ВКП(б)» пишет следующее: «Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю

связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем»².

Учитель истории при изучении «Истории ВКП(б)» должен уделить особое внимание этой силе научного предвидения марксизма-ленинизма и возможно чаще демонстрировать перед учащимися факты блестящего подтверждения жизнью научных предвидений Ленина и Сталина. Марксизм-ленинизм — не догма, а руководство к действию, настойчиво говорят Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. В результате своей работы над овладением большевизмом учитель истории должен воспринять марксизм-ленинизм как руководство к своей работе, к своему участию в социалистическом строительстве.

Для этого нужна прежде всего самостоятельная систематическая работа над изучением «Истории ВКП(б)» и трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, необходимо применение полученного теоретического и идеологического оружия в своей работе по преподаванию истории. Сообщая ученикам определенные конкретные исторические факты, учитель должен давать марксистскую оценку этих фактов, вскрыть причины их возникновения и показать связь их с борьбой трудящихся масс.

Например учитель 9-го класса рассказывает об отмене крепостного права в России. В основу он кладет указания «Истории ВКП(б)»: «При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход эконо-мического развития толкал к уничтожению крепостного права»³. Учитель должен подобрать конкретные факты, иллюстрирующие эти положения. Он должен в полном согласии с «Историей ВКП(б)» показать, что в основе отмены крепостного права лежали глубокие экономические причины. «Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»⁴. Конкретизируя эти положения, учитель указывает, что причинами поражения царизма была отсталость царской России, угрожавшая стране и военными поражениями и даже потерей национальной независимости русского народа. Слова «крестьянские бунты» дают возможность показать,

² «История ВКП(б)», стр. 339.

³ Там же, стр. 5 (Подчеркнуто мной.— А. Ф.).

⁴ «История ВКП(б)», стр. 5.

¹ Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года, стр. 5. Госполитиздат. 1938.

что крестьянское движение в то время было стихийно, неорганизованно, потому что оно не имело еще пролетарского руководства. Оно могло запугать царизм, оно могло вынудить царизм отменить крепостное право, но оно не могло добиться полного освобождения. «История ВКП(б)», излагая события истории СССР начиная с 50-х годов XIX века, показывает учителю истории, как ему надо строить свой рассказ в любом разделе истории СССР.

Не овладев революционной теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, не

умев пользоваться этой теорией при решении практических вопросов преподавания истории, учитель истории не будет отвечать тем требованиям, которые предъявляет к нему великий советский народ.

«Овладевая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непобедимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина—Сталина весь советский народ к победе коммунизма»¹.

О. Филиппова

41-я школа Фрунзенского района
г.р. Москвы.

ИСТОРИЯ СССР В 5-х И 6-х КЛАССАХ

Историческое образование — сильнейшее оружие коммунистического воспитания молодежи. Курс истории СССР дает богатейшие возможности воспитания в наших детях подлинного советского патриотизма, глубокой ненависти к угнетателям трудящихся масс и восхищения героической борьбой народов СССР за свое освобождение, понимания борьбы за социализм, желания построить свою жизнь по примеру лучших людей нашей родины, готовности защищать наш Союз, когда это понадобится.

Курс истории СССР в 5-х и 6-х классах было вести особенно трудно потому, что нужно пройти за один год огромный материал: «от мамонта до наших дней». При прохождении курса материал учебника под ред. проф. А. В. Шестакова расширялся и углублялся выдержками из классиков марксизма: приводились высказывания Маркса о Ледовом побоище, Сталина—о крестьянских восстаниях, Ленина и Сталина—о Петре I, а также соответствующие выдержки из истории партии и гражданской войны.

Дети с интересом слушали слова Ленина и Сталина, некоторые переспрашивали: «В каком томе, на какой странице, я у мамы возьму, у нее есть Ленин и Сталин». Дети хотели сами перечитать письмо В. И. Ленина Центральному комитету, написанное накануне восстания, приветствия молодым советским Баварской и Венгерской

республикам, статью товарища Сталина «К военному положению на юге».

На уроках истории были использованы учебные пособия. В моем распоряжении имелось 130 учебных пособий.

Типы учебных пособий: 1) плакаты-высказывания классиков марксизма; 2) карты СССР и Западной Европы; 3) плакаты-схемы отдельных исторических событий (например борьбы с немецкими и шведскими захватчиками в XIII веке, план Куликовской битвы, план похода Разина, Бородинского сражения, сталинский план разгрома Деникина, боев у Чонгара и Перекопа); 4) портреты исторических деятелей (по всему курсу); 5) вещественные памятники (произведения искусства древнейших государств в нашей стране, архитектура времен Тамерлана и т. д.); 6) изображения событий и их обстановки (картины издания Сытина, Тарасова и Гартвинга, альбом «В помощь политучебе»); 7) политические карикатуры; 8) так называемое «педагогическое рисование» мелом на доске, иногда с привлечением аппликаций, например для темы «Барщина и оброк».

Большое место на уроках истории уделялось народным песням (русским, украинским, башкирским), отрывкам из художе-

¹ «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», стр. 23.

ственной литературы (Пушкин, Лермонтов, Л. Н. Толстой), воспоминаниям знаменитых большевиков (Н. К. Крупская, В. В. Куйбышев), современной художественной литературе (Слонимский, А. Толстой, Джамбул, Сулейман Стальский, В. Иванов и др.).

Все эти средства необходимы для того, чтобы дать детям наиболее конкретную и красочную картину исторических событий и их обстановки, чтобы помочь им лучше понять и закрепить в памяти развитие и связь исторических событий. Тщательно продумывалась цель каждого урока. Например показать, как рабочие под руководством большевиков готовили вооруженное восстание в 1905 году; показать, что декабрьское вооруженное восстание было высшей точкой в развитии революции 1905 года и что оно имело огромное влияние на развитие революционного движения в странах Востока и Западной Европы.

Работа над четкой постановкой основной темы каждого урока совсем не так легка, как думают многие учителя. В этом отношении большую помощь учителям истории оказал и семинар, который вел с нами Д. Н. Никифоров, и связь нашей школы с кафедрой истории по производственной практике студентов.

Дети проявляли очень большой интерес к истории. План каждого урока (со включением в него дат, имен и названий) — объемом в 30 слов — записывали все ребята.

В начале года был объявлен конкурс на лучшую тетрадь по истории. Тетрадь для записей по истории была обязательна для всех. Дети зарисовывали в свои тетради схемы, рисовали сами иллюстрации и, наконец, иллюстрировали план каждого урока картинками из календаря, «Пионерской правды» и из других газет.

Интерес ребят к истории отразился также в работе нашего исторического кружка. Каждую пятидневку мы собирались в историческом кабинете или классе.

Занятия кружка начались с чтения художественной литературы, дополнявшего пройденные на уроках темы. На уроках из-за недостатка времени не было возможности читать былины. В кружке же детьми были прочитаны былины об Илье Муромце, Микуле Селяниновиче, Добрыне Никитиче. Были прочитаны стихотворения А. К. Толстого «Князь Курбский», «Песня про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, отрывки из «Бориса Годунова» и «Полтавы» Пушкина, статья Константинова о Суворове (журнал «Костер»), статья Ивантера о Марате (журнал «Пионер»), биография товарища Сталина (журнал «Пионер»).

Кружком были задуманы и выполнены бюллетени, посвященные С. Т. Разину, Е. И. Пугачеву, Парижской коммуне. Эти бюллетени были использованы при прохождении соответствующих тем.

Чтобы выпустить бюллетени, кружковцы проявляли большую активность, подбирая иллюстрации, тщательно выписывая лозунги и высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о Парижской коммуне.

Третий вид занятий в кружке — рассмотрение книг, альбомов, иллюстраций, старинных монет и беседы в связи с этим материалом, а также обсуждение детских рисунков и изготовленных детьми учебных пособий и макетов.

Четвертый вид работы — составление самостоятельных докладов. Один ученик задумал сделать нам доклад о Новгороде. Он прочел книгу Бернадского «Господни Великий Новгород», статью о Новгороде в «Пионерской правде», в «Правде» («Ледовом побоище») и написал доклад «История Новгорода».

Доклад он прочел в кружке и сопровождал его демонстрацией картин. Доклад был составлен очень толково и заканчивался стихами поэта пушкинских времен Языкова о Новгороде:

«Время отлетело,
Слава изжита;
Вече онемело —
Сила отнята.
Город воли дикой,
Город буйных сяс,
Новгород великий
Тихо опочил».

Докладчик не на шутку заинтересовался Новгородом. Прошло несколько месяцев, и он с радостью сообщил в кружке, что в Новгороде сделаны новые археологические находки. В конце года этот же ученик по собственной инициативе написал доклад «О гражданской войне» по материалам «Истории гражданской войны», «Пионерской правды», учебника под редакцией профессора Шестакова и др.

Пятый вид работы кружка — игры по истории. В составлении таких игр принимали участие многие ребята, используя опыт прошлогодней игры по истории древнего мира. В прошлом году у нас игра называлась «Что, где, когда?» В этом году мы обязательно хотели ввести вопросы: «Почему?», «Какое значение это имело?»

Игра состоит из серии карточек; на карточках или написан вопрос (например «Когда Волга стала русской рекой?», «Какое значение имело принятие христианства?»).

«Кто такой Чингисхан, и как звали его внука?»), или изображен план (например Куликовской битвы), или портрет исторического деятеля, писателя, или какой-нибудь вещественный памятник.

Первый вариант игры: получив четыре карточки, надо ответить на вопрос и объяснить иллюстрации.

Второй вариант игры: получив шесть карточек, надо расположить их в хронологическом порядке и аргументировать.

Третий вариант — игра с колодой: добирать из колоды карточки с тем, чтобы получить квартет, название которого играющий должен сам придумать. Например один подбирает четыре события XVII века, другой — четырех вождей крестьянских движений, третий — писателей пушкинской поры, четвертый — «Ледовое побоище», пятый — «Татарское иго и освобождение от него», шестой — «Колониальная политика русского царизма» и т. д.

Объединяющим названием надо доказать, что ты собрал квартет.

В кружке кроме того обсуждались также исторические кинокартины («Пугачев», «Петр I», «Зори Парижа», «Волочаевские дни», «Юность Максима», «Ленин в Октябре»), с большим интересом просмотренные детьми.

У нас не было времени на повторение и не было испытаний, которые дали бы возможность судить о глубине и прочности знаний учащихся, но самая работа на протяжении года, ответы учащихся, их кружковые занятия показали большой интерес и любовь учащихся к истории СССР.

Общий годовой результат удовлетворительный:

	В-с-А-с	В-с-В-с	В-с-А-с	В-с-В-с	В-с-В-с
Отлично	11	12	13	11	12
Хорошо	15	15	14	11	17
Посредственно	14	11	7	10	7

Нарушения дисциплины на уроках истории были редки.

С не успевающими в году велись дополнительные занятия.

В этом году в нашей работе был серьезный пробел: совсем не было экскурсионной работы, в то время как в прошлом году каждый класс побывал в музее дважды.

Итоги годичной работы имеются в школьном историческом кабинете и в кабинете истории Мосгороно.

А. Ефимов

ОБ ОТЛИЧИИ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЯМИ БУРЖУАЗНОЙ И БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ

Отвечаем на вопрос: «Есть ли принципиальное отличие между революциями буржуазной и буржуазно-демократической? Какими по своему характеру были революции во Франции в 1789, 1793—1794, 1848 годах? Можно ли считать революцию 1905 года в России первой буржуазно-демократической революцией?», заданный М. М. Ракитиной, студенткой пединститута Ворошиловграда.

Об отличии буржуазных революций от буржуазно-демократических или народных Ленин писал:

«Если взять для примера революции XIX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не являются, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по своему построить новое общество, на месте разрушаемого старого»¹.

Как видно отсюда, в народных или буржуазно-демократических революциях народные массы выступают активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями. Иначе говоря, первым признаком, по которому различаются буржуазные и буржу-

азно-демократические революции, являются их движущие силы. Активное выступление, участие масс — вот что характерно для буржуазно-демократических или народных революций. Вторым признаком — это объективное содержание, вопрос о том, наложили ли массы отпечаток своих требований на весь ход революций.

В «Кратком курсе истории всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» излагаются основы большевистской тактики в период «перехода от революции буржуазной к революции социалистической» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 63). В «Истории ВКП(б)» подчеркивается ленинская идея о том, что «пролетариат должен быть вождем буржуазно-демократической революции». Это относится к эпохе империализма и пролетарских революций, причем к империалистическим странам; в колониальных странах вопрос может стоять и по-иному.

В Китае, например, в 1911 году, гегемон буржуазно-демократической революции была революционная буржуазия, которая на Востоке в это время, в отличие от Европы, вела за собой народные массы. Было бы неправильным изображать Сун Ят-сена как пролетарского вождя. Между тем несомненно, что Сун Ят-сен на известном этапе революции возглавил движение революционной буржуазии и демократических народных масс Китая. Сун Ят-сен выдвинул лозунг национализации земли и раздела ее между крестьянами.

Учение о задачах пролетариата в буржуазно-демократической революции эпохи империализма и пролетарских революций было развито Лениным в его замечательной работе «Две тактики социал-демократии и демократической революции», выпущенной в свет в июле 1905 года. Ленин подчеркивал, что последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат². Ленин указывал, что «пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно-революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России»³.

Пролетариат, имеющий свою собственную, независимую от буржуазии партию,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 395—396.

² См. В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 65.

³ Там же, стр. 75.

имеет возможность сплотиться «в единую и самостоятельную политическую силу»¹.

Третье положение Ленина — пролетариат более заинтересован в решительной победе революции чем буржуазия, ввиду чего «в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии»².

Разоблачая пораженческие установки меньшевиков, Ленин указывал, что последовательным борцом за демократизм пролетариат «может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства»³.

Ленин подчеркивал, что для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии, т. е. способны «заставить ее отшатнуться...»⁴.

Наибольший размах буржуазно-демократической революции наступит именно тогда, «когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства, наряду с пролетариатом»⁵.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указывается, что в 1905 году «дело поворачивалось по установке Ленина таким образом, что пролетариат становился руководящей силой буржуазной революции, буржуазия оттиралась от руководства революцией, а крестьянство превращалось в резерв пролетариата»⁶.

В буржуазно-демократической революции эпохи империализма и пролетарских революций не буржуазия ведет за собой крестьянство, а пролетариат. В этом важная предпосылка для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Чтобы добиться в революции 1905 года решительной победы над царизмом, необходимо было вооруженное восстание, которое привело бы к образованию временного революционного правительства, правительства диктатуры победивших классов, рабочих и крестьян, — к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Вместе с тем в «Кратком курсе истории ВКП(б)» отмечается, что если революция 1905 г. показала, что «вождем буржуазно-демократической революции может быть

только рабочий класс, что только он способен оттеснить либеральную кадетскую буржуазию, высвободить крестьянство из-под ее влияния, разгромить помещиков, довести революцию до конца и расчистить путь к социализму»⁷, то все же на практике в ходе революции полная гегемония пролетариата осуществлена не была. «Рабочие, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — выступали в революции не всегда дружно, и рабочий класс, не имея еще единства своих собственных рядов, не смог стать настоящим вождем революции»⁸. «Прочного союза рабочих и крестьян против царизма» в 1905—1906 гг. еще не было.

В буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Ленин не ограничивал размах революционного движения выполнением буржуазно-демократических задач, а считал обязанностью социал-демократии вести борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ленин разработал теорию этого перерастания, которая являлась новой теорией социалистической революции, согласно которой пролетариат ведет борьбу за социалистическую революцию в союзе с полупролетарскими элементами города и деревни.

Революция 1905—1907 годов в России была первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма, однако она не была первой буржуазно-демократической революцией в истории.

Специального обобщения требует опыт ряда буржуазно-демократических революций послеоктябрьского периода, прежде всего революций в Китае и Испании, которые, в отличие от первой буржуазно-демократической революции империалистической эпохи — революции 1905 года в России, — носят на себе яркий отпечаток влияния Великой Октябрьской социалистической революции. Наряду с некоторыми чертами сходства с революцией 1905 года в России, наряду с их особенностями как антиимпериалистических, национально-освободительных революций (борьба за национальную независимость), их характернейшим отличием является создание революционной армии, вооруженные бои, перерастание в революционную войну, громадный удельный вес и организующая роль коммунистической партии. Хотя борьба народных масс в Испании, в Китае еще не окончена, однако некоторые выводы уже сейчас бесспорны.

Демократическая республика, под лозунгом которой компартия в Испании, на-

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 75.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 96.

⁵ Там же, стр. 95—96.

⁶ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 67.

⁷ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 90.

⁸ Там же, стр. 89.

пример, сплачивает мощный народный фронт в случае ее победы — не будучи еще советской демократией, — будет, однако, сильно отличаться от буржуазных республик обычного европейского и американского типа: в них не будет места ни фашистским партиям, ни другим открытым формам контрреволюции; уже теперь республиканская Испания в процессе антифашистской войны уничтожает экономические корни контрреволюции настолько радикально (национализация земель, фабрик, заводов и т. д., являвшихся собственностью лиц, участвовавших и участвующих в борьбе на стороне Франко и интервентов), что о реставрации старых буржуазных и помещичьих порядков не может быть и речи.

Всестороннее теоретическое обобщение всемирноисторического опыта Испании и Китая должно быть предметом особого изучения.

* * *

В отличие от буржуазно-демократических революций эпохи империализма и пролетарских революций, в частности от буржуазно-демократических революций в России (1905 и 1917 годы), во Франции, как и в других странах Запада, крестьянство в революции играло роль резерва не пролетариата, а буржуазии.

Характеризуя буржуазные революции Запада, товарищ Сталин говорил: «Там гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии. Там освобождение от крепостнических порядков получило крестьянство не из рук пролетариата, который был малочислен и неорганизован, а из рук буржуазии. Там крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, ввиду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии.

В России, наоборот, буржуазная революция дала прямо противоположные результаты. Революция в России привела не к усилению, а к ослаблению буржуазии, как политической силы, не к умножению ее политических резервов, а к потере ею основного резерва, к потере крестьянства. Буржуазная революция в России вытеснила на первый план не либеральную буржуазию, а революционный пролетариат, сплотив вокруг него многомиллионное крестьянство.

Этим, между прочим, объясняется тот факт, что буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок. Гегемония

пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата»¹.

Приведем теперь примеры буржуазных революций эпохи империализма.

Типичным примером буржуазной революции XX века является революция 1908 года в Турции. Это восстание, начавшееся в июне 1908 года в расположенных в Македонии войсках, возглавлялось Ниаз-беем и Эвер-беем. Турецкий султан Абдул Гамид пытался подавить движение македонских четников и младотурок при помощи войск, вызванных из Малой Азии, но эти войска, вместо того чтобы стрелять в повстанцев, перешли на их сторону. Младотурки добивались ограничения власти реакционных феодалов и духовенства. Они требовали замены самодержавной султанской монархии конституционным строем. Они заявляли о необходимости ослабить влияние иностранного капитала и дипломатии крупных европейских держав в Турции. 11 июля 1908 года Абдул Гамид издал указ о введении конституции. Но младотурки считали, что на этом революция должна закончиться. Они выступили против начавшихся в разных частях Османской империи национально-освободительных движений греков, армян, арабов и славянских подданных султана. Младотурки не дали крестьянам земли, подавляли стачки силой. На привилегии иностранного капитала в Турции они не решились посягнуть. Младотурецкая революция была революцией буржуазной.

Такой же буржуазный характер носила революция 1910 года в Португалии, где восставшая военщина, поддержанная буржуазией, положила конец полусамодержавной монархии. Король Мануэль бежал в Англию, в Португалии была провозглашена республика, но положение крестьян и рабочих и при республиканском строе мало изменилось. Результаты этой революции использовала крупная буржуазия.

* * *

Перейдем к рассмотрению буржуазных и буржуазно-демократических революций периода рождения капиталистического строя, когда буржуазия была еще революционным классом.

Была ли буржуазная революция XVIII века во Франции буржуазно-демократической, народной? Всякий, кто будет утверждать, что народные массы во французской революции XVIII века не выступали активно, не наложили своего отпечатка на весь ход революции, неизбежно придет к

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 36.

противоречию с элементарными, всем известными историческими фактами.

Выступление масс 14 июля 1789 года в Париже (взятие Бастилии), последовавшее за этим движение в городах («муниципальная революция») и в деревне («великий страх»), продолжающиеся массовые движения крестьянских масс и городской бедноты, события 5—6 октября 1789 года, 20 июня и 10 августа 1792 года, 31 мая, 2 июня 1793 года, участие масс в проведении террора против аристократов-роялистов, а также жирондистов, народный характер революционных войн, провозглашение во Франции республики и установление революционно-демократической диктатуры якобинцев — говорят о народном, буржуазно-демократическом характере французской буржуазной революции. Разумеется, следует учесть, что решающим этапом революции был период от прихода якобинцев к власти до конца революции, то есть от 2 июня 1793 года до 27 июля 1794 года. Этот период и придает буржуазно-демократический характер всей французской революции 1789—1794 годов в целом.

Товарищ Сталин подчеркивает народный характер французской буржуазной революции:

«Разве Великая Французская Революция была адвокатской революцией, а не революцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия?»¹.

О буржуазно-демократическом характере французской буржуазной революции XVIII века Ленин писал:

«...Франция конца XVIII века в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами...»².

В другом месте Ленин писал:

«Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики»³.

«Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени», — указывает Ленин⁴.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 609, 10-е изд.

² В. И. Ленин, Соч. Т. IX, стр. 190.

³ В. И. Ленин, Соч. Т. XX, стр. 536.

⁴ Там же, стр. 435.

Таким образом, французская буржуазная революция конца XVIII века может быть отнесена к числу народных или буржуазно-демократических революций своего времени, — времени, когда «пролетариат и не принадлежащие к буржуазии слои городского населения не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, ибо еще не составляли самостоятельного развитого класса или части класса»⁵.

В отличие от французской буржуазной революции 1789 года, в июльской революции 1830 года рабочие массы Парижа и других крупных центров Франции дрались на баррикадах, но не имели руководства, не имели своей партии, они не выдвинули своих самостоятельных требований, и результаты революции не находились в соответствии с активностью масс. Плоды этой революции использовала крупная финансовая буржуазия. Июльскую революцию 1830 года характеризует только один признак буржуазно-демократической революции, а именно: активное участие масс. Однако на объективное содержание революции массы оказать решающего влияния не смогли. Эта революция не пошла дальше тех целей, осуществления которых добивалась верхушка буржуазии. Поэтому буржуазная революция 1830 года во Франции не может быть отнесена к числу революций буржуазно-демократических.

Разумеется, такие революции, как испанская революция 1820—1823 годов, как итальянские революции в Неаполе и в Пьемонте 1820—1821 годов, также не могут быть названы буржуазно-демократическими. Эти революции носили характер военных заговоров. В них массы являлись послушным орудием в руках буржуазного офицерства, в руках передового либерального дворянства.

* * *

К какому виду буржуазных революций — к буржуазной или к буржуазно-демократической — относится революция 1848 года во Франции? Своей высшей точки эта революция достигла в первые дни, когда выступление народных масс привело к падению монархии Луи-Филиппа Орлеанского, когда по требованию народа была провозглашена республика, которую рабочие трактовали как республику «демократическую и социальную». В первые же дни революции временное правительство было вынуждено принять требование права на труд, требование, в котором, правда, в расплывчатой, в туманной форме уже содержалось еще не осознанное до конца

⁵ В. И. Ленин, Соч. Т. VII, стр. 54—55.

самыми рабочими требование уничтожения капитализма, создания социализма. Роль рабочего класса в этой революции огромна. Для нее характерно выдвижение массами своих требований, их попытка по-новому построить общество.

Однако с первых же дней революции инициативу берет в свои руки буржуазия. Она провоцирует выступление рабочих, она же их и подавляет. Буржуазия спровоцировала июньскую бойню 1848 года, когда молодой рабочий класс крупнейшего центра Франции — Парижа — выступил один против буржуазии. Здесь с особой остротой, с чрезвычайной силой вскрылось противоречие между пролетариатом и буржуазией — противоречие, которым буржуазное общество чревато со времени своего возникновения. В июньские дни 1848 года рабочие не победили. Правда, их борьба не пропала. Они все же пришли к власти в Париже, но это было позже — в дни Коммуны 1871 года. В июньские же дни буржуазия удержала власть.

Революцию 1848 года во Франции с полным основанием можно отнести к числу буржуазно-демократических революций, потому что массы, прежде всего рабочий класс, выступили в ней активно, самостоятельно, они наложили свой отпечаток на объективное содержание этой революции. В этой революции уже наблюдалась тенденция к превращению ее в пролетарскую, в борьбу, целью которой является уничтожение буржуазного строя.

Результатом революции 1848 года было то, что она расчистила дорогу для дальнейшего развития капитализма.

* * *

Сложнее вопрос о характере революции 1848 года в Германии. «В 1793 и 1848 г.г., — писал Ленин, — и во Франции и в Германии и во всей Европе объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция»¹. Таким образом, перед Германией в 1848 году стояли задачи буржуазно-демократической революции. Но между задачами буржуазно-демократической революции во Франции и в Германии имелось следующее различие. В то время как основным вопросом во Франции был аграрный вопрос, в Германии основным вопросом буржуазно-демократической революции было свержение феодальных династий и революционное воссоединение Германии в виде демократической республики. Было еще и другое, существенное, отличие: революция 1848 года в Германии происходила в условиях значительно большего развития капиталистических отношений. Германия стояла перед революцией

«при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия»².

Если во Франции конца XVIII века еще не было предпосылок для социализма, то в Германии, как это указывается в «Коммунистическом манифесте», буржуазная революция могла стать «прологом» к пролетарской революции. (Эта мысль «Коммунистического манифеста» получила свое дальнейшее развитие в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» 1850 года.)

Германия должна была совершить свою революцию не только при более развитых капиталистических отношениях, но и при другом соотношении классов. Во Франции буржуазия была еще революционным классом, способным вести за собой народные массы. Не то было в Германии. «Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предаст крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти, и без которых она бессильна против дворянства»³, — указывал Ленин.

Несколько дальше Ленин пишет: «Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но в частности и крестьянству»⁴.

Действительно, в Германии, за исключением мартовского периода, буржуазия не выступала как революционный класс. Лишь в некоторых случаях она решалась выступить революционно, да и то лишь обороняясь (как например во время кампании за имперскую конституцию). То, что франкфуртский парламент предлагал корону прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, свидетельствует лишь о предельном желании немецкой буржуазии пойти на сделку с феодальными династиями. Но даже и в марте 1848 года прусская буржуазия, напуганная выступлением пролетариата, устами Кампаузена объявила себя «щитом династии», защитницей Гогенцоллернов от народных масс.

Ленин писал, что в 1848—1849 годах Марке «поддерживал крайнюю революционную демократию... немецкую буржуазия он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии полное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот

² К. Марке и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 512.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 122—123.

⁴ Там же, стр. 123.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 197.

данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении...»¹.

В Германии положение вовсе не было таким, чтобы буржуазия рвалась в бой против феодальных классов и поднимала для этой цели народные массы; к 1848 году «за спиной буржуазии стоял пролетариат», германская буржуазия боялась выступления пролетариата против нее самой, она была робка, труслива, склонна к измене. Те задачи, которые стояли перед революцией в Германии, не могли быть разрешены революционным путем под главенством буржуазии. При этих условиях в назревавшей революции особенно возрастало значение пролетариата. Товарищ Сталин отмечал, что в середине XIX в. «центр революционного движения перемещался в Германию»².

Учитывая особое значение пролетариата в Германии, Маркс и Энгельс в начале 1848 года направились в Германию, именно в Кельн. Но рабочий класс в Германии в 1848 году был еще крайне незрелым, в большинстве состоял из рабочих-ремесленников, рабочих мануфактур и в очень небольшой мере из фабричных рабочих. Только в отдельных центрах рабочее движение достигло высоких организационных форм и имело революционную боевую программу (в первую очередь в Рейнской области благодаря непосредственному руководству Маркса и Энгельса). Весь же рабочий класс Германии в это время еще не выступил как сплоченная сила. Большое влияние среди рабочих имели цеховые традиции, узкий экономизм, партикуляризм. Поэтому говорить о гегемонии пролетариата в германскую революцию не приходится.

Что касается крестьянства, то в его среде имели место лишь отдельные выступления в отдельных государствах, в отдельных местностях.

Однако нельзя сказать, что в Германии в 1848—1849 годах не было народных движений. Мартовские крестьянские восстания 1848 года, выступления рабочих в Вене, Берлине, Кельне и других центрах, кампания за имперскую конституцию, движение народных масс в Вене, в Венгрии— все это говорит об участии народных масс Германии в революции 1848 года. Передовые отряды промышленного пролетариата Рейнской области, руководимые Марксом и Энгельсом, выдвинули свои самостоятель-

ные требования, свою программу в буржуазно-демократической революции. «Новая Рейнская газета» — орган «Демократического союза» — имела не только местное значение: она была рупором демократических элементов всей Германии.

Но трудно даже говорить о революции в Германии, ибо сама Германия представляла собою больше чем три десятка слабо связанных между собой государств. Революцию в Германии 1848—1849 годов Энгельс характеризовал так: «Сотни местных революций, последовавшее за ними такое же количество столь же беспрепятственно проведенных местных реакций...»³.

Многое объясняет чрезвычайно меткая характеристика германской революции 1848 года, данная Лениным, который назвал ее «полуреволюцией». И действительно, революция 1848 года в Германии, по своим результатам, явилась пародией революции 1789 года во Франции. Во Франции буржуазно-демократическая революция была доведена до конца, до уничтожения аристократии и до победы буржуазии. В Германии же феодальные классы и династии сохранили власть и землю, Германия осталась раздробленной.

Результаты германской революции 1848 года были ничтожны. Но ничтожными они были потому, что буржуазия предала революцию, а пролетариат был еще слишком слаб, чтобы возглавить ее. Ничтожными результаты оказались потому, что германская революция — это «сотни местных революций и местных реакций», что в Германии революция была задавлена, задумана до того, как она развилась в общенациональное мощное движение народных масс.

Итак, германская революция 1848—1849 годов была неразвившейся, неоконченной буржуазно-демократической революцией. Чрезвычайно большое значение для понимания характера революции 1848 года в Германии имеет следующее высказывание товарища Сталина:

«Допустимо ли вообще, с точки зрения принципов, участие марксистов и сотрудничество с революционной буржуазией в одной общей революционно-демократической партии или в одном общем революционно-демократическом правительстве?.. история марксизма говорит, что при известных условиях и на известный срок вполне допустимо такое участие. Я мог бы сослаться на такой пример, как пример с Марксом в 1848 г. в Германии. во время революции против германского абсолютизма, когда Маркс с его едино-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 29.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 6.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии». Соч. Т. VIII, стр. 197.

мысленниками входил в буржуазно-демократический союз в Рейнской провинции и когда орган этой революционно-демократической партии, «Новая Рейнская Газета» редактировался Марксом.

...принципиально Маркс и Энгельс допускали возможность и целесообразность вхождения в состав буржуазно-революционной партии в период буржуазно-демократической революции, при известных условиях и на известный срок. — в этом не может быть никаких сомнений»¹.

Для ответа на вопрос о том, почему революция 1848 года в Италии, будучи революцией буржуазной, не может быть отнесена к числу буржуазно-демократических революций, следует учесть то, что крестьянские массы в этой революции не выступили. Демократический характер движение носило только в крупных городских центрах, там, где образовались республики: в Риме, в Венеции, во Флоренции и еще в некоторых местностях, например в Ливорно, где активно выступили портовые рабочие Римской республики. Руководящую роль в итальянской революции играла буржуазия, но она не подняла народные массы против итальянских помещиков и иноземных австрийских угнетателей. Вспомним, что Гверраци во Флоренции в вопросе социальных преобразований занимал весьма умеренную позицию и что Мачини в Венеции боялся развязывания социальной борьбы (он сам неоднократно об этом говорил, и его тактика соответствовала его речам). В Риме Мачини, Армеллини и Саффи, проводя ряд революционных мероприятий, не решались конфисковать земель крупных помещиков. Они провели лишь частичную конфискацию брошенных церковных земель и других церковных имуществ. Итальянская революция 1848 года является буржуазной революцией.

* * *

Когда мы говорим о различии между буржуазными и буржуазно-демократическими революциями, мы должны, однако, иметь в виду, что буржуазно-демократическая революция, как и буржуазная, разрушает феодальные отношения и имеет своим результатом утверждение буржуазных, капиталистических порядков (в тех случаях, когда она не перерастает в революцию социалистическую).

В ряде случаев необходимо специально подчеркнуть буржуазный характер буржуазно-демократической революции. В замечаниях товарищей

Сталина, Кирова и Жданова о конспекте учебника по новой истории, где говорится о принципиальной противоположности между буржуазными революциями и Великой Октябрьской социалистической революцией пролетариата, о французской революции XVIII века говорится, как о революции буржуазной, как о революции, во время которой утверждаются буржуазные порядки.

Учитывая именно эту сторону буржуазно-демократической революции, заклятые враги пролетарской социалистической революции: Каменев, Зиновьев и их приспешники — стремились задержать революцию на ее буржуазно-демократическом этапе. Так, в 1917 году они боролись против перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, боролись за утверждение в России буржуазного строя, за власть буржуазии, против диктатуры пролетариата.

* * *

Указание товарища Сталина о важности различия между буржуазными и буржуазно-демократическими революциями некоторыми товарищами понято так, что надо найти универсальный рецепт для безошибочного нахождения и определения буржуазно-демократических революций: будь то революции XVIII или XX веков, будь то революции в странах капитализма, или в колонии, или в зависимых странах.

Этим товарищам нужно напомнить то место из «Краткого курса истории ВКП(б)», изданного под редакцией Комиссии Центрального комитета партии, где говорится: «Может показаться, что овладеть марксистско-ленинской теорией — значит добросовестно заучить отдельные выводы и положения, имеющиеся в произведениях Маркса — Энгельса — Ленина, научиться во время чтения их и успокоиться на этом, надеясь, что заученные выводы и положения пригодятся для любой обстановки, на все случаи жизни. Но такой подход к марксистско-ленинской теории является совершенно неправильным... Марксистско-ленинская теория есть наука о развитии общества, наука о рабочем движении, наука о пролетарской революции, наука о строительстве коммунистического общества...

Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить существо этой теории и научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов революционного движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата»².

¹ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 601—602. М. и Л. 1929.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 339.

К. Зельин

«История древнего мира». Т. I. Древний Восток. Под ред. академика В. В. Струве. Соцэкгиз. 444 стр. 5 р. 25 к.

По истории древнего Востока на русском языке существует несколько общих курсов, составленных в начале текущего столетия (Тураева, Хвостова, Виппера). Эти курсы содержат большой, хотя уже частично устаревший фактический материал, иногда дают оригинальное освещение событий, но не отвечают потребностям современного, советского читателя. Археологические изыскания в области истории древнего Востока открыли совершенно новые исторические перспективы. Древнейшая история Междуречья, Ирана, Малой Азии, Сирии и Финикии, многое в истории древнего Египта представляется теперь в новом свете. В частности сделан огромный шаг вперед в исследовании общества и культуры хеттов и царства Митани, установлены связи Передней Азии с Индией, открытия последних лет познакомили нас с новыми сторонами в развитии Финикии, Сирии, Междуречья. Новые законодательные памятники дали возможность гораздо детальнее изучить социально-экономическую историю Востока. Неприемлемым в названных пособиях является и самое понимание исторического процесса в странах древнего Востока их авторами, их склонность к модернизации, односторонний интерес к истории религии (Тураев), тенденциозное освещение исторических событий.

Понятно поэтому, что появление нового общего курса составляет событие в области советской историографии по древнему Востоку. Первый том истории древнего мира В. В. Струве во всех отношениях превосходит небольшую работу 1934 года того же автора («История древнего Востока»), которая отличается крайне конспективным изложением, почти полным отсутствием обоснования отдельных положений и очень скудным фактическим материалом.

История древнего Востока в рецензируемой книге излагается как совокупность истории отдельных стран. Это дает возможность составить отчетливое представление о судьбах этих стран в определенный период, но не позволяет достаточно ознакомиться с общим положением на древнем Востоке. Книга значительно выиграла бы, если бы автор привел в большую связь

историю отдельных стран и дал главы, посвященные характеристике общего положения в особенно важные моменты (например в XV—XIV веках до нашей эры). Нельзя не пожалеть, например, что такой интересный источник, как Толь-эль-Амарна-ская переписка, бросающая яркий свет на историю стран древнего Востока, почти не использован в курсе: приводятся лишь 2—3 небольших отрывка (стр. 278, 281).

Автор не дает истории древней Индии и Китая, ссылаясь на ее неразработанность. Но как раз в отношении этих стран нужна в общем очерке их истории в рамках истории древнего Востока является особенно настоящей. Нужно также отметить, что автор свое изложение строит преимущественно на истории Египта и Вавилонии, уделяя сравнительно мало внимания некоторым другим странам древнего Востока. Мы не находим в книге отдельной характеристики Митанийского царства, государств Сирии, недостаточно говорится о строе и культуре Карфагена; коротенькая и спорная по содержанию глава о Ванском царстве непонятно почему отнесена в самый конец работы. Историю Израиля удобнее было бы рассматривать не до, а после Ассирии IX—VIII века до нашей эры. Существенным пробелом является отсутствие в курсе общего очерка географии стран древнего Востока. Ничего не дает читателю, а, наоборот, вводит его в заблуждение вводная глава, написанная в духе отвлеченного, вульгарного социологизма и посвященная преимущественно развитию античного общества. Кроме вреда эта глава ничего не может принести.

Заглавие 2-й главы — «Исторические источники. Развитие науки о древнем Востоке» — не соответствует ее содержанию. В ней излагается история дешифровки египетских иероглифов и клинописи и раскопок XIX и XX веков, но отсутствуют обзор и характеристика состава источников. Отсутствие более подробных указаний на характер материала, которым пользуется современный историк, придает изложению отвлеченный и догматический характер. Глава 2-я не дает и истории науки, так как эту историю нельзя свести к истории раскопок.

Истории разработки археологического материала уделена буквально одна страничка (47—48), где в нескольких строках перечисляются пять главных работ, а остальная часть странички посвящается характеристике теории панвавилонизма и его критике, очень неполной и поверхностной. Между тем вопросы историографии

никак нельзя считать каким-то привеском в общем курсе: они чрезвычайно важны для читателя, ориентируя его в основных проблемах данной исторической дисциплины, приучая его к критическому отношению к литературе.

В 3-й главе, тоже вводного характера, дан очерк доисторической эпохи в Египте и древней Вавилонии (глава принадлежит профессору Снегиреву). Изложение отличается неравномерностью: в то время как о доисторическом Египте говорится довольно подробно (стр. 49—62), Междуречью уделены лишь 2 странички (63—65).

Касаясь общего характера изложения материала, мы должны отметить черты, затрудняющие изучение книги и являющиеся в работе, предназначенной служить общим пособием по истории древнего Востока в вузах, особенно нежелательными. Изложение носит догматический характер, иногда со словами «по нашему мнению», «очевидно», «повидимому», но без указания источников, которые должны были бы подтвердить это мнение, и нередко вообще без дальнейших доказательств. Так например общей причиной упадка и гибели древневосточных государств являются, по мнению автора, ростовщичество, появление «батраков», скопление массы рабов и борьба между рядовыми свободными и знатью, или зажиточной верхушкой (см., например, стр. 98, 116, 323, 387). Однако это положение, с которым мы неоднократно встречаемся в книге, не подкрепляется конкретными фактами, почерпнутыми из изучения источников. Конечно, в общем пособии невозможно давать развернутую аргументацию отдельных положений, но нельзя забывать все же главной цели: предлагая в систематической форме известный фактический материал, необходимо познакомить читателя с основными проблемами данной области науки, показывая ему, как эти проблемы можно разрешать на основании имеющегося материала.

Многое предполагается известным читателю. Говоря, например, о языке хеттских племен, автор заявляет: «По нашему мнению, те хеттские племена Малой Азии, которые говорили на языке с элементами индо-европейских языков, в древности говорили на яфетическом языке, переросшем позднее на более высокую стадию развития, стадию индо-европейских языков, как это установлено Н. Я. Марром» (стр. 310). Вель если ссылаться, как здесь, на теорию стадийного развития Марра, то нужно было хотя бы в самых общих чертах познакомить с сущностью этой теории, иначе отдельное суждение о переходе языков на более высокую ступень естественно вызовет у неподготовленного читателя недоумение. Для избежания этого необходи-

мо в начале каждой главы (или в начале книги) дать краткие ссылки на источники и хотя бы некоторую библиографию.

Общую концепцию автора можно кратко изложить в следующем виде. Древневосточные общества — рабовладельческие. Рабовладельческие общества древнего мира были двух родов: военно-паразитические (Ассирия, хетты, Рим) и торговые (Вавилон, Афины, финикийские города-государства). Рабовладение возникает в рамках родового строя и развивается до момента гибели данного общества. В основе этого развития лежит коллективное рабство. Община, состоявшая из знати и рядовых общинников, коллективно владеет рабами. Эта рабовладельческая община разлагается в результате развития обмена и денежного хозяйства. Появляется зажиточная верхушка, с которой вступают в борьбу так называемые рядовые общинники. Процесс разложения общины длится веками. В сущности, вся история древнего Востока есть история разложения этих общин. Все социальные движения являются или движением рабов, или рядовых общинников, или тех и других вместе. Периоды устойчивых отношений и внешних успехов государств объясняются временным примирением зажиточной верхушки и рядовых общинников. Упадок — всегда результат их борьбы и увеличения числа рабов. Таким образом, объяснение всех главных моментов политического и общественного развития стран Востока отличается чрезвычайным однообразием. Получается впечатление, что все основные проблемы разрешены, найдено объяснение всем падениям и возвышениям государств, религиозным реформам, законодательству, социальным движениям. Самая универсальность этого объяснения внушает читателю сомнение в его обоснованности. Перед нами до крайности упрощенная схема, которой автор тщетно старается охватить богатейший исторический материал. История древнего Востока была гораздо сложнее, интереснее и разнообразнее, чем это показано в рассматриваемой работе.

Специфические черты истории отдельных стран стираются в изложении академика Струве. История одной страны мало чем отличается от истории другой: меняются имена, вместо Аменхотепов и Рамзесов появляются Хаммурапи или Тиглат-Паласары, но в целом повторяется описание сходных явлений и событий, повторяются даже почти одинаковые фразы. Отдельные описания можно свободно из одной главы перенести в другую без ущерба для содержания этих глав. Сравним, например, стр. 69 (о Сумере): «Поэтому первые обитатели попали сюда против воли, загнанные более сильными соседями из окружаю-

ших долину степей», и стр. 140—141 (об Египте): «Вот почему первое население попало в долину Нила не добровольно, а под давлением внешних условий. Оно было загнано сюда из окружающих степей». Сравним также стр. 71 (о труде по созданию ирригационной системы в Сумере) и стр. 147 (о том же в Египте), о причинах падения государств: стр. 91 (Аккад), стр. 97 (Ур), стр. 369 (Ассирия), стр. 434—435 (Персия), о притоке рабов: Египет (стр. 258—259), хетты (стр. 317), Ассирия (стр. 373), халды (стр. 439) и пр.

Роль и характер рабовладения рисуются в преувеличенных и сходных для всех стран древнего Востока чертах. Автор изображает не общество со сравнительно мало развитой экономикой, общество, в котором, по выражению Энгельса, рабство не являлось еще непосредственной основой производства, но развитое рабовладельческое общество, ничуть не уступающее по масштабу рабовладения, степени эксплуатации и размерам восстаний рабов развитым античным рабовладельческим обществам Греции и Рима. См., например, стр. 95: «Таким образом вавилонское общество III династии Ура является развитым рабовладельческим обществом» (разрядка моя.—К. 3.). Конечно, мы имеем в источниках многочисленные и бесспорные указания на существование рабовладения во всех государствах древнего Востока. Но это рабовладение представляется не в виде абстрактной власти коллектива свободных над коллективом рабов, а в виде частного рабовладения, развивающегося в связи с ростом производства, обмена и денежного хозяйства, а не разлагающегося под их воздействием. И здесь, на Востоке, оправдываются слова Маркса: «В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство»¹. Поэтому понятно, что рабовладение на древнем Востоке больше развилось в Карфагене и Финикии, менее — в Вавилоне и еще менее — в Египте. Конечно, существовали рабы не только частных лиц, но коллективов: рабы царские (государства), храмов, городов. Но это — не то «коллективное рабство», о котором говорит В. В. Струве: рабы всей общины в масштабе нома или целого государства. Такое, «коллективное рабство» не является исторически доказанным фактом. В изложении академика Струве в примитивных восточных обществах уже в ранние эпохи рабовладение достигло громадного развития. Уже в V тысячелетии в Шумере рабы насчитываются сотня-

ми и тысячами (стр. 71). В хеттском обществе мы находим десятки тысяч рабов, огромное скопление их, что служит причиной его гибели (стр. 323). Халды захватывали громадное количество людей (стр. 439). В Ассирию рабы прибывали огромными массами (стр. 385). Номарх Нераконополя еще в эпоху существования государства в Верхнем Египте руководил этим государством, в котором были десятки тысяч коллективных рабов (стр. 153).

Эти утверждения находятся в противоречии с указаниями Энгельса, который писал, что «для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств»².

Специфических черт рабства на древнем Востоке, за исключением того, что постулируется коллективное рабство, не дается. Неоднократно указывается на примитивный характер восточных рабовладельческих обществ, однако в чем заключается эта примитивность, неясно. С другой стороны, господство всего коллектива свободных над коллективом рабов в изложении автора приводит к чрезвычайно упрощенному характеру классового антагонизма, чего мы не наблюдаем не только в обществе древнего Востока, но и в античном обществе; жестокие формы эксплуатации рабов, как они описываются в книге академика Струве, несколько не уступают тому, что мы знаем о Греции или Риме в эпоху наивысшего развития рабовладельческого общества. Нельзя утверждать, что «в хеттском обществе весь производственный труд был переложен на плечи рабов» (стр. 321). Государственные договоры и законы того времени дают иной материал. Рабы в изложении автора — это некая постоянная величина для всех древневосточных государств. Между тем автору, конечно, прекрасно известны, например, своеобразные «рабы» в Ассирии VIII—VII веков до нашей эры: этих рабов продают целыми семьями, с землей, на которой они сидят, положение их выше чем положение рабов в собственном смысле слова. Автор же довольствуется рассуждениями о массах рабов в Ассирии, не используя богатого запаса источников.

Массовым восстаниям рабов в книге академика Струве уделяется большое внимание, но далеко не всегда их характеристика выглядит достаточно убедительно. В папирусе Харриса имеется указание на анархию в Египте: «Страна Египта была в ру-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 298. Госполитиздат. 1938.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 163.

ках великих и правителей городов; убивали своего соседа, большого и малого». Едва ли в этом можно видеть свидетельство о том, что была сделана попытка образовать какую-то новую власть. Этот переворот, предполагает автор, произошел потому, что часть рядовых свободных подпала под влияние этих «великих», но это является предположением, для которого нет никакой опоры в источнике. Не приводятся никаких конкретных фактов и для подтверждения того, что «крупные рабовладельцы, захватив власть в свои руки», усилили эксплуатацию. Автор просто говорит: «Крупные рабовладельцы... должны (разрядка моя.— К. З.) были в сильнейшей степени эксплуатировать подчиненное им население и в первую очередь, конечно, рабов...» (стр. 305). Далее следует «восстание рабов» около 1200 года до нашей эры. Автор основывается при этом на указании папируса Харриса о том, что «некий сириец, бывший среди египтян», сделал себя великим и грабил имущество египтян. О рабах при этом в источнике нет ни слова. Не говоря о том, что делать вывод о характере движения по личности одного вождя неосмотрительно, мы не находим в источнике и сообщения о том, что этот сириец был рабом. Между тем на этом совершенно шатком основании рисуется целая картина: очевидно, этот сириец был рабом, он собрал всех своих товарищей, очевидно, сирийских и других рабов. Судя по данному тексту, рабы одержали победу, восстание рабов поставило Египет на край гибели и пр. (стр. 305—306). Автор тем менее должен был бы настаивать на исключительно рабском характере движения, что перед этим он рисовал картину все растущего угнетения свободных бедняков, закабаленных «зажиточной верхушкой». С другой стороны, трудно предположить, что великое социальное движение, победоносное восстание рабов в грандиозном масштабе, не оказало никакого, в сущности, влияния на строй Египта XX династии, который при Рамсесе IV мало отличается от строя при Мернепта.

Автор преувеличивает масштабы восстаний рабов древнего Востока. Даже в развитом рабовладельческом обществе крупные восстания рабов мы видим сравнительно поздно; еще в V—IV веках до нашей эры, например в Греции, протест рабов против угнетения не часто носил формы восстания. В трактовке вопроса о восстаниях опять сказывается общая установка автора: признавая теоретически примитивный характер рабовладельческих обществ древнего Востока, он на историческое полотно накладывает сгущенные краски и говорит о десятках тысяч рабов, о рабо-

владельческих латифундциях, грандиозных победоносных восстаниях рабов и пр.

Переходя к характеристике свободных людей, как она дана в работе В. В. Струве, мы должны прежде всего остановиться на терминологии автора. Никак нельзя сказать, чтобы она отличалась разнообразием. Главные термины следующие: «рядовые общинники», «знать», «зажиточная верхушка». Впрочем, последнее понятие не очень точно определяется: иногда сюда включается жречество или знать, иногда не включается. Нам кажется, такое употребление указанных терминов, без попытки точнее определить, с какими общественными группами мы имеем дело в том или ином случае, вносит только путаницу. В конце концов, «зажиточная верхушка» и «беднота» имеются в каждом классовом обществе. И когда подобными, общими терминами оперируют на протяжении истории различных стран в течение 2—3 тысяч лет, то достигается только один результат: все специфические черты этой истории стираются, и в памяти остается лишь борьба «зажиточной верхушки» и «бедноты».

Даже в прогрессивной буржуазной историографии XIX—XX веков многие ученые давно уже вышли за рамки подобной примитивной терминологии, не говоря уже о произведениях основоположников марксизма, у которых мы всегда встречаем наряду со стремлением выделить общие, основные черты необыкновенное умение уловить специфику социальных отношений. Такая однообразная характеристика, какую мы находим у академика Струве, не соответствует данным источников. В какие бы источники мы ни заглянули (например в переписку вавилонских царей, законодательные памятники, ассирийские юридические документы VIII—VII вв. до нашей эры и т. д.), мы встретимся с большим разнообразием отдельных категорий населения, отличных по их профессиям, обязанностям, положению в обществе, со строгим проведением принципа социальной иерархии. Автор, к сожалению, почти нигде не делает попытки дать четкую историческую характеристику социальных отношений в странах древнего Востока. Правящая община, например в Вавилоне или у хеттов, определяется как община воинов. Но источники указывают на большие различия между воинами, на различное их отношение к земле (обремененные определенными повинностями или отсутствие таковых) и т. д. Неубедительна и характеристика положения «патрициев», «сынов мужа», например утверждение относительно их коллективной собственности на землю, рабов и движимое имущество. Автор считает, что отсутствие упоминания в

ст. ст. 15—17 кодекса Хаммурапи рабов «патрициев» объясняется включением этих рабов в категорию рабов дворца или храма. Эта мысль была высказана еще Э. Мейером, который, впрочем, при этом осторожно ставил знак вопроса. Однако документы говорят о развитии частного рабовладения, а в кодексе упоминаются «рабы мужа» (*warad awilims*), §§ 199, 205, 217, 223, 252), причем авилу, как это видно из соседних статей, взято как обозначение человека высшего слоя. Нам кажется, что нельзя требовать от судебного исчерпывающего перечисления, что законы имеют казуистический характер. В ст. 219-й, например, не говорится не только о рабе авилу, но и о рабах дворца или храма. Неполнота судебного здесь достаточно ясна. Из ст. 8-й автор делает вывод, что у «патрициев» и движимая собственность была коллективной. Этот вывод всецело основывается на предыдущем предположении, так как в статье говорится лишь, что если кто-либо украдет вола, или овцу, или осла, или свинью, то, если это принадлежит храму или дворцу, он обязан возместить украденное в 30-кратном размере, а если мужкену, то в 10-кратном. Из этого можно сделать только один достоверный вывод, что за похищение движимого имущества дворца или храма штраф выше. Допущение же коллективной собственности на движимое (впрочем, также и на недвижимое) имущество стоит в резком противоречии с остальным содержанием законов и других документов. Думается все же, что свиньями или ослами вавилоняне во времена Хаммурапи владели индивидуально.

Если мы от общих положений в книге Струве обратимся к такому источнику, например, как переписка Хаммурапи, то впечатление получается совершенно иное. Здесь мы находим разнообразные разряды вавилонского общества. Люди этого общества обыкновенно находятся «в руке» какого-либо лица или даже «следуют за ним».

Вовсе не краткосрочность, как утверждает Струве, говоря об аренде на основании данных кодекса, характерна для этих отношений, а наоборот, решающим является долгое пребывание в пределах какого-либо разряда или длительное пользование землей. Очень употребитель термин *iku*, обозначающий условное владение. С черновой работы анализа всех этих своеобразных отношений необходимо начинать, а не с общих широких, но неубедительных схем.

Дифференциация древневосточного общества представляется автору поздним явлением. В Египте, например, обеднение массы населения происходит лишь в эпоху Среднего царства. До этих же пор там бы-

ли лишь «номовая знать» и «свободные общинники». С целью доказательства этого положения подвергается переоценке толкование изображений на египетских гробницах. И здесь, к сожалению, как и в других случаях, автор не дает ссылок на соответствующие места из источников, недостаточно обосновывает свои положения. Сущность их сводится к тому, что мы имеем здесь изображения, связанные с заупокойным культом.

На стенах гробниц, по мнению академика Струве, изображены работы людей, которые являлись свободными людьми, заупокойными жрецами (стр. 167). В изложении автора это положение неубедительно. Конечно, эти изображения связаны с заупокойным культом, но они могли изображать людей, которые находились в зависимости от покойного.

Можно предполагать, что если изображаются сценки из торговой жизни, или приношения крестьянок, или палочная расправа, то мы имеем дело с весьма реалистическим жанром. В общем строй Древнего царства рисуется чересчур примитивным, египетское общество—мало дифференцированным.

Совершенно невыясненным в рецензируемой работе остается вопрос об общине на Востоке, которой Маркс и Энгельс придавали такое большое значение. Общины выступают у Струве как общины в государственном масштабе, а не как мелкие сельские общины. Очень характерно, что автор почти не употребляет термин «крестьяне». Между тем источники дают материал об общине. Не имея возможности подробнее останавливаться на этом вопросе, которым много занимается академик Н. М. Никольский (см. также статью профессора Авдиева в журнале «История-марксист» № 6 за 1934 год), укажу лишь на один из источников, интересный в этом отношении: на ассирийские законы, сообщающие в статьях о землевладении и ирригации важные данные о «соседях» (*tarrau*); эксплуатации в странах древнего Востока подвергались отнюдь не только рабы, но и широкие массы крестьянства.

Очень своеобразную роль играют в изложении академика Струве восточные деспоты. Они, по мнению автора, представители знати и крестьянства. В дальнейшем, однако, оказывается, что деспоты эти являются главным образом представителями и защитниками народных масс. Среди этих проводников «народной» политики мы встречаем разных людей: Эхнатона и Урукгинну, Носию и Синахериба, или Саамна-наса, Хаммурапи и Тиглат-Паласара IV, Дария I и Амасиса. Несмотря на различие времен и народов их объединяет одно: они

защищают интересы бедняков против зажиточной верхушки. На первый взгляд удивительно, как это ассирийские деспоты и египетские фараоны превратились в защитников обездоленных, но вывод этот связан с общей схемой автора, который в этом вопросе (как и в некоторых других случаях) следует взглядам Мейснера, чрезвычайно знающего ассириолога, но слабого историка.

В I томе своей работы—«Вавилония и Ассирия» — Мейснер говорит: «Многие властители, как Урукagina, Тиглат-Паласар IV, Салманасар V, пытались смягчить эти социальные противоречия, но не имели прочного успеха со своими демократическими (volksfreundliche) реформами».

Причины реформы Эхнатона в изложении академика Струве носят несколько случайный характер (стр. 273). Брак Аменхотена III с Тией озлобил верхушку египетского общества, и Эхнатон, выросший во враждебном отношении к знати, выступает защитником рядовых общинников. Он опирается только (разрядка моя.—К. З.) на них. Впрочем ничего, что подтверждало бы это положение, не приводится, да и не может быть приведено. Самым, однако, поразительным в объяснении академика Струве является то, что главная сила, против которой была направлена реформа, отходит далеко на задний план: фиванское жречество роли, по видимому, не играет, борьба идет вообще против номовой религии. Наконец, чрезмерно преувеличены масштабы борьбы (стр. 279): она изображается «более ожесточенной и упорной, нежели та, которая велась в конце эпохи Среднего царства (около 1750 года)»!

Другой яркий пример «демократических» правителей древнего Востока — это ассирийские завоеватели. Тиглат-Паласар IV опирается на народ, составляющий войско, в которое входят десятки тысяч «обезземеленных крестьян». Наконец, Салманасар V «решил полностью покончить с привилегиями господствующего класса» (стр. 374). Здесь все непонятно. Ведь господствующим классом были, по мнению автора, рабовладельцы. Но в их состав входили и рядовые свободные. Очевидно, здесь под господствующим классом надо понимать «зажиточную верхушку». Даже и при таком понимании демократический характер мероприятий ассирийских царей поражает. Демократические реформаторы Греции или Рима не ставили перед собою таких задач, которые якобы поставил ассирийский царь. Нельзя на основании состава

армии делать столь решительные выводы.

Помимо указанных принципиальных соображений необходимо отметить некоторые фактические пробелы. В главах об Ассирии не объясняется факт возникновения военного государства, не указывается на значение железа для военных успехов Ассирии. При изложении содержания ассирийских законов обойдены молчанием интереснейшие статьи по земельному праву. Совершенно недостаточно охарактеризована своеобразная культура Египта в Саисскую эпоху. Евфрат почему-то назван восточной границей царства Митани (стр. 362). Не указаны связи хеттской культуры с критской. Слишком общо и не всегда верно изложена история Израеля и т. д.

Подводя итоги, следует указать, что мы не думали совершенно отрицать значение работы академика Струве. Несомненно, рабовладение существовало во всех странах древнего Востока, и ему недостаточно уделялось внимания в историографии. Необходимо признать также, что в странах древнего Востока не существовало феодальных отношений того типа, какой мы находим в средневековой Европе. Но автор, как мы видели, не только стремится показать значение применения рабского труда, он до крайности обобщает недостаточные указания источников в этом отношении и приходит путем этого поспешного обобщения к совершенно неожиданным выводам. Вопрос о рабстве неотделим в книге от общей историко-социологической концепции автора, отличающейся упрощенчеством, недостаточным пониманием конкретной, исторической обстановки. Развивая свои положения относительно рабовладения, автор не просто выдвигает исторический фактор, до сих пор остававшийся в тени, а вконец меняет все понимание истории древнего Востока, опрокидывая без достаточных оснований существующие научные воззрения.

«История древнего Востока» еще далека от тех требований, которые предъявляются к учебным пособиям нашей страной, партией и правительством. «Древний Восток» содержит большой ценный фактический материал, но в целом страдает схематизмом, труден для усвоения и обнаруживает черты отвлеченного социологизма.

Над доступным изложенным учебником по истории древнего Востока для вузов, стоящим на надлежащем высоком марксистском уровне, советским исследователям предстоит еще много поработать.

С. М. Левидова «История Онежского завода». Вып. 1-й. Завод в крепостную эпоху. Издание Карельского научно-исследовательского института культуры. Петрозаводск. 1938. 136 стр. 5 р. 50 к.

Онежский завод является крупнейшим предприятием Карельской автономной ССР. Основанный в 1703 году Петром I на берегу Онежского озера, чугуноплавильный и пушечный Петровский завод стал тем предприятием, жизнь и развитие которого наиболее тесно связаны с жизнью и развитием всего края. Перестроенный после падения крепостного права на капиталистический лад, он после Октябрьской революции становится социалистическим предприятием — Онежским заводом.

В настоящем, первом выпуске истории этого завода дается описание его в крепостную эпоху. Автор на основе тщательного и внимательного изучения большого архивного материала подробно описывает производственную технику завода, условия работы мастеровых, непосредственно работавших на заводе, и крестьян, приписанных к заводу для добычи руды, перевозки ее, для заготовки дров и угля.

«Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 517).

Эта характеристика деятельности Петра, данная Лениным, как нельзя лучше, полнее и ярче может быть подтверждена историей завода, построенного Петром.

Варварские приемы борьбы с варварством, применяемые Петром, были в полном объеме усвоены иностранными и отечественными руководителями завода. Для тысячи крестьян — приписных к заводу — заводская обязательная работа была хуже барщины. Расценки на работу были так низки, что крестьяне предпочитали уходить на работу на сторону и по более высокой расценке нанимать за себя возчиков угля и руды. А чаще всего они просто убегали. Первый управляющий завода англичанин Геннин писал Петру в 1714 году: «Для лучшей нарскому величеству прибыли в работе и чтобы кровопролития больше не чинить, положил я на них за «неты» и за побег штрафу по 2 рубля в месяц... понеже их кнутом содержать было невозможно, а вешать грех» (стр. 16).

В ответ на притеснения со стороны заводского начальства и правительственных чиновников крестьяне и мастеровые завода

отвечали не только побегам, но и восстаниями, подавлять которые правительству приходилось военной силой, вплоть до применения артиллерии.

Интересно отметить, что уже в те отдаленные времена (1770 год) существовало представление о крамольных зачинщиках всякого «непокойства и непослушания», тогда они назывались «предерзавые бездельники».

Кроме приписных крестьян на самом заводе «у приходу и расходу заводских припасов и материалов» было 222 человека (стр. 45). Это были потомственные мастеровые. Из этих 222 человек 198 было «из майстерских детей», то есть сыновья заводских мастеровых. Жилось им не легче чем крестьянам, даже хуже, так как они не имели нахотной земли и все продукты покупали на стороне, а жалованье получали в год от 16 рублей до 24. Автор, приводя очень интересные данные о материальном положении рабочих завода за разные периоды описываемого времени, приводит и очень характерную жалобу рабочих на свое положение: «Находясь с давних лет при разных правлениях, получая малое жалованье, но будучи всегда в тяжелой работе, нет воззрения на совершенную их скудность, особенно по дороговизне, какова суть беспрерывна в городе Петрозаводске» (стр. 48).

Подробно рисует автор и производственную сторону работы завода. От допотопных способов добычи руды, ее плавки, литья и обделки пушек и ядер завод очень медленно переходил к приемам более совершенным. Неповоротливость заводской и высшей правительственной администрации была ужасающая. Так например способ добывания руды со дна озер на плотах вручную, ковшами дождал до 1910 года. Брак изделий не только не уменьшался, но даже возрос, выход чугуна с заводских домен за 60 лет оставался на одном уровне. Приводимые автором данные о выработке на заводах Англии за тот же период еще более подчеркивают отсталость русских заводов.

На положении Онежского завода отражались тогдашние общие условия жизни. «До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда...» («История ВКП(б)», стр. 5. Госполитиздат. 1938).

Положение крепостных рабочих было очень тяжелое. Они были совершенно бесправны. Наказание и по суду и без суда

плетями, шпирутенами, ссылка в каторжные работы, вырывание ноздрей и клеймение на лбу и щеках буквами «ВОЗ» (возмутитель) были обычным явлением за все время существования завода в крепостную эпоху.

Онежский завод существует без малого 250 лет. История его очень показательна и характерна для истории развития металлургической промышленности в России. Карельский научно-исследовательский институт культуры поступил вполне правильно, приступив к изучению его истории. Автор первого выпуска тов. Левидова неплохо справилась со своей задачей и дала яркую, интересную картину развития завода в крепостную эпоху, положения крестьян и мастеровых, связанных с заводом, и правильно увязала историю завода с условиями общего положения страны за исследуемое время. Но необходимо вместе с тем указать на неудобство издания «Исто-

рия Онежского завода» стилистыми вывертками. Целесообразнее пойти на сокращение объема книги, чем растягивать на долгое время выпуск книги отдельными изданиями. Этим снижается и общее, цельное представление об истории завода и затрудняется в будущем использование материала книги в научно-исследовательских целях.

Необходимо также на будущее время давать подзаголовки к отдельным разделам книги, что облегчит ее чтение.

В настоящем выпуске, размером в 125 страниц, имеется целых 377 ссылок на источники — это непомерно много. Когда просматриваешь эти сотни ссылок, то убеждаешься, что, по крайней мере, половина их без ущерба для содержания книги могла бы быть опущена или заменена текстом от автора. От этого книга, безусловно, выиграла бы и со стороны изложения.

★ ★ ★

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти великого летчика нашего времени Героя Советского Союза тов. Валерия Павловича ЧКАЛОВА . . .		1—2
Б. ВОЛИН — Боевая программа действий		3
Э. КОРОЛЬЧУК — В. И. Ленин и Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“		14
Г. УТНИН — Первые шаги рабочего движения в России (70—80 годы)		26
Н. ЕГОРОВ — Марксистская критика народнических взглядов на русскую общину		35
В. ГАЛКИН — Создание русского национального государства		48
И. НАЗИН и М. РАБИНОВИЧ — Древнерусские архивы		59
А. ФИЛИМОНОВ — Большевики Иркутска и Красноярска в колчаковском подполье		64
Г. РЕЙХБЕРГ — Подготовка интервенции Антанты и заговор Локкарта. 1918 год		76
Б. ЗАХОДЕР — Иран при Сасанидах		84
Н. ВИНОГРАДОВА — Выставка „Слово о полку Игореве“ в Государственном литературном музее в Москве		97
ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ		
А. ФОХТ — „Краткий курс истории ВКП(б)“ и учитель истории		104
О. ФИЛИППОВА — История СССР в 5-х и 6-х классах		110
КОНСУЛЬТАЦИЯ		
А. ЕФИМОВ — Об отличии между революциями буржуазной и буржуазно-демократической		113
БИБЛИОГРАФИЯ		
К. ЗЕЛЬИН — „История древнего мира“		120
В. ЛОСЕВ — С. М. Левидова „История Онежского завода“		126

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № Б-44050 Изд. № 1208 Зак. № 3139. Тираж 48 300
Материал слан в набор 16 XI 1938 г. Подписан к печати 20 XII 1938 г. 8 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.